

Учиться нужно не писать, а видеть!

А. Экзюпери

Трафопан № 3(39)-2019

Альманах для любителей словесности

Издаётся с 2010 года

Редактор-составитель — Николай Година

СТИХИ

Светлана Ивана Я буду рядом в счастье и печали	5
Алла Федосеенкова И снова эта женщина в окне.....	28
Анатолий Кухтурский Легенда о степных озерах.....	35
Любовь Дубкова Я навсегда у осени в долгу!.....	37
Каринэ Гаспарян Я зря позарилась на яблоко.....	38
Ирина Осмачко И жизнь без радости напрасна.....	39
Вячеслав Тюнькин Когда бы стих достойнее звучал	44
Александр Горелов Путешествующим по времени поэма.....	49
Тулеген Наурзбаев Ширь, как песня залихватская плывёт.....	51
Галина Афимова Пониманье многих истин	52
Анатолий Омельчук Как хорошо, что я здоров.....	54
Михаил Авдейчик К лицу природе осени покррой	62
Владимир Яковлев Чего я жду, чего сказать мне боле.....	63
Илья Весенин Рассуждаю с зятем я, как проходит жизнь моя.....	64
Нэлли Кизилова Как Бог такое допустил.....	65
Наталья Ушакова Ермоша и чёрт сказка.....	67
Валерий Дивянин Басни.....	70
Людмила Куковенкова Теперь я знаю и поведать рада.....	71

Татьяна Ческидова Два ангела в белых рубахах.....	77
Тамара Барейшина Я не стараюсь мир исправить.....	79
Александр Фунштейн Как жила б Россия без Урала?.....	80
Лидия Осминина Коса звенящая в росе.....	81

Проза. Драматургия

Олег Иванов	Место под солнцем.....	8
Александр Кукушкин	Два Сашки (роман).....	33
Виктор Ружин	Паёк.....	41
Валерий Мякушко	По акции.....	59
Михаил Рудковский	Туфли.....	72
Марина Шалыгина	Личная жизнь (зарисовка).....	75
Наталья Сумина	Дочь-мать.....	86
Андрей Смолюк	Как я жену доконал... ..	89
Зоя Романова	Волшебный ларчик (сказка).....	90
Николай Банных	На Крутояре (пьеса в трех действиях).....	92
Ольга Кучерюк	Машенька (документальный рассказ).....	102

Публицистика. Культура

Зухра Абдуллина	Голос.....	43
Лев Львов	Ночной бриз.....	56
Виктор Селиванов	Мудрый лис.....	74

Неонила Осмачко	Картинки из детства.....	76
Павел Хрипко	Капитанский сын.....	82
Наталья Паршукова	Уголовное дело.....	88
Наталья Дубровина	Гульцыны. Клавдея.....	103
Татьяна Киселева	«Маленький человек, что же дальше?».....	106
Надежда Лысанова	Пророки живут мудрее.....	114
Виктор Калугин	Былое и думы о Римме Дышаленковой.....	115
Галина Козлова	Утаенная любовь Александра Сергеевича Пушкина (эссе).....	117
Вячеслав Тюнькин	Предтеча?.....	120

Победа 74

Нина Калева-Прохоренко	Рассказы моей мамы.....	121
-------------------------------	-------------------------	-----

Детская комната

Людмила Бычкова	Котик с картинки.....	112
------------------------	-----------------------	-----

Голоса молодых

Роман Япишин	Это птицы покинули сад.....	130
---------------------	-----------------------------	-----

Краеведение

Анатолий Кухтурский	Одна из тысяч.....	131
----------------------------	--------------------	-----

ОПЫТЫ

Анатолий Чигинцев Я лежал у разбитого камня	133
Оксана Карташёва Проходит все, но не бесследно	135
Евгений Хамович Жизнь без войн прожить на планете	136

Домашнее задание

Александр Кукушкин Баллада об Урале	113
--	-----

Книгочей

Янис Грантс

Фунштейн, А. М. Наше время	137
Козлова Г. М. Всем миром	138
Дивянин В. А. Надежда	138
Иванов О. В. Тени прошлого	140

Я буду рядом в счастье и печали

Караван уходит в небо

Гусей заблудший караван
Уходит в небо.
Давно окончен наш роман,
Как будто не был.

Не отрекаются, любя,
Ценой разлуки.
И обнимают не меня
Родные руки.

Смотрю на павшую звезду,
Покой лишь снится.
Вокруг мелькают, как в бреду,
Чужие лица.

Увы, мне просто не дано
Забыть обмана.
Моя душа летит давно
За караваном.

Мы с тобою

Море, волны, шум прибоя,
Чайки плачут над волной.
В этом море только двое,
Только двое — мы с тобой.

Мы с тобою в целом мире
Знаем тайны бытия,
Знаем то, что все забыли,
Только двое, ты и я.

В этом мире море горя,
В этом море мира тишь.
Знаем только мы с тобою,
Я молчу, и ты молчишь...

Лёгким намёком

Лёгким намёком и полутонами
Ты разбудил то угасшее чувство,
Словно и не было лет между нами,
Полных разлук. И оно так искусно

Вспыхнуло ярко ночью звездой,
Смыслом наполнило серые будни.
Лунный тот свет между мной и тобою
Видели мы, но не видели люди.

По Млечному Пути

Я не уйду, я просто кану в лету,
И по законам новой жизни вечной
Моя душа пускай стремится к свету,
Твою дождётся на Пути на Млечном.

Я не уйду, я просто дверь закрою
Меж двух миров, пространство изменяя.
Где было мне так хорошо с тобою,
И будем вместе мы, я точно знаю.

Прольётся летний дождь моей слезою,
Услышь мой шёпот в ветра дуновенье,
Коснусь тебя я выпавшей росой
Пускай на миг, лишь только на мгновенье.

В ночи увидишь образ луноликий,
К тебе спущусь я лунною дорожкой
И нежно обниму, а солнца блики
Разбудят по утру моей ладошкой.

Я буду рядом в счастье и печали,
В рутине дней и будней постоянства.
Недаром нас с тобой давно венчали
Небес и жизни общее пространство.

Когда закончишь с здешними делами,
Тебя я встречу на Пути на Млечном,
Мы будем говорить, болтать ногами,
Паря на облаках, шутить беспечно,

Любимых вспоминать мелодий звуки,
Дома и города, эпохи, лица,
Готовиться к очередной разлуке,
Чтоб в новых жизнях снова воплотиться.

Я не уйду...

Ссора

Словно над судьбой довлеет рок:
Будто две израненные птицы
Жизни дочитали между строк
Старые потёртые страницы.

Ссорятся уже на вираже,
И слова летят быстрее пули.
Злоба откликается в душе
Льдинками — осколками глазури.

Лёд не тает, каждый увлечён,
Важно, чтобы им та карта крыта.
Только их любви хрустальный чёлн
Разлетелся в прах о лодку быта.

Вариация на тему

Вдохновение

Я только мысль, которой нет.

Ирина Казакова

<http://www.stihi.ru/2018/02/15/6783>

Я — только мысль, которой нет,
Как послевкусие конфеты
Иль лёгкий завиток сюжета,
Увы, неначатый сонет.

Я — сгусток эго, я — фантом,
Как первый лучик позабытый,
Мотив знакомый, но избитый
И всем поющий не о том.

Я — шёпот тысячи планет,
Что вроде бы не очевиден.
Я — свет звезды, который виден,
Хотя самой давно уж нет.

Я — тонкий штрих карандаша,
Покрытый сверху слоем масла,
Свеча, что всё-таки погасла,
Как догоревшая душа.

Белой эмиграции — 2

Она дрожала как осенний лист,
Он был спокоен: школа офицера.
Какой затейливый судьбы каприз
Жизнь перемерить бело-красной мерой.

Она держала воротник пальто,
Он полистал вчерашнюю газету.
А в целом мире и не знал никто
Финал замысловатого сюжета.

Она тихонько вытерла слезу,
Прощаясь с милыми родными берегами.
Он вспомнил дом и майскую грозу,
Москву с её калашными рядами.

Турецкий берег поманил вдали,
Вонзились в небо шпили минаретов.
Всё дальше, дальше от родной земли
Их уносил корвет «Георгий Ветров».

Потом Париж, Женева, дом пустой,
Их сын, который станет коммерсантом,
Для Родины, увы, уже не свой,
В Швейцарии — сын русских эмигрантов.

Кармическая связь

Ты помнишь, брат: мы шли в лесу с тобой
Бок о бок, защищая наши спины?
Вступили мы потом в неравный бой
И пали в нём, намереньем едины.

Я помню, как в пустыне без воды
Наш караван растаял на рассвете,
Нас не разняв, и зыбкие следы
Занёс песком шальной бродяга-ветер.

Груз прошлых жизней поместив в архив,
Узнали мы друг друга в новых лицах.
Скажи-ка, за какие, брат, грехи
Нам суждено не братьями родиться?

Надежда

Ревёт океан,
Разрывая одежды.
Идем сквозь туман
К мысу Доброй Надежды.

Мутнеет рассудок,
И времени мало
Надежде, что чудом
Реальностью стала.

Утихла стихия,
Бушуя намедни,
С надеждой, которая
Гибнет последней.

Несмеяна

Там, где трав дурманы
И белеют хаты,
В рекруты Ивана
Взяли, во солдаты.

Все друзья-подруги
Водят хороводы.
Не милы ей в круге
Даже неба своды:

Не бродить с любимым
Босиком по росам,
Не сидеть под ивой,
Распустивши косы.

Отцвели поляны,
Сосны в гжель одеты.
Вспомнит Несмеяна:
— Где ты, милый, где ты?

Поэт и художник

По крыше монотонно бряцал дождик.
Весна упорно подражала лету.
Часы стремились к полночи. Художник
Писал портрет известного поэта.

Мазки ложились ровно, утончённо.
Звучали в голове его сонеты.

Смотрел с холста немного удивлённо
Слегка уставший взгляд из-под лорнета.

Он замер у готового портрета:
Сюртук, рубашка белого батиста —
Мятежный дух великого поэта
Под кистью молодого портретиста.

Гипотеза создания мира

*Есть гипотеза, что когда-то,
В пору мамонтов, змей и сов
Прилетали к нам космонавты
Из далёких, чужих миров.
Прилетели в огне и пыли
На сверкающем корабле.
Прилетели и насадили
Человечество на земле.*

Э. Асадов

Когда-то давно, до создания мира,
Слетел навигатор в космической дали:
Стремилась пришельцы в созвездие Лиры
И как-то случайно на Землю попали.

Но были пришельцы крутыми парнями
И не растерялись, не плакали с горя,
А сели, призывно сверкая огнями,
Поодаль чуть берега Красного моря.

Потом, осмотревшись, прикинули хором,
Что что-то нечисто на этой планете.

Ну нет, не буквально про мусора горы,
А то, что их попросту некому встретить.

Скумекали быстро, взялись за работу,
Потели, краснели, ваяли, лепили,
Что с их интеллектом как будто в два счёта,
И нас на Земле наконец насадили.

Построили нам пирамиды и храмы,
А сами пришельцы вошли в манускрипты
Как первосоздатели всех, псевдомамы
И древние боги большого Египта.

Спасибо всем тем, кто летел в той ракете,
За то, что они перепутали Землю
С какой-то другой неизвестной планетой
И сделали это, рассудку не внемля.

Уныло, пасмурно, печально

Уныло, пасмурно, печально:
Привносит осень непогоду,
Обычных дней рубеж венчая
Дождём и снегом. Время года,

Лишив покоя разных профи,
Уединеньем докучает
За чашкой утреннего кофе,
Послеполуденного чая.

Два сердца бьются в унисон

Два сердца бьются в унисон, печаль преодолевая,
Два голоса слова любви из года в год слагают.
Две пары глаз, как ярких звёзд, бесчисленные дали,
Единство мыслей, душ полёт, их разлучишь едва ли.

Одно дыханье на двоих, и в нём ни грамма фальши,
Идём по жизни мы вдвоём всё дальше, дальше, дальше.
Нас шепот ветра, солнца зной, величье гор венчали.
Два сердца бьются как одно и в счастье, и в печали.

Уходя, уходи

Растворяется легкая грусть в крупных каплях дождя,
Моноotonно бренчащего о пережат черепицы,
Хладнокровно сжигая мосты, уходи, уходя,
Дай мне вдоволь опять той внезапной свободой напиться.

Утонули аллеи в потоках безудержных слёз,
Небеса прохудились, как легкое платье из ситца.
Уходя, забери мириады несбывшихся грёз,
Дай мне снова на взлёте далёкой мечты очутиться.

Не тревожь ты отныне меня наяву и во снах,
Просто разной дорогой пошли мы с тобою по свету,

Очутившись внезапно в других параллельных мирах,
Неземных городах или самых далёких планетах.

Я тебя отпускаю, лети без сомненья, лети.
Я тебе благодарна за жизни совместной уроки.
Пусть дороги твоей без меня заводной серпантин
Не прервётся на раннем, судьбой не отпущенном сроке.

Осень

Изнуряюще красивой оказалась эта осень.
Отгорев, кусты рябины уронили листья оземь.
Тонкий лёд глазурью белой запечатал слёзы-лужи.
Холода закрались в ночи, как хандра проникла в души.

Под пушистым первым снегом, отблестав, поникли крыши.
Облака посоловели, птичьи трели еле слышно,
Неустойчива погода, пахнет в воздухе зимою,
Опечалилась природа, погрустим и мы с тобою.

Пианист

Играл пианист, и по клавишам бегали руки.
А сам исполнитель был юн, но уже гениален.
Сменяли октавы друг друга, волшебные звуки
Мелодии вечной как мир вдохновением стали.

Зал замер, и будто бы по этих рук мановенью
Дрожал инструмент, выражая то счастье, то муку.
Прожил пианист, наслаждавшийся каждым мгновеньем,
Рожденье и смерть, воскресенье, любовь и разлуку.

г. Салехард

Олег Иванов

Место под солнцем

Конец апреля пятьдесят девятого выдался теплым, снега почти не было, земля дышала испаринами, кое-где пробивалась зеленая трава.

Семен Логинов сошёл с поезда, поправив на плече потертый сидор. Снял засаленную ушанку, растоптанным кирзовым сапогом потер перрон, будто пытался дотронуться до родной земли голой пяткой. Осмотрелся по сторонам. Перрон был такой же, как и девять лет назад, практически ничего не изменилось. Потоптавшись на месте, Семен пошёл в сторону автовокзала, но вдруг остановился, про себя подумав: «Зачем автовокзал? Все равно нет денег, чтобы купить билет. Ну ничего, до деревни пятнадцать километров — дойду. Схожу на кладбище, проведаю родных, встречу с сестрой и уеду отсюда на север, на Урал, страна большая. Буду работать, а там как карта ляжет».

Проходя мимо автовокзала, он посмотрел на него. Здание было перестроено. «Оно стало более большим и свежим, — подумал он, — да и люди другие, сытые, веселые, не как тогда, в пятидесятом, когда его в марте арестовали, вернее, он сам сдался».

За этими мыслями его кто-то окликнул:

— Семен?! Логинов?!

Он обернулся на окрик. Перед ним стоял человек в кожаном пальто и в шляпе, его очки блестели на солнце.

— Семен, ты что, не узнал меня? Или не хочешь узнавать? — Он снял очки.

— Роман, ты, что ли?

— Да, я, Семен, твой друг детства.

Семен подошёл к нему вплотную. Роман протянул ему руку, и они крепко обнялись.

— А очки-то для форса, Рома?

— Нет, что ты. Зрение ни к черту. А ты куда бредёшь?

— В деревню, домой, если он есть, дом.

— Так, Семен, пошли. Я на машине, доедем вместе. — В это время подъехал газончик, остановился возле них. — Витя, ты где катаешься? Целый час стою тебя жду. Точно пойдёшь на трактор работать.

— Роман Алексеевич, вы же сами мне сказали заехать в киносеть, забрать кинофильм, а там народу много, вот поэтому и долго.

— Ладно, поехали. Семен, садись.

— Куда едем, Роман Алексеевич, домой?

— Нет, Витя, вези до Тони.

Машина тронулась с места, проехав несколько улиц, свернула в проулок и остановилась возле столовой.

— Помнишь, Семен, забегаловку? А теперь культурная столовая. Ты, Витя, кушать будешь?

— Нет, Роман Алексеевич, я пока в киносети ждал, там перехватил. Я вас здесь подожду.

— Пошли, Семен, покушаем, да по сто грамм выпьем за встречу. — Семен хотел сказать, мол, нет денег, но Роман его сразу понял. — Чур, сегодня я тебя угощаю, и никаких «нет».

Они зашли в столовую, там было чисто и уютно, столы стояли ровными рядами, накрытые белыми скатертями. Семен даже зажмурил глаза от такой белизны. Недалеко в углу играла музыка, на проигрывателе крутилась пластинка. Они заняли столик возле окна, к ним быстрым шагом подошла миловидная женщина:

— Роман Алексеевич, здравствуйте! Как хорошо, что вы заехали! Что будете кушать?

— Тоня! Вот знакомься, мой друг детства и не только детства Семен Михайлович Логинов.

— Антонина Потапова.

— Тоня, ты нас покорми на свой вкус. Принеси водочки и две кружки пива, только водочку сразу.

— Всё сделаю, Роман Алексеевич.

— Рома, ты кто? — спросил Семен.

— Я, Семен, главный агроном района.

В это время подошла Тоня. Она принесла запотевший графинчик с водкой и два бутерброда с рыбой.

— Через пятнадцать минут подам обед.

Роман разлил по рюмкам водку.

— Ну, за встречу! Дождался я тебя, Семен.

Они чокнулись, выпив до дна.

— Мать писала, Рома, что ты ей все время помогал, был как сын. Спасибо тебе большое. И тогда, на суде, больше всего за меня заступался, я всё помню.

— Да, Семен, я даже хотел писать в ЦК партии. Но после суда через три дня приехали за мной два товарища и увезли в район, а там в одиночной камере продержали три дня, популярно объяснили: мол, не успокоюсь, подадут на пересуд, а там твоему другу вышка светит. В общем, отпустили меня через три дня домой. Правда, после их беседы я месяц кровью мочился, почки полгода болели. Я понял, что плетью обух не перебьёшь, себе дороже. А мать твоя осталась с сестрой, лучше я буду им помогать, чем могу.

Роман замолчал, какое-то время смотрел на Семена, снял очки и, вздохнув большой глоток воздуха, выпалил:

— Семен, ты зачем вернулся сюда?

Логинов с удивлением посмотрел на Романа:

— Не понял тебя, Рома.

— Ты с каким сердцем приехал? Дальше мстить, али как?

— Слушай, Рома. Я отомстил девять лет назад, когда убил того гада, я не жалею, что это сделал. Да ты не бойся, я ненадолго. Документы получу и уеду, страна большая.

— Да, Семен Михайлович, страна большая, ты прав. Смотри, как светит солнышко! Тепло. Весна. Но, Семен, каждому оно светит по-разному. Кому тепло, ярко, а у кого горебеда, а оно светит?

— Ты к чему это, Рома?

— А к тому, что у каждого человека своё место под солнцем, независимо, светит оно или нет.

Семен поставил рюмку, его желваки заиграли на лице. Роман это заметил. Он знал, что когда Семен злится, он всегда так делает.

— Ты, Семен, не злись. Я к тому это говорю, что страна наша большая. Можно уехать куда угодно, но своё родное солнышко там, где ты родился. И ты вправе выбирать. Только ты.

Роман замолчал. В это время подошла Антонина с подносом и еще одна девушка. Расставив тарелки на стол, Антонина спросила:

— Роман Алексеевич, как Надюша?

— Спасибо, Тоня. Все хорошо.

Она поняла, что разговор идет очень серьёзный, и отошла в сторону.

— Семен, ты давай ешь. Решать тебе: уезжать или нет. Я со своей стороны, конечно, помогу.

— Роман! Скажи, как меня в деревне встретят? Как убийцу?

Роман встал, подошёл к окну, открыл форточку:

— Витя! Зайди на минутку!

Виктор зашел в столовую.

— Виктор, ты знаешь этого человека?

— Лично, к сожалению, нет, но с большим удовольствием пожму его руку. — Он протянул руку Семену. Семен, ничего не понимая, встал и пожал его руку.

Виктор развернулся и вышел из столовой. Роман разлил водку по рюмкам:

— Давай, друг, чтобы все было хорошо. — Уходя из столовой, Роман подозвал Тоню. — Тоня! Сделай нам бутербродов, бутылочку водки и пачку папирос.

— Сейчас сделаю, — сказала Тоня.

Выйдя из столовой, они сели в машину, и та сорвалась с места. Выехав за город, перед поворотом на деревню Семен попросил Виктора:

— Витя, останови машину.

Виктор посмотрел на Романа, тот махнул головой, мол, тормози.

— Семен, в чем дело?

— Рома! Ты езжай, я один прогуляюсь по родным местам. Напрямик тут семь километров всего будет. Рома, я девять лет этого ждал.

— Вот, Семен, возьми. — Роман протянул сверток.

— Что это?

— Все равно будешь заходить на кладбище, а там надо будет поминать.

— Спасибо тебе, Ромашка.

Семен вышел из машины, положил сверток в рюкзак, дождался, когда машина скрылась за поворот, и зашел в лес. Он ступил на ту тропинку, которая была проложена до него, по которой он бегал с детства, на которой он знал каждый поворот, каждую горку. Он шел не спеша, наслаждаясь этим воздухом, запахами леса, которого не хватало ему девять лет. Он понимал, как мы не ценим того, что у нас есть всегда рядом. Но стоит нас разлучить, отнять на девять лет, начинаешь всё воспринимать по-другому. Он словно возвращался из прошлого, не зная своего будущего.

Первый раз за всё это время, с марта пятидесятого, ему было так хорошо. В голове всё всплыло: первые полгода отсидки, постоянные побои до полусмерти, но он стоял на своём. Он вставал и снова бился, и неизвестно, чем бы это закончилось, если бы как-то ночью его не подняли с нар:

— Пошли, пахан вызывает, — прошипел Сиплый.

«Ну вот и всё, — крутились мысли в голове. — Но все равно не сдамся до последнего, пока не содохну».

Он шел позади Сиплого по территории лагеря. И вот что его удивило: вокруг по периметру были вышки, на них находились часовые, и никто даже свет прожекторов не включил. В лагере было две власти: администрация и пахан. Пахана боялись все и уважали. Администрации это было удобно: в лагере порядок и, самое главное, план идет. Два года назад пришёл новый начальник лагеря, сразу начал наводить свои порядки: никаких блатных, никаких паханов, все равны, все работают. Авторитеты лагеря попытались ему объяснить, что и как, он их в карцер на месяц. Буквально за три дня взбунтовались все лагеря в округе, а их было пять, крушили всё. Новый начальник никак не мог понять, как в течение трех дней лагеря, которые находились на пятьдесят километров друг от друга, одновременно подняли бунт. Хотя ему говорили офицеры лагеря, что не стоит так поступать. В общем, авторитетов освободили, начальника отправили на пенсию с понижением в звании.

Сиплый вел Семена в третий барак. Там находился вор в законе по кличке Коршун. Семён шел за Сиплым как на эшафот, понимая, что он может не вернуться обратно. Ну что ж, значит, такая судьба, значит, так угодно Богу. Они подошли к бараку, Сиплый обыскал Семена:

— Пошли за мной. — Сиплый остановился, посмотрел на Семена, прошипел: — Запомни, прежде чем что-то сказать, подумай. Ничего не проси, сами предложат, ничего не обещавай, если не сможешь сделать. Понял меня, фраер? Никогда не отводи взгляд сторону, смотри прямо в глаза авторитетам.

Семён мотнул головой. Они вошли в барак, место Коршуна было отгорожено занавеской. За столом сидели три человека, пили чифирь, на столе стояла водка, стол был накрыт едой. Семен такую еду и на воле не видел.

— Заходи, что стоишь как неродной. — Семен подошёл ближе к столу. — Присаживайся пока, а там будет видно, — приказал всё тот же голос.

Семён сел к краю стола. Коршун долго смотрел на него, крутил в руке папиросу:

— Отбываешь по убийству?

— Да, по убийству, — ответил Семен.

— Расскажи, как всё было, только смотри, правду.

Семен рассказал всё как было, до последней детали. Замолчал, но продолжал смотреть в глаза авторитету.

— Выпей, — протянул стакан Коршун. Семен посмотрел на Сиплого, тот одобрительно мотнул головой. Осушив стакан до дна, Семен поставил его на стол.

— Закусывай. У тебя какое образование?

— Десять классов.

— Дело кто вел твоё?

— Майор Муратов Юрий Викторович.

— Тут на тебя малява пришла.

— Простите, не понял, кто пришла?

Вокруг всё рассмеялись. Пахан махнул рукой, все замолчали.

— Весточка пришла с гражданки, слава богу, хорошая, да и вовремя. Я Муратову по жизни должен, это тебя не касается, за что. Он просил за тебя, а он редко когда просит у вора в законе. — Муратов сдержал слово офицера, которое дал Семену тогда, перед судом. — В общем, так. Завтра на работу не идешь, за тобой придет бригадир, будешь работать нормировщиком.

Действительно, утром его никто не тронул. Он пробыл до обеда в бараке, за ним пришёл бригадир.

— Логинов, пошли за мной.

Так Семен стал работать нормировщиком. К нему стали относиться по другому: кто-то завидовал, кто-то просто терпел. Пахан сказал: «Не трогать», а это закон.

Семен брел по родному лесу и не мог никак надышаться этим родным воздухом. Он решил зайти на Черное озеро. Это было красивое озеро. Оно было небольшое, но вода была в нем очень чистая, прозрачная. Озеро охранялось законом. Рыбачить и охотиться было запрещено. В детстве они с ребятами бегали сюда наблюдать, как садятся на воду лебеди, как они важно парами плавают по озеру, как выводят своих птенцов. Однажды на озеро села пара. Самка была подранена, через день она померла. Просто её тело плавало на воде. Самец издавал крики, от которых по телу бегали мурашки, потом он поднялся далеко в небо и камнем упал в воду. Его крылья были широко раскинуты по воде. Сначала Семен подумал: «Всё, разбился». Ромка подтвердил его догадку, мол, всё, кончал себя, но лебедь вдруг ожил, полусложив крылья, медленно подплыл к самке, обнял её своим крылом и затих. Мальчишки плакали навзрыд. Семен эту картину запомнил на всю жизнь.

Вот оно — Черное озеро. Семён осторожно подошёл к кустам, чтобы, как в детстве, тихо наблюдать, как величаво плавают лебеди. Обычно в апреле они садились на воду. Осторожно раздвинув ветки краснотала, он увидел мужика в плаще. Тот тянул сети, озираясь по сторонам. Семен узнал его сразу, это был тот участковый, который его избивал, катая по мартовскому грязному снегу, который залил ему в глотку бутылку водки. У Семена задрожали руки, по лбу побежал пот. Мысли стали путаться: «А что? Потопить здесь эту суку, и все дела!» Семен даже посмотрел по сторонам, но в этот момент перед глазами всплыла картина, когда он уходил со столовой с Романом, их провожала Антонина. И уже в дверях Семен остановился, посмотрел на неё. Они встретились глазами на какое-то мгновение, но он успел рассмотреть в них какую-то необъяснимую печаль. Он вспомнил её слова: «Приходите еще, всегда рада вам». И тут же всплыл вопрос Ромки: «Ты с каким сердцем приехал? Дальше мстить, али как?» Он, Семен, не мог подвести этих людей. «Сам, сука, сдохнешь!» — прошептал он и тихо пошёл прочь.

Он побрел в сторону своей деревни, наткнулся на знак: «Рыбалка, охота запрещена! Штраф», — он не стал читать дальше. Плюнул, ругнулся смачно и пошел в деревню. Он сразу зашел на кладбище, без труда нашел могилу матери, про себя отметил: «Могилка ухонная».

— Здравствуй, мама! Вот я вернулся, вот я живой. Подскажи, что дальше делать? Как жить с таким грехом, поймут ли меня люди? Примут ли обратно? Молчишь? И я не знаю ничего. — Он развернул сидор, достал оттуда сверток. Там были бутерброды с колбасой, отварное мясо и прочее. Раскрыв бутылку водки, налил в кружку. — Мама! За тебя. Пусть будет тебе светлая память! Я не жалею, что я сделал, Бог рассудит. Но я тебе обещаю: я встану на ноги, я тебя, родная, не подведу.

Он выпил водку до дна, замолчал, стал разговаривать с ней молча. Он кивал головой, изредка размахивая руками. Он мысленно ей всё рассказал: как было трудно, как было больно. Они вели невидимую беседу, как будто она сидела напротив него. Он утирал горячие слезы ладонью, он не стеснялся этих слез. На зоне он плакал один раз за всё время, и то во сне. Ему приснился родной сад, который был весь в цвету. Он тогда даже почувствовал запах этого цветения. И уже вслух произнес:

— Вот, мама, такая история.

Он затих и продолжал сидеть молча, когда услышал шарканье шагов. Боковым взглядом он увидел женщину. Семен обернулся. Перед ним стояла старушка, аккуратно одетая, с повязанным платком на голове.

— Семен, сынок, пошли! Уже четыре часа тебя жду. Нельзя так долго их беспокоить. Пошли, Семен, пошли!

Семен посмотрел на старушку:

— Баба Поля, ты, что ли?

— Я, Семен! Я! Пошли.

Он, молча, встал, побрел за ней. Это была их соседка, мамина подруга. Когда пришли к ней домой, она сказала:

— Иди в баню, смой с себя пыль дорог. Вот чистое бельё. Иди, не торопись, а я пока приготовлю, чем будем вечереть.

— Баба Поля! Откуда ты узнала, что я там, на кладбище? Баня для меня?

— Семен! Доживёшь до моих годков — всё поймёшь, Иди, баня стынет.

Семен зашёл в баню. Тут всё было ему знакомо. У них не было своей бани, верней, была, но она сгорела, а строить новую не было средств. Поэтому мылись у соседей. Он поддавал пару, хлестал себя веником, словно хотел враз всё выбить этим веником: и тоску, и печаль. Будто хотел выгнать из себя запах зоны, но понимал, что это сразу невозможно.

Напарившись досыта, он зашел в дом. Там был накрыт стол нехитрым ужином. Была отварная картошка, квашеная капуста, огурчики, сало, Посередине стояла бутылка самогона. Ему такой ужин снился часто, у него даже в горле запершило:

— Баба Поля, не стоило так суетиться.

— Проходи, Семен, усаживайся.

В это время постучали в дверь:

— Разрешите, баба Поля, зайти странникам.

В дом вошел Ромка и его жена:

— Ромка! Ты, как всегда, вовремя, заходите.

— Так, Семен, знакомься. Моя жена Надежда, а это мой друг Семен, просто Сёма.

Семен неуклюже встал из-за стола.

— Семен.

— Вот и хорошо, сынки. Давайте выпьем за возвращение в родной дом.

Ромка принес собой еще еды. Ужин был в полном сборе. Семен всё ждал, когда начнутся вопросы, как отбивал и вообще как там. Интересно всё-таки. Но ужин проходил так, будто после бани собрались друзья.

— Рома, самовар растопишь?

— Да, конечно, Полина Андреевна. Пошли, Семен, самовар растоплять.

Они вышли во двор, самовар стоял возле столика, там были дрова, топор.

— Так, Ромка. Ты бабе Поле настучал, что я приехал?

— Семен, во-первых, отвыкай от «настучал». Во-вторых, честное слово, никому не говорил. Только объяснил жене, мол, пришел мой друг Семен. Вечером, кстати, я обещал, что загляну к тебе.

— Ну и что, Рома.

— А то, прибежал пацан, мол, дядя Рома, баба Поля приглашала вас вечереть. Мол, приехал Логинов Семен, честное слово.

— Тогда я ничего не понимаю.

Тут открылась калитка, вошли две женщины:

— С возвращением, Семен Михайлович! Спасибо вам большое.

Они прошли в дом, неся с собой свертки.

— Не понял я, Рома, ничего.

Тут опять отворилась калитка, зашли две женщины и мужик:

— Здравствуй, Семен Михайлович! С прибытием тебя!

Мужик подошёл к ним. И тут Семен узнал Виктора, водителя:

— Роман Александрович, я пошёл командовать там.

— Иди, Витя, командуй.

Семен молча стал разжигать самовар, и снова в калитку заходили люди, уважительно здоровались с Семёном. Вскоре стол вынесли на улицу. Народ веселился, приносили с собой, кто что мог. Желали здоровье Семену. Пели песни, вспоминали войну. Далеко за полночь народ стал расходиться. Семен подошёл к Роману:

— Ром, объясни, что это значит?

— Сёма, сейчас гостей проводим, попьём с тобой чаю, и я тебе всё объясню.

Тут вышла Надя:

— Рома, я пошла, провожу гостей, а ты недолго, пожалуйста.

— Надя, иди! Я приду, не волнуйся.

— Она кто у тебя?

— Главврач нашей районной больницы.

— Роман, что всё это значит?

— Семен, — Роман закурил папиросу, — я тебе всё объясню.

— Ром, что объяснишь?

— А то, что они тебе благодарны за то, что ты грохнул Фокина. Он в войну был в колхозе управляющим, творил дела. Мужики на фронте, а он, сука, в тылу. А в деревне из мужиков остался старый мельник да Яшка-конюх, которые еще против Наполеона воевали.

— И что, Рома?

— А то, что у всех по трое да по двое ребятишек, всех кормить надо. В общем, хочешь жить нормально, то есть не лес рубить, а, например, картошку перебирать, на зерноскладе работать, пошли на сеновал, а нет — твои проблемы. Короче, куда деваться. У него все схвачено, бабы шли на это ради своих детей. И тот участковый, который тебя катал ногами по снегу, его родной племянник.

— Ты откуда знаешь, Рома?

— Бабушка моя Фрося буквально за три дня до смерти позвала меня к себе, ну и как на духу рассказала. Завещала, мол, вернется твой друг, низко поклонись от нас, женщин, что супостата убил. Вот такие дела, Семен.

— Рома, а дом наш сильно развалился?

— Завтра сам увидишь. Да мы тебе поможем, подделаем его. Я найду тебе работу, кстати, осенью набор будет на водителей, если хочешь, устрой.

— Нет, Рома, не смогу я здесь жить, не моё место.

— Да, Семен, ты прав. Каждый человек вправе выбрать своё место под солнцем, оно светит ярко, тепло, но каждому по-своему.

— Ты о чем, Ром?

— А о том. Возьми простой солнечный день, люди купаются, загорают, радуются, особенно ребятишки, а в это время в другой деревне сын хоронит свою мать. Солнце тоже ему светит, но по-другому. Просто у каждого человека своё место под солнцем. Каждый воспринимает его по-своему. Ты помнишь Антонину?

— Да, конечно, помню. Очень милая женщина.

— Пять лет назад я ехал один на машине в соседний район по работе. Светило солнышко, погода была просто замечательная, я про себя думал: вечером обязательно возьму Надежду и рвану на рыбалку. Проезжая мимо небольшого леса заметил женщину. Она брела по нему, словно обречённая, смотрела вверх, будто что-то искала, а в руке была веревка, она за ней волочилась, словно змея. Я остановил машину, пошёл за этой женщиной. Окликнул ее, она обернулась, закричала и села на землю. Я подошёл к ней, спрашиваю, что случилось? Хотя понял её намеренье, она шла, чтобы повеситься. «Не хочу жить, не хочу!» — Она уткнулась в мою грудь, её плечи тряслись, из груди вырывался стон. Короче, кое-как я её уговорил, чтобы села в машину, привез домой. Надя как раз была выходная, всё ей объяснил. Она врач, умеет общаться с людьми. В общем, помнишь, кузнец был дед Дмитрий Ермолаевич?

— Да, помню. Он жил в соседний деревне, его еще звали Лешак.

— Правильно говоришь. Так вот, она его родная внучка, он её воспитывал, про родителей ничего не знаю. Приехал к ним новый участковый, бравый парень. Короче, пообещал золотые горы, соблазнил, а сам сука, в кусты. Она забеременела, а это какой позор, сам знаешь, хотя сейчас устои ломаются. Участковый к этому времени женился, перевели его в район, а там в область. Это я уже потом узнал. Он был племянником второго секретаря обкома. Тоня всё рассказала моей жене, та мне. Я, конечно, взбеленился, мол, раздавлю падлу, а она как бросится мне под ноги: «Не надо, не позорьте меня, я уеду отсюда навсегда! Только не позорьте!

Пусть он живет спокойно, Бог ему судья!» В общем, прожила она у нас неделю, я ей в районе нашел общежитие, устроил в трест столовых. Первое время с Надей помогали ей. Через положенное время родила она парня здорового, мой крестник. Ему пять лет, Димкой зовут.

Роман замолчал, потом вздохнул, посмотрел на Семена и тихо сказал:

— У каждого человека своё место под солнцем, брат ты мой.

— А где оно, моё место, Рома? Скажи? Я гол как сокол, душа разорвана, а мне всего двадцать семь.

— Семен, я понимаю, ты немного растерялся на свободе, но всё зависит только от тебя.

Самое главное, твоя душа не почернела.

Они замолчали, тут вышла баба Поля:

— Ребята, пора отдыхать. — Они выпили на посошок. Роман простился и пошёл домой. — Семен! Вот я тебе постелила на веранде, можешь там курить, только осторожно.

— Баба Поля, спасибо вам большое!

Она поцеловала его в лоб.

— Иди, сынок, отдыхай.

На веранде было уютно, там была расстелена большая кровать, стоял небольшой столик, на нем стояла тарелка с куском курицы, горбушкой хлеба и полубутылки водки. За весь вечер ему так и не удалось поесть. Выпив водки, он поел, закулив, лег на кровать. Докурив папиросу, затушил её, выключил свет. Сон никак не шёл, в голове крутился весь день, все люди, что его благодарили. И тут он задал себе вопрос: что я сделал тогда? Что случилось тогда? В лагере он никогда не думал об этом, он отгонял все эти вопросы прочь.

А случилось всё гораздо раньше, в 1915 году. Тогда в деревни Гирино жили две семьи. Семья Фокиных была зажиточной. У Фокиных была своя мельница, был скот тяглый, были кони, коровы, также были работники.

В соседях жила семья Логиновых, они тоже жили небедно. У них был свой скот, своя косилка. Батраков не было, поэтому приходилась трудиться с утра до позднего вечера.

У Фокина было трое сыновей, младшему Федьке было пять лет. У Логинова было двое сыновей и одна дочка. Младшему Михаилу было девять лет. Семьи жили очень дружно. У них никогда не было между домами забора, все праздники встречали вместе, в работе помогали друг другу. В деревне завидовали: мол, соседи, а дружней, чем родные.

Беда пришла неожиданно. Как-то Михаил собрался с друзьями на речку, они там вязали плоты, с ним увязался младший Фокин Федька. Как не хотел Мишка его брат. Поплыли они на плотках. Там глубина была, курице по колено. Развязался плот, кто куда, а Федька под бревна. Мишка его сразу вытащил на берег, давай трясти, кричал: «Федька, не умирай! Родители ругаться будут!» Тут прибежала Федькина бабка, она граблями сено ворошила. То ли кто-то из ребят прибежал, либо сама услышала крик, в общем, обрушила она свои деревянные грабли на Мишку. До крови пробила ему голову, мол, ты, сволочь такая, виноват, что не досмотрел, ты утопил Федьку.

На крик собрался народ. Прибежала бабка Мишки, бросилась его защищать. Увидев, что Мишка весь в крови, а Фокина бабка норовит его ещё ударить, бросилась на неё с кулаками. Еле оттащил её народ.

Похоронили Федьку. Уездный следователь не нашёл места преступления. Несчастный случай, детская шалость. Но между семьями словно пробежала черная кошка. Незаметно вырос между домами забор, потихоньку перестали здороваться.

А тут еще началась Первая мировая война. И надо было так случиться, что призвали старших сыновей Фокина и Логинова в одну роту, мало того, в один взвод. Воевали они вместе, ходили в разведку, брали языка.

Однажды попали в окружение, отбивались до последнего. Их группа решила пробиваться в открытую. В рукопашную схватились с немцами, пробились к реке, там наши их прикрыли. Но надо так было случиться, что в последний момент Фокину в спину попала пулемётная очередь. Логинов его тащил, кричал: «Не умирай, прошу!» Словно знал, что наступит кровная месть.

Так всё и получилось. Логинов вернулся израненный, но живой. И бог знает, откуда Фокины узнали про последний бой сына, что погиб он на руках Логинова. В общем, всю вину положили на Логинова. И какой бы общий народный праздник не проходил, обязательно Фокины дрались с Логиновыми. Бились в кровь. Люди сначала возмущались, но потом привыкли, даже некоторые спорили, будет драка или нет. Только старики говорили: «Не доведёт это до хорошего, прольётся кровь».

Так и получилось, поехал дед Логинов на покос, обкашивать посадки, а там уже дед Фокин косит. Начали ругаться, Фокин за косу, рубанул Логинова по пузу, да, слава богу, неглубоко, только кожу порезал. Неизвестно, чем бы это закончилось, если бы не революция.

Логиновы революцию приняли спокойно, Фокины наоборот, ошетинились: «Как так, нет царя? Какой такой народ будет управлять?»

Вскоре начались создаваться колхозы. Логиновы сдали всё имущество, скот, весь инвентарь в колхоз, добровольно вступили в него. Фокин не хотел даже про это слышать, стал тайно посещать собрание кулаков. Весной к ним приехал уполномоченной по раскулачиванию, молодой горячий парень. Он резко взялся за дело, составил списки, дал три дня. «Не сдадите сами, приедут бойцы, заберем силой», — объявил он, но, что интересно, поселился он у Фокиных.

Люди понимали, что он не шутит. Прошел слух, что в соседнем селе кого-то чуть не расстреляли, поэтому несли последнее. Вскоре он уехал, а через три дня и сам Фокин уехал в город. Вернулся он через два дня вечером, а утром следующего дня погнал скотину, повез инвентарь в колхоз. Старшего Фокина словно подменили, он стал спокойный да покладистый. Написал заявление в колхоз, но председатель сказал, мол, без городского начальства он не может решить этот вопрос. Фокин согласился с доводами председателя, мол, будем ждать.

Так прошёл месяц. Вновь приехал тот уполномоченный, опять поселился у Фокина в доме. Через два дня председатель объявил, что будет собрание, должны присутствовать все колхозники. В клубе собралось много народу, было накурено, хоть вешай топор. Уполномоченный начал свою горячую речь:

— Товарищи! Советская власть прочно укрепилась по всей стране, в деревнях, в городах. Советская власть принесла нам свободу, развивает колхозную деятельность. Все граждане, которые добровольно вступают в колхоз, своим примером показывают тем, кто еще сомневается. У меня на столе лежит заявление от товарища Фокина о принятии его в колхоз. Он добровольно сдал всё своё имущество в колхоз.

Кто-то крикнул: «Да он же был ярим кулаком!»

— Кто это сказал? Прошу сюда, на сцену, — прокричал уполномоченный.

Но на сцену никто не поднялся. Это было понятно, ведь всё собрание было четко спланировано, да и боялся народ, если честно. В общем, приняли Фокина единогласно.

— Так, товарищи! Есть еще один вопрос. Постановлением коммунистической партии «О назначениях на местах управляющих колхозов». Это должен быть грамотный человек, который разбирается в крестьянских делах, я перелагаю выбрать товарища Фокина. Он человек грамотный, знает хорошо крестьянское дело. — По залу прошел людской гул. — Так, товарищи колхозники, вы что, не согласны с линией нашей партии, или у вас на этот счет есть другое мнение? Прошу на сцену, высказывайтесь.

Естественно, на сцену никто не вышел, никто не стал высказывать свое мнение. Так Фокин стал управляющим колхоза, после председателя второй человек. Это потом узнали, через много лет, что тот уполномоченный был родным племянником Фокина. Он на то время занимал большой пост в карательных органах.

Про вражду Фокин не забыл, как можно больше старался задеть Логиновых.

Летело время. Казалось, всё шло своим чередом. Колхоз поднимался, люди трудились с утра до вечера. Кто-то сожалел, что стал колхозником, кто-то просто смог пристроиться к этой жизни и плыл, словно лодочка в бурной реке, куда принесет, туда и ладно.

В тридцать девятом занемог управляющий Фокин, но за год до этого отправил сына среднего, Дмитрия, на курсы в район на три месяца, готовил замену. Так и случилось. В ноябре не стало Фокина-старшего. После похорон, через два дня, приехали с района люди, провели собрание. Единогласно приняли на должность управляющего колхоза Дмитрия Фокина. Он сразу врывается в дело. Сначала убрал деда Логинова с конюхов, мол, он старый, ничего не соображает. Будет сторожем. Люди говорят, когда ушел дед Логинов с конюшни, лошади словно почували это, стали вести себя агрессивно, а у некоторых текли большие слезы по лошадиной морде.

Фокин поставил себя так, что он единственная власть. Так и было. Район находился далеко, дорог не было, да ещё близкие родственники в НКВД. Люди не хотели связываться, да и боялись. По стране прокатилась большая волна репрессий. Слухи доходили до людей: за всё сажали, и надолго, а тут власть — попробуй заикнись.

Как-то Дмитрий встретил Михаила Логинова и процедил сквозь зубы: «Я вашу породу всех истреблю. За всё заплатите: за младшего и старшего».

Михаил был крепким мужиком, знал запах пороха, схватил он Фокина за грудки, потрянул как следует и четко сказал: «Тронешь моих, убью, сука! А там трава не расти». Отпустил руки, плюнул ему под ноги и ушел.

Дмитрий был по натуре трусливый, на какое-то время затих. Он ждал весну, когда закончится распутица, чтобы ехать в район, там родственники помогут разобраться. Но лето сорок первого сорвало его планы, началась война. Стали забирать мужиков на войну. Фокин похудел, осунулся, он внутри тряся, как заяц под кустом. Он боялся войны.

Логинов в первые дни войны поехал в район проситься на фронт, но получил отказ. Ему вручили бронь на год. Он был единственным токарем на все деревни. Война войной, а пахать, сеять надо, а без токаря не обойтись.

«Вот выучишь замену, тогда заберём», — так ему объяснили в военкомате.

Михаил женился еще до войны, взяв в жены Соню, дочь лесника. Через положенное время родилась дочь Анна, через год родился сын Семен.

Михаил по-прежнему обивал порог военкомата. Лишь в сорок третьем, в декабре, пришла повестка. Проводив мужа на фронт, осталась Соня одна с детьми на руках, да еще старший Логинов, он уже не ходил, ноги отказали, по дому кое-как мог передвигаться. А через месяц, как ушел Михаил, он умер.

Когда Михаил уходил на фронт, он подошел к Дмитрию, взял его за грудки, притянул к себе и прошептал: «Тронешь моих — вернусь, убью». Посмотрел на Дмитрия таким взглядом, что тот понял: убьет. Развернулся и пошел не оглядываясь. Дмитрий смотрел ему вслед, а про себя бормотал: «Еще вернуться надо, с войны-то». Но семью Логиновых старался не трогать.

Время летело, Соня работала, как все бабы, ждала Михаила. В сорок пятом, в январе Михаил приехал в отпуск на три дня после госпиталя. Побыв дома, наигрался с детьми и вновь ушел на фронт. Соня вновь забеременела, а через месяц пришла похоронка на Михаила. Соня оплакала своего мужа, но жить надо было дальше. В начале октября она родила дочь Ольгу. Анна ей помогала по хозяйству.

Фокин обрадовался, когда узнал, что нет больше Михаила, начал притеснять семью Логиновых, причем делал это как бы невзначай. Хоть война и закончилась, но жить было еще трудно. Не хватало мужиков: многие не вернулись, многие пришли калеками, в общем, основная нагрузка легла на бабы плечи да на подростков.

Фокин это понимал и пользовался этим. Хочешь работать на зерне либо в овощехранилище — через сеновал. Нет — в лес, на заготовку дров, да на целую неделю без выезда. И не дай бог не выполнишь норму. А что делать? Детей кормить надо было, семьи были у всех большие, и многие соглашались на сеновал.

Вернулся с войны Спиридонов Николай. Жена ему все рассказала. Он избил Дмитрия как положено, по-мужски. Через день приехала с района милиция. Забрали Николая, а там он попал почему-то в НКВД, к родственнику Фокина. Через месяц Николай вернулся домой худой, избитый. Жене признался, мол, на войне ничего не боялся, в штыковую ходил, а тут растоптали меня. Через две недели он умер. Всё было отбито у него внутри.

В пятидесятом Семену исполнилось восемнадцать лет. В мае должны были забрать в армию, но беда пришла неожиданно: в апреле заболела Ольга. К вечеру поднялась высокая температура. Соня была на заготовке дров, далеко от деревни, там они и жили по неделе. Анна побежала к управляющему, чтобы тот дал лошадь увезти Ольгу в больницу. Анне было девятнадцать лет, она была красивая, видная. Нашла управляющего, мол, так и так: Ольга заболела, высокая температура у нее, нужна лошадь, чтобы в больницу её увести. Фокин помолчал какое-то время, а потом выдал:

— Нет у меня лишних лошадей, все заняты на производстве.

— Как нет? А в конюшне стоят две лошади, сани есть свободные?! — кричала Анна.

— Ты не кричи, девка, или забыла, с кем разговариваешь?

Анна взмолилась:

— Дядя Дмитрий, пожалуйста, дай подводу. Ольге плохо.

— Хорошо, я дам тебе подводу, но с одним условием. — Он показал на сеновал.

— Что? — закричала Анна. — Да я тебя. — Она не могла даже подобрать слов. Резко развернулась и побежала домой. Её щеки горели огнем, — Вот сволочь, вот гад, сука. Что делать? И Семен, как нарочно, в лесу, а я пятнадцать километров не донесу.

Она подошла к Ольге. Та лежала вся мокрая от пота, она уже бредила. Лицо её было бледное, глаза провалились. Анна побежала к соседке.

— Тетя Даша, что делать? Ольга совсем плохая.

Соседка посмотрела Ольгу.

— Да. Дела плохие. У неё, скорей всего, воспаление легких, надо срочно везти в больницу, иначе сгорит до утра. Беги к управляющему — проси лошадь.

Анна встала и машинально пошла, не сознавая, что делает. Она пришла, на конюшню, там был Фокин.

— Я согласна, — не своим голосом сказала она.

— Вот и хорошо. Пошли, пошли, не бойся.

Дальше было как во сне. Она не помнит, как раздевалась, как навалился на неё Фокин. От него пахло табаком и самогонкой. Кроме боли и полного презрения, она не чувствовала ничего. Сделав своё грязное дело, Фокин сказал: «Иди домой, сейчас Кузьмич приедет».

Анна шла домой, словно через густой туман. Глаза её были залиты слезами, но она не плакала в голос, ей казалось, что всё люди показывают на неё пальцами, мол, вон шалава идет.

Перед глазами вдруг встала сестренка Ольга. Она вбежала в дом, стала её укутывать. Вскоре подъехал Кузьмич, они загрузили Ольгу в сани и повезли в больницу. Анна снова была как в тумане: больничный коридор, врач, он забрал Ольгу. Она сидела в коридоре, ждала, что скажет врач, а сама потихоньку теряла сознание. Очнулась от того, что медсестра отхаживала её нашатырём:

— Девушка, что с вами? Вам плохо?

— Что Ольга? Как она?

Тут вышел доктор, Анна посмотрела на него и поняла, что поздно.

— Что же вы так долго тянули? Потеряли золотое время.

— Она жива, доктор?

— Да, жива, делаем все возможное, но гарантий никаких, утро покажет.

Тут из палаты выглянула медсестра.

— Доктор, пульс упал.

И снова ожидание снова, словно в тумане. Она так просидела до утра. Стало расцветать, вышел доктор, он посмотрел на Анну:

— Слишком поздно, очень поздно, я не Бог, простите меня.

Он развернулся, пошел прочь, на ходу снимая белый халат. К Анне подошла медсестра: Вы можете её забрать завтра после обеда.

Ольгу похоронили рядом с дедом и бабушкой. Анна плакала, виня себя: «Я виновата, только я». Семен успокаивал её, мол, ты-то при чем, всё сделала правильно. Она посмотрела на него, про себя отметила: «Ничего ты не знаешь».

Так прошёл март. Как-то Семен проснулся от того, что мать ругала Анну, била её полотенцем:

— Говори, сучка такая, с кем нагуляла? Позор на всю деревню.

— Мама, я всё расскажу, только не кричи, Семена разбудишь.

Мать заглянула за занавеску, где спал Семен, он притворился, будто спит.

— Ну, я слушаю внимательно тебя.

В общем, Анна рассказала всё, как было, с начала до конца.

— И сейчас не даёт прохода, говорит, не придёшь на сеновал, опозорю на всю деревню, хоть руки на себя накладывай.

Соня плакала, обнимая Анну.

— Прости, доченька, я же не знала, что ты спасала Ольгу.

Семен кое-как удержал себя в постели, он сжимал кулаки, не зная, что делать.

— Мама, что делать? — вопила Анна.

— Завтра пойдем на старый хутор, там бабка повитуха живет, Зоя-лошадница ее зовут. Там всё и решим, а сейчас ложись спать, а то не дай бог Семен проснется, — уже шёпотом говорила мать.

В доме стало тихо, только Анна ещё всхлипывала, но уже во сне.

Семен встал потихоньку, вышел на улицу. Мартовский свежий воздух ударил ему в лицо. Он стоял на крыльце в валенках на босу ногу, накинув на плечи старое отцовское пальто. Он не знал, что ему делать. В нём всё кипело. Он сжимал кулаки, ему хотелось кричать, выть, как раненому зверю. Его душа действительно была сейчас ранена, он единственный мужчина в доме, он должен их защищать, но он ничего не мог сделать. Мысли крутились в голове: завтра пойду, поговорю с этой скотиной, решил он.

Он зашёл в дом и лег спать, но уснул лишь под утро. И это был не сон — забытьё. Проснулся от того, что хлопнула дверь. Он соскочил с постели, Анна еще спала. Он выглянул в окошко, увидел мать, которая пошла в сторону конторы. Семен быстро оделся и последовал за ней так, чтобы она его не видела. Она зашла в контору, через некоторое время вышла и направилась на конюшню.

Семен последовал за ней. Мать зашла в конюшню. Фокин был там. Он сначала даже опешил, увидев ее глаза.

— Что же ты, тварь, делаешь? — прошипела она. — Зачем девке жизнь покалечил, или ты думаешь, я на тебя управы не найду? Завтра же в район поеду, в милицию.

— А зачем ехать завтра? Начальник милиции района придет проводить профилактику, Спиридонов пожаловался, — спокойно ответил Фокин. — А у тебя двое детей.

Соня сразу сникла, она знала, о чем он говорит.

— Иди домой и подумай над моими словами.

Соня постояла какое-то время, закрыла ладошками лицо, заплакала и выбежала из конюшни.

Семен дождался, когда мать скроется за поворотом, вбежал в конюшню. Фокин увидел его, схватил вилы, направил их на Семена.

— А, гадёныш! И ты здесь? Заколю, не подходи.

Сзади на Семене повис дед Кузьма.

— Сёма, не надо, посадят ведь дурачка.

Семен остановился, посмотрел на Фокина.

— Берегись, гад, берегись.

Его взгляд был как у его отца, когда он тряс Фокина. Фокин аж отпрянул от Семена, но продолжал орать:

— Я вашу породу выведу, знай.

Семен плюнул ему в лицо, засмеялся и вышел из сарая.

Он зашёл домой со стороны двора, будто убирался, как раз в это время в дом зашла мать.

— А я тебя потеряла.

Семен взял себя в руки.

— Mam, куда я денусь, я же большой, во дворе убирался.

— Пошли завтракать, а то нам с Анной надо по делам уйти, причём надолго.

— Куда это вы собрались? — Семен даже удивился, хотя знал куда.

— Это женские дела, сынок.

— Понял всё, мама. Короче, хозяйство на мне.

Позавтракав, мать с Анной вышли за ворота. Анна держала узелок в руках. Они пошли огородами вдоль реки, месяц грязный мартовский снег.

Семен зашёл в дом, залез под кровать, достал оттуда замотанный в старую промасленную тряпку предмет, это был отцовский карабин, вернее, ещё дедовый. Он аккуратно его развернул, вытащил затвор, протер промасленной тряпкой, снова нырнул под кровать, достал оттуда ещё сверток. Там были патроны. Семен их пересчитал, их было десять, он сидел на полу, вытянув ноги, карабин лежал на ногах. Он смотрел в одну точку и видел, как мать закрывает лицо ладонками и бежит, рыдая, из конюшни. В голове крутились слова Фокина: «Спиридонов пожаловался, а у тебя двое детей, я вашу породу изведу». Семен понимал, что Фокина никто не сможет остановить. Он оброс блатом. Там, в районе, в милиции у него родственники, в НКВД родственники. «Этот гад не даст никому покоя, да и меня в покое не оставит. Значит, один выход — убить его». Семен зарядил карабин, поставил на предохранитель, аккуратно завернул в тряпку. «Дождусь своих, а там будет видно», — рассуждал про себя Семен. Тут во дворе залаяла собака. Семен запихал карабин под кровать, соскочил с места. Это был Ромка — его друг.

— Можно к вам?

— Заходи. Давно такой вежливый стал?

— Семен, а ты чего в валенках по дому ходишь, как дед старый?

Действительно, Семен даже не заметил, что он в валенках.

— Да замёрз что-то. — Хотя в доме было натоплено.

— Ты, Семен, что натворил?

— Не понял тебя, Ромка?

— Короче, пришла тетка Таня к нам и говорит, мол, была в конторе, Фокин звонил в район, а дверь была приоткрыта, в общем, речь шла о тебе. Его спрашивали, сколько тебе лет и всё такое, а Фокин всё подробно раскладывал, мол, мутит народ, не хочет работать. Семен, ты бы не связывался с ним, себе дороже будет, сам знаешь.

— Да, Рома, ты прав: себе дороже. Куда уже дороже, так и будем пресмыкаться перед ним, а что он творит, на то глаза закрыть? Рома, нельзя так больше, нельзя.

— Семен, у тебя есть конкретное предложение? Излагай, куда будем писать, только скажи.

— Ром, есть у меня конкретное предложение, но я должен всё обдумать, потом тебе скажу. Да, завтра должен приехать начальник милиции, для профилактики населения.

— Приедет послезавтра. Фокин сказал, чтобы собирались в клубе. Ладно, я пошёл. Семен, все равно ты мне не нравишься.

— Ром, ты иди, мне не до шуток сейчас, я вечером приду к тебе, мы с тобой обговорим всё.

— Ладно, Семен, как скажешь, — уже серьезно сказал Ромка и вышел из дома.

Семен вновь нырнул под кровать, достал карабин, про себя проговорил: «Надо успеть. Что ж, ты сам себе подписал приговор, гад такой, завтра еще не приедут за мной». Затем он вышел во двор, спрятал карабин в сарае, где лежало сено.

Время тянулось. Матери с сестрой всё не было, лишь поздним вечером мать завела Анну домой, та была полуживая, мать положила её на кровать.

— Сынок, приготовь воды горячей, а сам иди ночевать к Ромке.

— Мама, зачем к Ромке? Вдруг надо будет помочь?

— Семен, делай, что тебе говорят.

— Хорошо, мама, я приготовлю горячую воду.

Выполнив просьбу матери, Семен вышел из дома, прошёл через двор, хлопнул посильней калиткой, чтобы мать услышала, что он ушёл. Сам вернулся огородами в сарай с сеном, взял карабин и направился к дому Фокина.

Он подошёл к воротам, потихоньку открыл калитку, тут выскочила собака и стала лаять, Семен тихо прикрикнул на неё:

— Тихо, шалава.

Собака забежала в будку. Семен заглянул в окно, Фокин сидел за столом, ел борщ, тот тёк по бороде, он утирал его ладошкой и снова ел. Жена стояла рядом, дети чуть дальше. В деревне говорили, что он избивал свою жену, да и детям доставалось. Когда он садился за стол, всё стояли и по первой команде подавали, ему было достаточно повести только взглядом, все понимали, что он хочет. В семье он говорил: «Я король — вы моя свита». Семен тихо поднялся на крыльцо, дверь была открыта. Он тихонько её открыл, передернул карабин, зашел в дом. В это время жена Фокина отошла к печи, сектор обстрела был свободен.

— Ну что, гад, — прохрипел Семен. — За всё надо платить.

— Семен, не надо, прошу тебя, — взмолился Фокин. — Я сам сдамся, всё расскажу, только не убивай.

Семен уже было опустил карабин, но тут Фокин схватил вилку и бросился к жене, но споткнулся об стул. Семен сразу сообразил, что он хочет женой прикрыться. Первый выстрел попал Фокину в плечо, его отбросило к стенке. Семён вновь передернул карабин.

— Ты даже сдохнуть по-мужски не можешь.

— Семен, не убивай, не надо!

Но Семен этого уже не слышал. Второй выстрел пришёлся прямо в сердце. Семен повернулся к дверям и тихо пошел прочь, волоча за собой карабин.

И тут один из ребятишек вслух сказал:

— Короля убили. Ура!

Семен вышел к реке, туда, где река никогда не замерзает. Посмотрел на карабин, размахнулся, чтобы его выбросить, но вдруг передумал. Резко развернулся и пошёл домой, по дороге размышляя: «Карабин не отдам, память об отце». Он знал, что дома есть тайник, где никто его не найдет. В сених самое низкое бревно было пропилено так, что можно было вытащить половину назад, а там пустота, этот тайник еще дед придумал. Семен спрятал карабин. До него еще не дошло, что он сделал. Походив вокруг дома, решил пойти к Ромке, но передумал: надо идти домой, всё рассказать матери, к утру приедут за мной.

Семен зашёл в дом, там сидел дед Кузьмич. Мать с порога кинулась ему в ноги:

— Сынок, что ты натворил?

— Мама, я всё знаю про Анну, я должен был это сделать, и я сделал. На суде не надо будет ничего говорить про Анну. Дед Кузьмич видел давеча, как я на него бросался, этого достаточно. Кузьмич, пошли в контору, буду звонить в милицию. А ты, мама, готовь вещи.

Мать посмотрела на сына и не узнала его, она всё считала его маленьким, а он был уже совершенно взрослый. Кузьмич открыл контору. У него были ключи, он топил печку ночью. Но дверь Фокина была закрыта на ключ, дед мотнул головой, мол, ключа нет. Семен отошел в сторону, пнул дверь ногой, замок слетел с петлей. Семен набрал номер милиции. На той стороне провода раздался голос:

— Дежурный по отделу сержант Журков слушает.

— Я, Логинов Семен Михайлович, час назад убил человека, приезжайте. — Семен назвал, какая деревня, улица, положил трубку и повернулся к деду. — Вот так, дед Кузьмич, всё встало на свои места.

Семен вышел из конторы и побрел домой.

Под утро, как стало светать, к дому подъехал, нет, подлетел черный «воронок». Из него выскочил старший участковый и двое в штатском, они вбежали в дом. Семен стоял посреди комнаты с опущенными руками, участковый подбежал к нему:

— Ты Логинов?

— Я Логинов, — но дальше Семен не успел ничего сказать. Он получил удар под дых, да такой сильный, что на какое-то время потерял сознание. Его выволокли на улицу, бросили на снег, стали втапывать в грязный мартовский снег. Он глотал его своими разбитыми губами.

— Где оружие, сука? — орал участковый.

Штатские перевернули весь дом, но ничего не нашли. Они потом еще три раза обыскивали, даже собака не смогла найти. Семен сверху обмотал сверток листьями махорки, но это было всё потом.

— Повторяю, где оружие?

— Выбросил в реку, там, за мостом, — разбитыми губами ответил Семен.

— Тащи его в машину, там разберемся, — приказал один из штатских.

Семена заволокли в машину, она рванула с места, выскочила за деревню, там резко остановилась.

«Вот и всё — подумал про себя Семен. — Сейчас при попытке к бегству грохнут. Ну что ж, значит такая судьба». Участковый достал пистолет, передёрнув его, подошёл к Семену, тот стоял, облокотившись на машину, и ткнул пистолетом в лицо.

— Что думаешь, герой, что Фокина убил? Нет, ты сдохнешь сейчас, здесь, без суда и следствия, закопаем как собаку. — Он отошёл от Семена, вскинул пистолет, Семен закрыл глаза.

Тут в штатском заорал на участкового:

— Ты что, капитан, не понял, что ли? Сказал, не трогать его. На него и так там столько писулек, что на вышку хватит. Тащи водку.

Водитель принес бутылку водки, протянул ему.

— Ты что, Вася, в первый раз? Заливай в него, а то и правда — герой. Сам убил, сам сдался. Нет, друг мой, совершил ты всё по пьяной лавочке.

Семена схватили, положили на спину и стали заливать водку в рот, дальше он ничего не помнил. Потом допросы, суд, десять лет строго режима.

Но как-то на последнем допросе тот, в штатском, объяснил Семену, зачем его водкой поил, зачем дал участковому бить его. Человек в штатском был майор НКГБ.

— Понимаешь, Логинов, мы давно Фокина разрабатывали, на него столько жалоб, но в основном без подписей. А сейчас не тридцать седьмой год. Тогда можно было за простую жалобу без подписи на десять лет в лагеря, либо вообще. Короче, на тебя он писал практически каждый день. Сводил к тому, что ты против советской власти, что людей баламутишь. Я не могу сказать большего, но если бы тебя участковый не побил, не напоили бы тебя водкой, пошёл бы ты, мой друг, по пятьдесят восьмой статье, а это вышка. А так — пьяная разборка, десять лет.

— Мне что, вам спасибо сказать? А поруганная честь?

— Ты не дерзи. Хочешь по пятьдесят восьмой? Так подумай о родных, о сестре, о матери? Врагов народа еще никто не отменял, страдают все родственники. А по поводу чести? Правильно, наверно, что за сестру отомстил. Война сделала людей злыми, а Фокин твою сестру изнасиловал, и не только её.

Семен посмотрел на майора:

— А откуда вы знаете про сестру?

— Эх, Логинов. Грош мне цена была бы, это моя работа. На суде будут шить бытовое убийство на почве опьянения, про сестру ни слова. Моё следствие еще не закончено, ты меня понял?

— Да, понял, спасибо вам.

— Знаешь, Логинов, сидеть можно по-разному, и поставить себя по-разному. Ты парень неглупый, сильный, поймешь сам, как и что. А я, майор Муратов, даю слово офицера, что облегчу твою отсидку. Всё, Логинов, иди, завтра суд.

— Можно вопрос?

— Нет, Логинов, не надо, не на всякий вопрос есть ответ.

За этими воспоминаниями Семен уснул. Ему снился сон, будто он ходит в чистом поле, где много цветов, жужжат пчелы, недалеко пасётся стадо бурёнок. Он в нижнем белье, босиком, солнышко ласково греет. И вдруг из стада выбегает бык и во весь опор бежит на Семена, он хочет выставить руки перед собой, но не может, они почему то за головой и их невозможно расцепить, а бык всё ближе и ближе... И тут Семен резко проснулся, сердце колотилось в груди, как птица о стекло, руки занемели, они были за головой.

Семен встал с постели, потирая руки, прошелся по веранде, взял недопитую водку, налил в стакан, выпил, закурил папиросу. На улице было светло, но еще рано. Он тихо оделся, вышел в сени, нащупал у стенки топор, взял его и через огород пошел к своему дому.

Семен осторожно отодрал доски, которые были забиты на окнах крест-накрест. Так делали в деревнях, чтобы не поселилась нечистая сила, пока хозяева долго отсутствуют.

Семен поднялся на крыльцо. На верхней перекладине нащупал ключ, открыл замок, но дверь не стал отпирать. Он постоял какое-то время, затем тихонько толкнул дверь, она со скрипом открылась. В нос ударил родной запах, запах его детства, юности. Он подошёл к печке, приложил к ней свои большие ладони, затем сел за стол. По щекам текли слезы, нет не от обиды, не от боли душевной, хотя хватало и того, и другого. Это были слезы радости: я смог, я выдержал, я выдержал, не скурвился, остался живой. Семен утер слезы, закурил

папиросу, встал, прошелся по дому. На крыльце послышались шаги, Семен даже вздрогнул от неожиданности.

— Хозяин, можно? — Это был Ромка.

— Тебе-то что не спится, Рома?

— Семен, на селе встают рано, забыл, что ли? Да вот проходил мимо, смотрю, дверь открыта, решил посмотреть, а тут хозяин. Семен, ты с утра в контору зайди, там найдешь меня.

— Зачем, Ром?

— Семен, как, по-вашему, паспорт?

— Ну, ксива.

— Так вот, дорогой мой человек! Ты — гражданин СССР, у тебя должна быть ксива.

— Ромка, хоть ты и большой начальник, но остался таким же баламутом.

Ромка глубоко вздохнул:

— Никуда не денешься, да я и не хочу быть совсем уж серьезным, сам понимаешь.

Семен посмотрел на Ромку, развел руками, мол, ничего не понимаю, и они дружно рассмеялись.

Ромка ушел по своим делам. Семен стал ходить по дому. Он заглянул в шкаф, там были мамины платья, разные вещи. Вдруг он вспомнил про карабин и уже направился в сени, как услышал голос бабы Поли:

— Семен! Сынок, ты здесь?

— Да, баба Поля, я здесь! Заходите.

Она зашла, перекрестилась:

— Что ты в холоде один? Сначала печь натопить надо, прибраться, а уж потом переедешь. — Семен пытался возразить, но баба Поля его перебила — Семен, не спорь со мной. Закрывай дом и пошли, завтрак стынет.

Семен, как и обещал Ромке, пришёл в контору, там нашел Романа.

— А, Семен Михайлович, проходи, садись. Так, где твоя справка об освобождении? Давай ее сюда.

Семен достал справку, протянул Роману. Тот прочитал: согласно такими-то статьями Логинов Семен Михайлович освобожден досрочно на год по такой-то статье. Затем он набрал номер телефона.

— Алло! Максим Николаевич, Роман беспокоит. Я по поводу Логинова. Всё, понял. Так, сейчас дуй в милицию, кабинет номер три, там начальник милиции, отдашь ему эту справку. Да, Семен, возьми, пожалуйста.

— Что это?

— Деньги. Ты же должен на что-то пока жить. Я так понял, что ты переходишь в свой дом? А мы вечером придем, чем угощать будешь? В общем, бери, потом отдашь.

— Роман, ты меня ставишь в неловкое положение.

— А ты бы мне не дал денег, если что? Семен, иди, а то начальник милиции должен уехать в город, он специально ждет тебя.

Семен пришел в милицию, его встретил дежурный офицер.

— Вы к кому?

— К начальнику милиции.

— Вы Логинов?

— Да, я Логинов.

Дежурный провёл его по коридору, показал дверь.

— Секунду. Товарищ майор, тут Логинов.

— Заходите.

Семен зашел в кабинет. В кресле сидел коренастый мужчина, он внимательно посмотрел на Семена. Семен никак не мог сообразить, кто это, но понимал, что знает его.

— Что, Семен, не узнал, что ли? Когда тебя арестовали, я в армии служил.

— Максим! Сизов! Прошу прощения.

— Ничего, Семен! Мы росли вместе. — Да, они действительно росли вместе, только Сизов был старше Семена на два года, но деревенская ребятня никогда не делилась на возрасты. — Ты присаживайся, Семен, поудобней. Рая, принеси нам чайку с лимоном.

Семен протянул справку.

— Вот, возьми документ, там всё написано.

— Семен, что твой документ? Вот смотри. — Он положил на стол папку. — Читай.

Семен стал читать. Это был запрос на имя начальника лагеря, где отбывал срок Семен, тут же лежал ответ от начальника лагеря: он отзывался хорошо о нем. Тут вошла Рая, принесла чаю.

— Рая, вот возьми справку, оформи документ на получение паспорта. Да, еще никого не пускай: я занят.

Рая кивнула и вышла.

— Что это, Максим?

— Запрос на тебя, дело в том, что последнее время твоя матушка сильно стала о тебе беспокоиться, не давала мне проходу. Мол, Семен пишет, что всё хорошо, но душа моя сильно болит, узнай, Максим, как там и что.

Максим достал два стакана, водку налил почти до краев.

— Давай помянем твою матушку, моего дядю Сизова, помнишь его?

— Да, помню, крепкий был мужик.

Они выпили, и тут Максим посмотрел на Семена очень строго:

— Семён, ты зачем вернулся? Страна смотри, какая большая, там никто тебя не знает, жил бы по-хорошему.

— Не понял тебя, Максим.

— Хорошо. Поставлю вопрос по-другому: ты приехал мстить? С какой душой ты приехал в родную деревню?

Он вновь налил водку в стаканы.

— Максим, я своё отсидел, мстить никому не собираюсь, я уже отомстил девять лет назад. — Семен поставил стакан с водкой на стол.

— Обиделся? Зря! Не надо обижаться. Дело в том, что ты не только отомстил за сестру, но и за моего дядю тоже. А ведь я должен был его убить, так что спасибо тебе! Давай за встречу, и не обижайся, Семен.

Они выпили водку, но она совершенно их не брала. Тут постучалась и зашла Рая, она протянула готовый бланк.

— Всё готово.

— Вот и хорошо. Рая, ты свободна! Семен, вот тебе твой бланк на получение паспорта, мною подписан. Сейчас идёшь в сельсовет, отдашь его в паспортный стол, и они тебе выпишут новый паспорт. Только сначала надо сфотографироваться на паспорт. Да, возьми вот, тут жена передала.

— Что это, Максим?

— Это новый костюм, ты же не будешь фотографироваться в этом, прости меня Семён, свитере. Ты же первый раз получаешь паспорт? И вот еще деньги на первое время, заработаешь, отдашь. Семен, не возражай, пожалуйста. Давай на посошок, а то мне на совещание в район надо ехать.

Семен встал, пошел к дверям.

— Спасибо, Максим, заработаю — отдам обязательно.

Тут Максим подошел вплотную к Семену и тихо прошептал:

— Семен, а карабин надо сдать обязательно. Незаконное хранение огнестрельного оружия — три года, а оно тебе надо?

— Максим, честно, не знаю, на месте ли оно, оружие.

— Семен, ты посмотри, пожалуйста, посмотри, а я вечером зайду. Нет, не подумай, что я буду шмон наводить, просто зайду, можно?

— Да, Максим, заходи.

Семен вышел из кабинета, направился в паспортный стол, по пути зашел в фотоателье. Его встретил полноватый мужчина, он был в круглых очках, щеки розовые, нижняя губа потрясывалась, он постоянно её прикусывал.

«Типичный ботаник», — подумал про себя Семен.

— Что, Семен, не узнал?

Семен внимательно посмотрел на фотографа.

— Вадим, ты?

— Да, Семен, я. Вадим-ботаник, ведь так меня дразнили в детстве.

Вадим Виноградов учился в параллельном классе. Ему прочили большое будущее в математике, он её любил, понимал, решал любые задачи, даже помогал старшеклассникам. Вадим рос безбидным мальчишкой, одноклассники звали его ботаником, но никогда не обижали.

— Вадим, как ты здесь? Фотограф? А институт, а математика?

— Семен, всё было: и институт, и математика, но на четвертом курсе я женился. Сначала было всё хорошо: родилась дочка, окончил институт, меня оставили на кафедре в Ленинграде, о чем было ещё мечтать. Но тут моя жена словно сорвалась с цепи, стала изменять. Я бы понял, если бы был один у неё, а то в месяц меняла мужиков по пять человек.

— Вадим, а бить не пробовал?

— Что ты, Семен, как можно? В общем, забрал дочь, всё бросил и приехал в родную деревню, до обеда делаю фото, а потом иду в школу преподавать математику. Вот такие дела, Семен. Я понимаю, тебе на паспорт надо фото?

— Да, Вадим, на паспорт.

Вадим сделал фотографии, протянул Семену.

— Вот, возьми, Семен, делай паспорт и вступай в общую жизнь, я имею в виду, в свободную. Если честно, тогда я сильно был потрясён, когда узнал про тебя, я бы не смог, наверное.

— Эх, Вадим, человек никогда не знает, на что он способен. Ты думаешь, героями рождаются или всякими подонками, нет — ими становятся.

Семен протянул Вадиму деньги.

— Что ты, Семен, не надо мне денег твоих, подарок от друга детства. Семен, а можно я зайду к тебе в гости? Поболтаем.

— Да, Вадим, заходи, обязательно заходи.

Семен шел по улице, из головы не выходил Вадим: «Да, жизнь мотает людей».

Вскоре он был в паспортном столе, где ему без всяких проволочек выдали новенький паспорт. Он положил его в карман, прихлопнул ладошкой: «Ну вот и я гражданин своей страны», — рассуждал он про себя. Он почувствовал голод: «Надо зайти в магазин, купить продуктов да переходить в родной дом», — с такими мыслями он подходил к своему дому.

Открыв калитку, он не сразу понял, что в доме топилась печка, дым весело улетал в небо, будто печка соскучилась по огню и с большим удовольствием пускала дым в небо. Семен зашел на крыльцо, оно было чисто вымыто, постелена мокрая тряпка. Он вытер ноги, зашёл в дом. В лицо ударило тепло от родной печки. В доме было убрано, пахло вкусной едой. На кухне сидели три женщины и что-то готовили, одна из них была баба Поля. Баба Поля увидела Семена:

— Семен! Сынок! Проходи, ты извини, мы тут с подружками маленько похозяйничали. Я, Семен, тебя не выгоняю, если хочешь — живи в моей хате, но я вижу, как тебе хочется в родной дом.

Она замолчала, села на лавку и стала вытирать руки об фартук. Семен подошёл к ней, присел на лавку, обнял её нежно, поцеловал в щёку.

— Спасибо тебе, баба Поля, и вам спасибо. Гулять будем сегодня. Вот! — Он достал новенький паспорт.

Вечером пришёл Ромка с женой, Вадим с дочерью. Баба Поля накрыла стол, но хитро тянула время, и вот возле дома остановилась машина, из неё выскочила женщина. Это была Анна — сестра Семена. Она повисла на шее Семена, плакала, причитала:

— Семен, братик мой родной! Вернулся. Я тебя ждала на следующий год. А тут Ромка позвонил, мол, не волнуйся, брат вернулся, а сегодня еще и баба Поля позвонила. Знакомься — это моя семья. — Перед ней стояла девочка лет десяти и два пацана-близнеца. — Это мои дети, это мой муж Сергей.

Сергей протянул руку Семену:

— Семен, с прибытием на родину.

Тут баба Поля скомандовала: «Все за стол!» Народ разместился, но тут вновь подъехала машина, в дом зашел Максим с женой:

— Мы не опоздали, товарищи?

Семен встал с места:

— Нет, в самый раз! Заходи, Максим.

Вечер удался. Люди веселились, поздравляя Семена с получением паспорта. Семен отвел сестру в сторону:

— Анна, когда ты успела нарожать, это нереально?

— Семен, это приёмные дети. Сергей всё знает. После того случая я не могу иметь своих детей, они очень милые. Ты непременно их полюбишь.

— Да я уже их люблю.

Тут подошёл Роман:

— Ребята! Имейте совесть, пошли к столу.

— Пошли, братишка, пошли. — Семен обнял Ромку.

За полночь народ стал расходиться. Анна подошла к Семену:

— Сема, брат, надо ехать домой, завтра на работу. Вот, возьми деньги.

— Анна, ты лучше ребятишкам купи что-нибудь, а есть у меня деньги. Ромка снабдил, да и Максим дал. В общем, не возьму.

— Ладно, в конце недели приедем, привезем картошки, сала.

Анна с семьей уехали, женщины остались мыть посуду. К Семену подошел Максим и Роман:

— Семен, как по поводу нашего разговора?

Семен посмотрел на Ромку.

— Семен, надо сдать. Максим дело говорит.

— Пошли, посмотрим, — со вздохом сказал Семен.

Они зашли в кладовку. Семен осторожно топором отодвинул бревно, оно ему поддалось, открыл тайник и с облегчением вздохнул: на месте. Карабин был завернут в тряпку. Семен осторожно его достал, размотал. Всё было на месте. Максим взял карабин, передернул затвор.

— Пошли, ребята, за мной.

Они вышли за огороды, туда, где речка не замерзает даже зимой, где Семен девять лет назад хотел выбросить оружие, но пожалел. Он вновь стоял на этом же берегу. Максим вытащил затвор, бросил его в воду, разобрал карабин, побросав все запчасти в воду, последним улетел сам карабин. Он повернулся к Семену:

— Вот и всё, Семен. Как написано в протоколе: «Со слов подозреваемого орудие утопил в реке». Что ж, не обманул следствие. Пошли, ребята, выпьем по рюмочке. Нальёшь, Семен?

Они долго еще разговаривали, обсуждали разные темы, пили водку, пуская густой дым папирос в потолок.

Весна пролетела быстро. Семен устроился на работу, на пилораму трактористом, подтаскивал лес для пилки. Потихоньку приводил свой дом в порядок, в огороде посадил всё необходимое. Душа Семена потихоньку вставала на место.

Как-то в июне заехал к нему Роман:

— Семен, значит, так. Пришла разрядка для обучения водителей. Как я тебе обещал, я тебя туда включил. Собирай вещи, документы, завтра едем в город.

— Слушай, Рома, хватит меня опекать. Ты даже не спросил: согласен я или нет. Да и огород только начел поспевать.

Тут раздался голос бабы Поли, она стояла за своим забор и всё слышала:

— Семён, ты за огород не беспокойся. Роман говорит дело. Езжай, поучись, развейся, а то как старик ходишь по огороду, сам с собой разговариваешь, не годится это. Совсем замкнёшься в себе, а это неправильно.

— Баба Поля, на два огорода, это же тяжело.

— Семен, мы с твоей мамой в войну — вон видишь поле перед опушкой — на себе пахали и сеяли, а потом убирали. А ты говоришь, огород. Езжай, сынок, всё будет хорошо.

Так и порешили. На следующий день Роман увез Семена в город учиться.

Устроил его в общежитие, показал, что да как, а сам уехал.

С утра Семен учил теорию, после обеда практику в ближайшем гараже. Ему очень нравилось. Коллектив подобрался хороший, разного возраста. Так незаметно проходило лето. Как-то преподаватель по практике заявил: «Так, ребята, после обеда занятий не будет. Три дня отдыхайте».

Семен решил прогуляться по городу. Он бродил по улицам, пил пиво, и незаметно для себя, дошёл до столовой, где работала Антонина. Он немного помялся и робко зашел в столовую: «В конце концов это общепит», — размышлял он про себя.

Там, как всегда, было чисто и уютно. Он сел за столик, как в прошлый раз с Романом. Вышла Антонина.

— Что будете заказывать? — Она узнала Семена, даже немного смутилась. — Вы так неожиданно.

— Да я вот решил зайти покушать.

— А что будете кушать?

— На ваш вкус.

Антонина исчезла в дверях кухни, вскоре появилась с подносом.

— А что будете пить?

Семен подумал, махнул рукой.

— Две кружечки пива, пожалуйста.

Семен принялся за еду, Антонина присела напротив.

— Я вам не помешаю?

— Нет, что вы, наоборот, — Семен замолчал и стал есть щи.

— Как Роман Алексеевич? Что-то давно он не заглядывал к нам.

— А что Роман Алексеевич? Нагрузил себя работой, вот и тянет. Мы с ним выросли вместе, как братья, только он вышел в люди, образование получил, в районе первый человек. А я вот.

— Семен я всё про вас знаю и ни капельки не осуждаю. Не надо сгущать краски, и у вас всё будет хорошо. Поверьте, я-то знаю, о чем говорю. — Семену стало стыдно, распустил юни. Он себя в этот момент ненавидел. А ещё он понял, что она ему очень нравится: её

простота, непосредственность, её голос. — Вам Роман Алексеевич, наверно, рассказывал про меня?

— Да, рассказывал, — как-то неуверенно ответил Семен, ему не хотелось её обманывать.

— Когда мне помог совершенно чужой человек, совершенно незнакомый, я поняла, что хороших людей больше, чем плохих. И после того, когда меня предали, я много сделала выводов, но самое главное: не надо отворачиваться от людей. Хороших людей больше.

Она замолчала, встала, пошла прочь. Семён был полностью с ней согласен, он вдруг вспомнил майора Муратова: если бы не он, не сидел бы сейчас Семен за этим столом. Да и многие другие. Антонина совершенно права. В это время открылась дверь столовой, и зашел Роман.

— Вот ты где прохлаждаешься, студент, а я его ищу по всему городу.

— Ромка, как ты меня нашел?

— Разведка работает, брат.

Тут выскочила Антонина.

— Роман Алексеевич, здравствуйте! Как хорошо, что вы заехали к нам. Что-нибудь будете кушать? — не успокаивалась она.

— Нет, Антонина. Нет времени. Заберу вот друга, и поедем, а в следующий раз обязательно поем.

Семен встал, положил деньги на стол. Роман вышел за дверь. Антонина посмотрела на Семена:

— Вы еще придёте? Вот возьмите: это телефон рабочий и домашний, верней, он на проходной. Спросите, меня позовут.

— Спасибо! Обед был очень вкусный, я обязательно позвоню.

Семен вышел на улицу, там стояла машина. Он сел в неё, Роман был сам за рулем.

— Ром, что случилось?

— А ты, друг называется, забыл, что ли?

— Что забыл, Ромка? И что у тебя за привычка тянуть кота, извини, за его достоинства?

— Семен, у меня сегодня день рождения. По этому поводу гуляем. Я тебя отпросил на завтра.

Семен многозначительно мотнул головой.

— Знаешь, Рома. Я свой-то день рождение забыл совсем, а ты говоришь, помнишь?

Они молча ехали по ухабистой дороге.

— Ром, ты только не смейся.

— Ты о чем, Семен?

— Вот к девушке идти в гости, что надо купить?

— Семен, смотря к кому. Например, если развлечься, тогда шампанское, цветы, конфеты.

Но я понимаю, ты по поводу Антонины?

— Да, Рома. По поводу Антонины.

— Тогда возьми конфет мальчишке, пряников, продуктов, коньяк. И помни, Семен, её уже раз обманули, причем жестоко.

— Роман, ты не обижайся, но я никуда не поеду.

— Не понял тебя, Семен.

— Сам сказал, чтобы не обмануть её. — Машина подъехала к крыльцу общежития, где жил Семен. — Извини, брат, но я так решил. А день рождения мы с тобой справим обязательно, но потом.

Он вышел с машины, хлопнул дверкой и, не оборачиваясь, вошёл в здание. Роман постоял какое-то время. «А может, он и прав?!» — рассуждал он про себя.

Семен продолжал учебу. Он не раз пытался позвонить ей, но каждый раз бросал трубку. Тогда он просто решил зайти к ней на работу, чтобы пообедать. Он подошёл к столовой, как в прошлый раз задержался у дверей. Дверь открылась, и из неё вышел мужчина, придержал дверь, как бы пропуская Семена. Семен поблагодарил его и зашел в помещение, сел за тот же столик. Тут вышла Антонина, за ней шел вприпрыжку мальчишка лет восьми. Она увидела Семена.

— Здравствуйте, Семен! Дима, поздоровайся. — Дима долго смотрел на Семена, каким-то изучающим взглядом.

— Здравствуйте! Меня зовут Дмитрий. — Он протянул руку Семену.

— Дядя Семен.

— Обычно я его оставляю с соседкой, но она заболела, пришлось брать с собой, а заведующая ворчит, — как бы оправдывалась Антонина.

- Тоня! Если, конечно, Дмитрий не против, то я мог бы погулять с ним по городу, пока ты освободишься.
- Димка посмотрел на маму, на Семена, почесав ухо, сказал:
- Я не против.
- Семен, как-то неудобно, да и боюсь, вдруг не будет слушаться.
- Тоня, вы не бойтесь, мы же мужики, разберёмся. Пошли, Дмитрий, гулять.
- Семен, вот возьмите. — Она протянула ему деньги.
- Тоня, я вас умоляю, на мороженое и лимонад у нас есть деньги. — Семен взял Димку за руку. — Ну что, пойдём гулять, Дмитрий.
- Они пришли в парк культуры, там были всякие развлечения, качели, карусели, стояли ларьки с мороженым, с газводой.
- Дмитрий, предлагаю сначала по мороженке и лимонаду.
- Я согласен, дядя Семен, а на каруселях прокатимся?
- Семен ни разу не катался на каруселях, он не знал, как его организм воспримет это. Но, славу богу, всё обошлось, они пробыли в парке три часа, Семен посмотрел на часы:
- Димка, нам пора. Мама нас потеряет, пошли быстрее.
- Антонина стояла возле столовой, ожидая их. Димка увидел маму, кинулся к ней:
- Мама! Мы с дядей Семеном катались на каруселях. — Димка щебетал, словно воробей.
- Вот, принимайте в целостности и сохранности.
- Спасибо вам, я давно не видела его таким счастливым.
- Тоня, можно я приду к вам в гости?
- Она посмотрела на Семена, Димка замолчал, смотрел на маму.
- Да, Семен, можно. Только заранее позвоните. — Димка прыгал от радости.
- Ура! К нам дядя Семен в гости придет!
- Семен попрощался с ними и, уходя, ещё слышал, как Димка хвастался: «Мы пили лимонад, ели мороженое».
- Семену было приятно, что этот маленький мальчишка был счастлив.
- Незаметно прошла неделя. Семен позвонил Антонине, взяла трубку бабушка:
- Общежитие. Слушаю вас.
- Мне бы Антонину к телефону.
- Кто спрашивает?
- Семен Логинов.
- Перезвони через пять минут, Семен Логинов.
- Семен прождал пять минут, набрал по-новому номер телефона.
- Трубку взяла Антонина.
- Да, слушаю тебя.
- Тоня, здравствуй, это Семен.
- Да, Семен, слушаю тебя.
- Я хотел бы сегодня зайти к вам, можно? И во сколько?
- Семен, после шести мы с Димкой будем ждать. Он мне каждый день задаёт вопрос, когда придёт дядя Семен.
- Семен пошёл в магазин, купил Димке машину, вспомнил совет Ромки, набрал продуктов, взял бутылку коньяка. Он без труда нашел общежитие, зашел вовнутрь, на проходной его встретила бабушка-вахтерша:
- Вы к кому, молодой человек?
- Я к Антонине.
- К какой Антонине? Фамилию скажи, у нас их много.
- Семен не знал ее фамилии. «Вот попал», — подумал он про себя.
- Семен пожал плечами, мол, не знаю.
- Эх, молодежь! Разве так дела делаются? Даже фамилии не знаешь. Ты Семен Логинов?
- Да, я Семён.
- Иди до конца по коридору направо, она меня уже предупредила. Да одна у нас Тоня — Кузнецова она.
- Спасибо вам, я всё понял.
- Он нашел её дверь, тихо постучался.
- Заходите, открыто.
- Здравствуйте! Можно к вам?
- Димка рванул с места, бросился к Семену.
- Ура! Дядя Семен пришёл! — Семен вручил ему трактор, пряники и всякие сладости. — Дядя Семен! Мама весь вечер готовила кушать, вас ждала.

— Димка, прекращай болтать, — смущенно сказала Тоня. — Семен, проходи, присаживайся, я скоро. Дима, развлекай гостя.

Вскоре стол был накрыт, они ужинали, разговаривали. Семену казалось, что он их знает много лет, просто он вышел куда-то, а сейчас вернулся. Ещё он понял, что без них он уже не может. Димка весь вечер не отходил от Семена, постоянно задавал вопросы или просто садился на коленку и молчал. Семен посмотрел на часы.

— Одиннадцать часов, пора домой, да и Димке спать надо.

Он стал собирается.

— А ты, дядя Семен, еще придёшь?

Семен посмотрел на Тоню, в её глазах был озорной огонек, он понял: она хочет, чтобы он приходил.

— Да, Дима, обязательно приду.

Незаметно пролетело лето. До первого сентября оставалась неделя, да и у Семена заканчивалась учеба. Вскоре он должен сдать экзамен и получить права водителя. Как-то Семен зашел к Антонине, Димка был дома.

— Тоня, у меня предложение. До сентября осталось чуть больше недели. Завтра я сдаю экзамен, учеба закончилась, и я должен ехать домой. В общем, я приглашаю вас в гости. Поживёте у меня, а там — как решите сами, но мне без вас будет очень трудно и одиноко.

Тоня молча села на стул в комнате, на какое-то время наступила тишина.

— А как же работа, Семен?

— Тоня, ты не беспокойся. Роман Алексеевич всё решит, он с вашей заведующей договорится, ты только скажи: да или нет. Тоня, ты не беспокойся, там у меня хороший дом, баня, огород, я тебя не обижу, я буду ночевать в бане.

— Вот тут, Семен, я спокойна.

Димка за всё время не произнес ни слова. Он словно набрал воздуха в легкие и ждал, когда его выпустить.

— Когда надо ехать?

— Завтра после обеда, часа в четыре, пять.

— Дима, что скажешь?

Он выпустил воздух:

— Да, мамочка, едем, я очень хочу к дяде Семену в гости.

— Значит, я звоню Роману?

— Да, Семен, звони. Пусть будет так, а там как бог даст.

Семен посмотрел в её глаза: они были наполнены слезами, вот-вот они должны были потечь по её щекам, но она смогла их удержать.

На следующий день, как и обещал Семен, Ромка договорился с заведующей Антонины, оформили отпуск на неделю. После обеда машина подкатила к общежитию, Семен загрузил вещи в машину, проходя через проходную, бабушка подозвала его.

— Семен, ты правильный человек, я смотрю. Любит она тебя, я знаю, поверь мне, не упусти свою птичку.

— Я все понял. Спасибо.

Машина рванула с места, понеслась по дороге, неся за собой клубы пыли. Они приехали в деревню к дому Семена.

— Вот, выходите, наш дом, — сказал Семен.

Тут подошла баба Поля, она внимательно посмотрела на Антонину.

— Ты внучка кузнеца Дмитрия? Его еще Лешим называли.

— Да, вы правильно говорите. А что?

— А я его двоюродная сестра, ты меня не помнишь?

— Вы Полина Андреевна?

— Да, доченька. — Они обнялись, утирая слезы. — А это кто такой бравой?

— Я — Дмитрий Кузнецов.

— Вот еще один внук появился.

Незаметно пролетела неделя. Семен не находил себе места, всю неделю он старался, чтобы им понравилась у него. Димка вообще не отходил от него.

«Надо решать», — думал он про себя. «Сам мучаюсь и её тоже мучаю, надо ставить всё на места, завтра они должны уезжать». Семен улучил время, пока Димка был с бабушкой, и решил начать разговор.

— Тоня, тебе понравилось у меня?

— Да, Семен, очень.

— Так оставайтесь, живите.

— Семен, в качестве кого?

— Антонина, выходи за меня замуж, будешь хозяйкой.

Они оба замолчали, смотрели друг на друга практически не моргая. Тут подбежал Димка.

— Мама! Баба Поля меня угостила компотом, он такой вкусный.

— Дима, сынок, — она присела на корточки перед ним, — дядя Семен предлагает нам остаться у него жить. Как ты на это смотришь?

— Мама! Вообще остаться?

— Да, сынок, вообще остаться.

— Мама, если честно, то я хотел сам тебя просить об этом, но боялся. — Он обнял её за шею, прижался к ней. — Да и баба Поля как без нас?

Тут подошла баба Поля.

— Ребята! Я вам так скажу: от добра добра не ищут. Вы каждый хлебнул с лихвой, надо определятся вам. Поверьте мне, человеку, который повидал многое: у вас будет семейный толк.

— Ну что ж, на том и порешили, — сказала Антонина.

Димка прыгал от счастья:

— Ура! У нас есть свой дом! У меня есть папка! — Тут он замолчал, посмотрел на взрослых.

Семен не растерялся.

— Сын! Держи пять. Ты прав.

Осенью сыграли свадьбу, небольшую, но все близкие были рядом.

Поздней осенью утром Семен вышел из дома на работу, Антонина вышла его провожать. Первый снег уже лег на поля, он был чистым, словно белый лист бумаги.

— Смотри, Тоня, как бело вокруг, как полотно. Бери и начинай жизнь с чистого листа.

— Семен, мы её и так начали с чистого листа. Иди с богом, а то опоздаешь.

— Да, я пошёл. Сына не забудь разбудить, а то в школу опоздаст.

Он повернулся, поцеловал её в губы. Вышел за калитку и большими шагами пошел по улице. На душе у него было спокойно. Он шёл на работу, зная, что у него есть любимая жена, сын, и, самое главное, те люди, которые его ждали, поддержали, дали надежду. Он знал, что и у него есть своё место под солнцем.

с. Чесма

Алла Федосеенкова

И снова эта женщина в окне

Аритмия

Безумных графиков аккорды
На сеточке кардиограмм
Выводит сердце. Все рекорды
Я посвящаю докторам:

Взлёт и свободное паденье!
Барьерный бег до тошноты,
До сбоя ритма! В новый день я
Лечу, не ведая тщеты

Стремлений к финишам спокойным.
Скакун мой, что же ты творишь?
Но рвётся пульс галопом конным,
Сметая снежный пепел с крыш.

Ты со мной был и не со мной,
Был чужим и до крови близким,
Растворял себя за стеной
Мутных граней стаканов виски.

За тобой я шла сорок лет
И в тебя, как в себя, смотрела,
Не заметив, что гаснет свет...
И свеча уже догорела.

Не меняй меня, не ломай:
Не согнуть то, что хрупко слишком.
Твой январь — мой бессрочный май.
Только иней на вишнях лишний.

* * *

Юбилейное

Ты водил меня сорок лет
По пустым лабиринтам комнат,
Новый мне сочинял Завет
Из новейших, на грани комы.

Таюсь в тени себя, за сценой,
Страшусь шагнуть из тьмы на свет.
Для игр своих неполноценной
Себя считаю сотню лет.

То вдруг — на грани закипания,
Ещё полградуса — и взрыв,
И срыв в обрыв непониманий.
Тузы чужие нечем крыть.

То балансирую по краю,
Чтоб не застрять в пяти углах.
Пыль, как пыльца из сада рая,
Жизнь замечает в зеркалах.

Моя повозка гужевая
Бредёт от света в пустоту...
В себя, как в роль,
Всю жизнь вживаюсь
И в глубь себя расту, расту...

* * *

Весна людей в надеждах крутит...
Больничный парк от снов продрог,
Скачки термометровой ртути
Сдирают наледи с дорог.

Сугроба слякотная мякоть
Утробно чавкает в ногах.
В апрель по снежной каше шмякать
Учусь на мартовских снегах.

А март впитал ветра и блики
В свои опавшие бока,
Потопом выплакал великим
Весну, безумную слегка.

Вакцинация

Прививку от гриппа поставить легко —
Всего лишь один миллиграммный укольчик.
И ты застрахован от тёплых носков
Из шерсти собачьей... Глядишь,
и проскочишь.
И насморк бессрочный долой как рукой.
Но главное — не прозевать колокольчик.

А надо б придумать прививку ещё
От всех дураков и особенно круглых!
Ведь вирусы глупости в паре с борщом —
Особо живучи в скворечниках утлых,
В утробы пролезут ужом и лещом.
Берут и чернявых, и рыжих, и смуглых,

И тех, кто не видит бедлам и разор,
Покрытые мусором вольные земли,
Забыли про совесть, про стыд и позор...
Сильна в головах вожденная зелень!
Поставьте мне лучше прививку от зол,
От войн и несчастий!

И от невезений.

* * *

Осень охрой листвы рассыпается в поле,
Водит по тротуарам теней хоровод,
И заходит сердце, стучится и молит
Отвести обжигающий мрак мёртвых вод

В чередё злых ночей, неприкаянно длинных,
Не согретых причастием взглядов и рук.
В монолитной, спрессованной в месяцы
льдине

Ночью можно услышать стук сердца...
А вдруг?

К вечной жажде тепла мне присущая
жадность,
Не держи! Пусть позёмки крадутся за мной,
Пусть твой взгляд обожжёт опаляющим
жаром
И чужая зима обойдёт стороной.

* * *

Девчонки навязчивый глянец листают,
В чужих откровениях ищут ответ.
А я распахнула окно и летаю
На крышке коробочки из-под конфет.

О вечности шепчет мне птаха в ладонях
Из стаи непойманных в клеточки слов.
Морозная ночь в спектре тёмного тонет,
Вмерзает в сугробы за льдистым стеклом.

Ночь виснет задернутой тьмой занавеской.
Хрустит леденцом за окошком ледок...
Февральского ветра колючие всплески
Бинтуют рубцы уходящих следов.

Ничья

Давай поиграем в кораблики, что ли...
Когда-то мы здорово это могли.
Ладошкой прикрыв, я расставлю на поле
Свои повидавшие жизнь корабли.

Точны и безжалостны залпов аккорды.
Мой флот уничтожен — понятно без слов.
Пьёт чай с молоком победитель мой гордый.
И печка гудит от наломанных дров.

Досада водой на плите откипела.
От проигрыша голова не болит.
Мгновенно сгоревшею горсткою пепла
Сметаю с клеёнки твои корабли.

Обнуление

Обменяю быль на небыль,
Больше не на что менять.
Обнимаю взглядом небо,
Обнулившее меня.

На затоптанных дорожках
Потерявшейся зимы
Собираю жизнь по крошкам,
Чтобы птицей в небо взмыть,

Развести пошире руки —
Снизу не обнимешь крыш.
Обнулить громады скуки,
Обнуляя в точку мышь.

Ночь в Коктебеле

Ночь гамаком, растянутым над садом,
Качает август, словно колыбель.
Луна с едва скрываемой досадой
Пологой и замедленной глассадой
Съезжает на уснувший Коктебель.

Молчат о ком-то сфинксы-кипарисы.
Прядутся тени через старый парк,
Там голос с хрипотцой и смех актрисы,
Которой ирисы дарили и ирисы
За чудный жест и показное па...

Бренчанье струн и брызги фортепьяно,
Обвалы смеха и стихи взапой,
Волны солёной вздохи, шепот пьяный
И бред признаний, сбивчивый и рваный...
Сырой туман, скользкий над тропой...

Теперь лишь сон у райского порога,
Наличностью отмеренный сезон
Для счастья и утех вдали от смога...
Реальней лишь железная дорога
И на запястье капля «Poison»¹.

31 августа

В последний вагон уходящего лета
Вскочил пассажир безбилетный...
На «зайцев» в общественном транспорте
вето,

И стал пассажир неприметным,

Стал полупрозрачной пылинкой цветочной,
Ладони чужой отпечатком
На грязном стекле и наброском неточным
Теней на истёртой брусчатке...

А клёны в расцвеченных августом кронах,
Прошитых узорчатым светом,
Крылом заполошно крикливой вороны
Махали сбежавшему лету.

Осенняя реальность

Клёны в аллеях алеют,
Золото ржавится с платиной...
В дымке костровой белеется
Тело берёзки без платица.

Плачется небу поленница,
Небо дождливится, плещется...
Старится дедова лестница —
Стен и заборчиков пленница.

С крыши б шагнуть и зажмуриться,
Вклиниться в цепь журавлиную,
Небо над мокрою курицей
Вытянуть ветреной линией.

Взором прощальным и радостным
Мир бы окинуть, покаяться,
Выгнуться лёгкою радугой
Над полевою окалиной.

Муки творца

Всю неделю вживалась в роль бога.
Быть творцом — это точно по мне.
Только б наглость не вышла мне боком.
Ну да бог с ней! И богу видней.

Мяла глину и что-то лепила.
Выходило не то и не так.
А терпение громко вопило:
«Неспроста так глупа простота!»

Из-под пальцев моих неумелых
В маринаде солёных потов
Родился кто-то глупый и смелый,
Но не праведник и не святой.

Гончару не по чину быть богом...
Если даже творенья твои,
Хоть умри, упираются рогом,
Издеваясь над тем, кто творит.

* * *

Ветер, жгучий и злой, некрылатых кружит.
Ждущих вечной любви нетерпением поит.
Не войти в тот же сон поумневшим на жизнь,
Но умение жить преумножится втрое.

Длинный путь в никуда по дорогам судьбы —
Копоть тлеющих дров или звёздная вспышка?
Пепел в урнах, кресты, некрологи, гробы...
Нашей жизни вершина.

Вершина и «вышка».

* * *

...и взор окрыляет,
и душу зовёт в поднебесье...

В. Тюнькин

Если страшно, не думай о будущем.
Не прошёл фейс-контроль парень в рубище.
Не защита кресты с позолотой,
Если лики святых оптом, лотами

¹ «Poison» — духи.

Выставляются аукционами
Вместе с памятью краснознамённой,
Ныне меж торгошами бесценною...
Храмы божьи обржены сценою.

Словоблуды гнилым лицемерием
Души праведных крестят безверием,
Соблазняют кумирами ложными.
До молитвы ль, коль уши заложены?
Но я верю: дорогой окольною,
За набатами над колокольнями,
В куполах под седым поднебесием
Чистота в наших душах воскреснет.

Р. С. Фейс-контроль — оценка внешнего вида
клиента на соответствие уровню заведения
(ночного клуба, ресторана...)

* * *

*...творит художник и поэт —
Без пресловутого греха
Нет продолженья жизни, нет...*

В. Тюнькин

Потемнел крест серебряный.
Верой в совесть блажит
Строчками непотребными
Воспевающий жизнь —
Эту, нашу, нелепую,
В скорбях, вечном долгу.
Слово к слову прилепит он,
Как два тела в стогу...

И обрушит Вселенная
Божий рай с высоты.
Строки станут нетленными,
Обретут власть святынь,
Осчастливят, как в первый раз,
Жизнью, полной грехов.
Согрешивших, отравят нас
Сладким ядом стихов.

* * *

И снова эта женщина в окне,
Застигнутая временем врасплох...
И взгляд, как у Мадонны
С полотен мастеров
Сверхчувственных рембрандтовых эпох, —
Совсем земной
И вовсе не бездонный.

Что так печалит женщину в окне
С усталыми плечами под платком,
Наброшенным небрежно
На крылья за спиной?
О, этот взгляд... Кому он не знаком,
Тот женский взгляд,
И любящий, и нежный?

Что ты там видишь, женщина в окне,
Зависнув, как икона, вне времён?
Глаза своих детей?
Луны оплывшей камедь
На кресте оконном?
Или судьбу, что ветренная вечность
Качает на верёвке с ползунками?

* * *

*На Урале ожидается
резкое похолодание...*

Двуликой надеждой
Май скрылся за дымом костров,
И зной обернулся холодом.
Зарылся в снега
Разогретый апрельский покров,
Смотревшийся слишком молодо.

В глазах первоцветов,
Теряющих ответ тепла,
Ни капли тревог смятения.
В набегах ночного морозца
Сгорели дотла,
И мёртвыми стали тенями.

Но это на время,
Всего лишь на пару деньков.
Не вечен весенний обморок.
В рассветном затишье
На россыпи птичьих звонков
Обрушится небо облаком.

Случайность смиренно отступит,
И светом ствол
Прикроется то, что умерло.
Но солнечным ветром
Снега по ручьям разнесло...
И пахнут цветами сумерки.

День в деревне

След от детских валенок на парнóм снегу.
С крыши по завалинку брошен дом в пургу.
Ни вдохнуть, ни выдохнуть... Воздух
с куржаком.
Из калитки вымахну с горки кувыркком.

Снег набился в валенки, варежки с ледком.
Я за печкой в спальне чай пью с молоком.
Хлеб хрустится корочкой. Янтарем — медок.
Вьётся снег за форточкой.

«Ноне не ходок
По дрова за далями, по речной шуге, —
Дед гремит медалями, — силы нет в ноге».

Табачище крошевом ссыпан на столе...
Помню вас, хорошие... Ничего милей
Не нашла, не встретила. Можно не гадать.
На душе отметиной эта череда:

След от детских валенок там, где я бегу
По деревне маленькой, брошенной в пургу.

Снег в апреле

Над садами кружит поздний снег.
И деревья застыли... Да живы ли?
Небо будет стыдливо краснеть
Над ужимками вёсен лживыми.

Утро хмурое брови светло,
Занавесило солнце сединами,
Непогодой сады замело
И заборы теньями длинными.

Бродит неприрученный апрель
По дорогам своим заснеженным,
Оставляя в следах акварель,
Неожиданную и нежную.

Грустное

В квартире под номером сорок четыре
Печальная мышка мечтала о сыре,
Голландском каком-нибудь или
 французском...
Ей холодно на подоконнике узком.
Вверху за стеклом самолётик кружит.
Под ним — этажи, этажи, этажи...

А кошки свободно гуляют по крышам.
И зайчики прыгают выше и выше
По лестничным маршам, железным и ржавым,
До каждой ступеньки знакомым пожарным.
И где-то внизу — люди и гаражи,
И красный трамвайчик куда-то бежит...

А дома ни крошки: ни хлеба, ни сыра.
Есть в раковине полпакета кефира.
Но мышки кефира не пьют. Что в нем толку?
И сыра кусочек как в стоге иголлка...
Над крышами ветер бездомный кружит.
Сырое бельё на балконах дрожит.

И мышка уснула голодной и хмурой,
С подпорченной сырной диетой фигурой.

И снились ей звездное небо и крыши,
Счастливые, сытые, жирные мыши...
Пахучая жёлтая мякоть луны,
В которой все сырные дырки видны.

Женщинам королевских размеров

Королевской креветкой,
В нежно-розовом вся
Из подъезда соседка
Вышла, важно неся
Рост, размеры, осанку,
Килограммы, года.

Ей, гордясь телесами,
Не по чину гадать
На слепую удачу
И любовь короля.
И душа не заплачет.
Перед кем оголять?

Сплетни коркой отстанут,
Как колючий куржак.
Ей характер из стали
Помогает держать
Вес, размеры осанку
Над дорожками слёз,
К королевским размерам
Относиться всерьёз.

* * *

Расплавит тьму костёр на берегу,
Где родничок с собой о вечном спорит.
Я от тебя и от себя сбегу,
Тебе на радость, а себе на горе.

Сырым туманом из воды напьюсь,
Сломаю крылья в танце с мотыльками.
Терять себя я больше не боюсь.
Лишь положу в ладонь холодный камень.

И буду слушать, как трещат дрова,
За камышами плещут рыбы-весла...
Грустить о том, что жизнь во всем права,
И даже в том, что я не стала взрослой.

г. Коркино

Два Сашки*
роман

Книга первая.

Прозрение

Часть первая. Солнце встаёт

Первая глава. Сашка

Саша, ты что, не слышишь? Звонят! Открой дверь! Это к тебе!

— Фу, ты, чёрт, — выругался про себя парень. — Иду, мам!

— Чё, не открываешь?!

— Чё-чё-чё — дед коп-чё!

— Чё, тебе приволок старик, ахнешь! — На пороге стоял Мирон, он сиял.

— Я, старичок, такое надыбал... обалдеть! Правда, запись грязноватая, ну во-о-ще... класс!

Они прошли в комнату.

— Заводи машинку.

— Заводи, заводи... сам заводи, мне некогда, осталось два сопротивления припаять... — и Сашка уселся за письменный стол, весь заваленный радиодеталями. Он погрузил паяльник в канифоль. Та зашипела, источая специфический запах и взялся впаивать недостающие детали в коробку собираемого по последней схеме УНЧ (усилитель низкой частоты) из последнего журнала радио, не обращая внимания на Мирона, который включивновенький «Яуза-5», один из первых отечественных бытовых магнитофонов, перематывал старую кассету. Хриплые звуки голоса разорвали комнату.

— По выжженной равнине за метром метр идут по Украине солдаты группы Центр...

Мало того, что певец исполнявший, казалось, натуженным, или явно простуженным, или не в меру пропитым голосом незнакомую песню, буквально разрывал землю и воздух, казалось на части, так ещё далеко некачественная запись, видимо, сделанная с далеко стоящего микрофона от исполнителя, постоянно фонила.

— Ты где выгреб это чудо? — Сашка повернулся к Мирону.

Тот ритмично дёргал правой рукой в такт музыке.

— Представляешь, старичок, новый бард объявился. Какой-то Владимир Высоцкий.

— А, кто таков? Откуда?

— Толком не знаю, но Ванька сказал, вроде, какой-то артист заезжий. Вроде бы московский. С Таганки. У нас, в Челябине был. Подпольно.

Голос хрипел, разрывая динамики.

— А, вообще, ничего, запись бы почище.

— Хм-м! Почистище, почище. Это-то дали на день. Переписать.

— Ты, давай так, ищи магнитофон, тащи, переписывай, а мне с четырёх на работу. Мамка дома вечером, я предупрежу. Да, дождись меня после смены. В два часа ночи я уже дома буду.

— А где я тебе магнитофон найду? Я что, факир, что ли? Кроме тебя, я и не знаю у кого может быть маг во всём районе.

— Ну, пошукай, пошукай! Покрути мозгами! Или тебе голова дана, что бы шапку носить? Ты же у нас пробивная сила! Вот и пробивай! Считаю, что это тебе партийное, ответственное поручение.

— Но! Ты! Член!.. Партии! А этот-то ящик доделал? — Мирон указал на лежащий на столе УНЧ. Он не разбирался в радиодеталях и не мог отличить резистор от конденсатора.

— Да, но надо ещё отрегулировать. Сам помешал со своим Высоцким. А то сегодня бы его кончал. Завтра бы опробовали в деле.

Это был первый стереоусилитель на пальчиковых радиолампах. Объёмный вид коробки внушал доверие. Тем более, лицевая панель была выполнена новейшим способом — фотопечатью по листовой дюралю.

— Короче, давай, двигай на свою работу, повышай производительность, а я плёночку счирикну, по высшему разряду. А с утрачка, мы с тобой заглянем к Танюхе в больницу на полчаса и там, хоть сам залезь в свой усилитель, но что бы к субботе он у тебя работал. В субботу, Ванька сказал, генеральная репетиция. Кто-то вроде из верхов будет.

— А, кто буде-то? С комсомола, или профсоюзники?

* Публикуется в авторской редакции.

— Да, не знаю. Там увидим.

— А с Танюшкой, что случилось?

— В гинекологии она. Выкидыш.

— Опять?! Да когда вы наконец-то, разродитесь? Бракодел ты, Валерка. Ох и бра-ко-дел. Измучил бедную женщину.

— Ладно, топай...

Вторая глава. Больница

Поутру они уже входили в ворота больничного городка. Весёлое солнце начавшегося марта зайчиками прыгало по окнам зданий от нескончаемых луж. Кое где ещё лежали чёрные лепёшки снега. Асфальт уже давно просох, и на газонах с солнечной стороны пробивалась юная зелень.

Все окна здания были распахнуты настежь.

— Татьяна, твой, — слышалось издалека.

— Девчонки, глянь, он сегодня с каким то симпатичным мальчиком, — слышался весёлый девичий хохот, и тут в одночасье, все подоконники облепились фигурами в цветастых больничных халатах.

— Привет, девчонки!

— Привет, — зазвучало со всех окон.

Здание было старенькое, одноэтажное, стояло в самом отдалённом месте больничного городка, огороженное непроходимым забором кустами высокой акации, и остатки темно-зелёной краски ещё кое-где мелькали среди обшарпанной штукатурки. Некогда бетонные наличники подоконников зияли повсеместно ржавой арматурой.

— Санёк, глянь, во втором окне слева. Какая девица! Не было бы Татьяны, я бы занялся.

— Да уж вот! Вот уж да-а...

Ребята подошли поближе к окну.

— Валер, а ты чё так рано? А, вечером-то придёшь? Привет, Санька! У моих то был? А меня уже завтра выписывают, мне одежда нужна, — как из пулемёта выпалила Татьяна.

Молодые, красивей одна другой, девушки толпясь у окон, весело, с желанием съедали парней глазами.

Пока Мирон разговаривал с Татьяной, Александр подошёл к окну, на которое указывал ему друг. На него смотрели три пары любопытных глаз.

— Привет, — ещё раз поздоровался паренёк.

— Привет, — в голос ответили девчата.

— А как тебя зовут? — воскликнула стоящая посередине девушка.

— Саша...

— А меня, Галя. Можно Галка.

— Я — Римма.

— А я — Люда.

Представились девушки, но он как загнипнотизированный не мог отвести взгляда от бездонно-голубых огромных глаз Галины.

— А меня завтра тоже выписывают...

— Ну, так муж, наверное, придёт за тобой.

— Да, нет. Не замужем я. Вон, девчонки, те замужние.

Обе подружки как-то сразу незаметно отошли от окна вглубь палаты.

— А, ты? Женат?

— Да, вроде, ещё не доводилось. Вот пойдёшь за меня, тогда и поженимся, — отшутился Сашка.

— Да, запросто! — И она залилась весёлым смехом. Немного успокоившись, добавила, — Тебе мама, наверно не разрешит жениться. Ты ещё маленький. А годков-то тебе, сколько будет? Уж больно юным выглядишь. — Она с лукавством, искоса, глядела на парня.

— Да, годков то мне, уже двадцать четыре. Я уж армию отслужил.

— Армию?! — повернулась и хмыкнула Галина. — Странно... и мне двадцать четыре.

— Ну, я б тебе, тоже ни за что не дал столько.

— А сколько?

— Да нет, лет шестнадцать — семнадцать.

— Хорошо сохранилась, — и опять весело залилась задиристым смехом.

Сашка смотрел в её глаза и никак не мог оторваться. Что-то пьяняще-манящее было в этих глазах и в этом звонком, задиристо-вызывающем смехе.

— Ну, что, повеселились?! Пойдём, — Валерка тронул друга сзади за плечо.

— Да, подожди ты, — не оборачиваясь, отмахнулся Сашка, дёрнув плечом.

— Чё, влюбился! — захохотал Мирон.
 — Да её оказывается, завтра тоже выписывают.
 — Ну, так возьми адресок, телефончик.
 — Да, Галь, давай координаты.
 — Нет, я сейчас живу на квартире, вернее меняю её, а если хочешь встретиться, назови свой телефон, я тебе позвоню.
 — Замётано. Только я работаю посменно. Завтра последняя смена с четырёх. Потом выходной и в ночь. Давай листок.
 Галина подала листок бумаги и карандаш. Сашка написал свой домашний номер телефона и адрес.
 — Звони.
 — Договорились.
 — Ну, пока, девочки, — и ребята помахали всем окнам.
 — Приходи ещё, — послышалось в ответ.
 (Продолжение следует)

с. Долгодеревенское

Анатолий Кухтурский

Легенда о степных озерах

В степи, где ветры вольные поют,
 Где зори кумачовые встают,
 Где отливает в травах изумруд,
 Стояли коши племени КУМРУТ.

А чуть подальше, где урмана сень
 Дает в жару живительную тень,
 Где птицы заливаются весь день,
 Дымы струились племени СЛУМЕНЬ.

У озера, где дыбится зыбун
 И к водопою тянется табун,
 Где тростники напевней тонких струн,
 Кочевьем жило племя КУЗУГУН.

Три племени соседних с давних пор
 Не знали меж собой вражды и ссор,
 Бескровно разрешали всякий спор,
 На что имелся древний уговор.

Не гас огонь в чувалах никогда,
 В степи бродили тучные стада,
 И странника случайного всегда
 Встречала шумных сорванцов орда.

Казалось, этот тихий, мирный край,
 Где оглашает ширь степей курай,
 Ребячий гомон да собачий лай,
 Никто не тронет даже невзначай.

Несчастье в дом всегда приходит вдруг,
 Когда его никто не ждет вокруг...
 Пронзает сердце боль душевных мук,
 И холодом блестит в глазах испуг.

* * *

В тот день кочевья вместе собрались,
 Шум, говор, смех со всех сторон неслись,
 Курая звуки плавные лились,
 И тихо дым костров струился ввысь.

Обычай этот деда завели:
 Как только прилетали журавли,
 На праздник пробуждения земли
 Джигиты дружно ехали и шли.

У озера, где стал урман стеной,
 Шумел и веселился люд степной,
 Как улей, растревоженный весной,
 Дурманил запах терпкий и хмельной.

Коймак и куллама дымились тут,
 По кругу плыл на медном блюде крут,
 И за сосудом наполнился сосуд
 Кумысом свежим под всеобщий гуд.

Слепили взор шелка и кумачи,
 Без устали играли курайчи,
 Бросались в бой батыры-силачи
 Под громовой удар витой камчи.

Сэсэнны воспевали край родной,
 Походы, битвы, мирный труд земной,
 И веяло глубокой стариной
 Из тьмы веков, покрытых пеленой.

Летели вдоль, привстав на стременах,
 Джигиты на безумных скакунах,
 В аксакалы в алых чапанах
 Густили об ушедших временах.

Когда из них вот так же каждый мог,
 Упруго сжавшись в трепетный комок,
 Отчаянно пуститься наутек,
 Чтоб получить красавицы платок.

Никто не знал, откуда и куда
 Брел по степи с хурджуном Курада,
 И, хоть давно давали знать года,
 Была походка знахаря тверда.

Он подошел и наземь бросил кладь.
Его кумысом стали угощать,
А угостив, просили погадать,
Что впереди ждет — всем хотелось знать.

Провидец дал согласие свое,
В огонь подбросил жаркое смолье,
И, опершись на длинное копьё,
Надолго погрузился в забытьё.

Давно сторело уж смолье дотла,
Остыли серый пепел и зола,
Был Курада безмолвен, как скала,
Лишь тень тревоги по лицу прошла.

«Поведали глаза и уши мне, —
Промолвил наконец он в тишине. —
Метались злые призраки в огне,
Протяжно пели стрелы в вышине,

Гудела степь от топота коней.
Был с каждым мигом этот шум сильней,
Орда идет и стелется за ней
Пустыня из безжизненных камней».

Какой-то миг стояла тишина,
Затем пронесся ропот, как волна,
И шумно, словно рухнула стена,
Заговорили разом племена

«Ты не ошибся, мудрый Курада?
Давно забвенью предана вражда,
А если где и прячется беда,
С чего ты взял, что враг идет сюда?»

Исчезнут пусть сомненья навсегда:
Висит над степью черных туч гряда,
Поет в лощинах талая вода,
Да мчатся ветры, тая без следа».

Тревога понемногу улеглась.
Вновь обуяла степь веселья страсть.
Шумели люди, музыка лилась,
Костры трещали, хворостом давясь.

За полдень небо сделалось темней,
Запахло дымной горечью сильней,
И пыль седую жаркий суховея
Принес из зеленеющих степей.

«Откуда пыль? — дивились старики, —
Степным законам это вопреки,
Весной травой пахнут ветерки,
Играя и летя вперегонки».

Но темная, удушливая мгла
Зловещей тенью медленно ползла,
Безжалостно сухим дыханьем жгла,
И стало ясно всем: беда пришла.

Прав был провидец, мудрый Курада,
Сказав, что злобный враг идет сюда.
Никто не внял кудеснику тогда.
Как губит нас беспечность иногда.

Уже над степью плыл доспехов звон,
Земля гудела, издавая стон,
И встали в ряд джигиты трех племен,
Чтоб страшной силе выставить заслон.

Закат кровавым заревом набряк,
Окутал землю душный полумрак,
Под храп коней и грохот колымаг
Обрушился лавиной грозный враг.

Две силы сшиблись, словно две волны,
Отваги, мщенья, ярости полны,
Стояли насмерть обе стороны,
Да только силы были неравны.

Все, как один, батыры полегли
На поле брани матери земли,
От горя поседели ковыли,
И ветры скорбь по свету разнесли.

* * * *

Текла по жизни времени река,
Прессуя годы в плотные века,
Все также плыли в неба облака,
И ветер пел на струнах тростника.

Иные наступили времена,
Над древней степью мир и тишина,
Давно ушли в преданье племена,
И лишь земля хранит их имена.

Немного изменившись, с давних пор
Они живут в названиях озер.
Три озера в степи ласкают взор,
Три озера — и память, и укор.

Алеют зори, глядя в Кумыртки,
Над Кучугуном шепчут тростники,
И Сулумень, где плачут кулики,
Со всех сторон обняли сосняки.

Но люди заприметили давно
Явленье необычное одно,
Из года в год свершается оно,
Видать, самой природой суждено:

Как только отступают холода
И прилетают журавли сюда,
В озерах вдруг вздымается вода,
Ломая с шумом панцирь изо льда.

Волна со скорбным стоном в берег бьет,
Холодный ветер злобно пену рвет,
Тростник лавиной грозных стрел встает,
И слышится курай в пучине вод...

с. Чудиново

Я навсегда у осени в долгу!

Осень жизни

* * *

Не мной придумано, что осень жизни
В окно стучится алостью рябин.
По серым стёклам солнышками брызнет —
Лови, душа, бесплатный витамин!

И я опять в плену у Златовласки!
Бутон последний вскинет лепестки —
В немыслимо чарующей окраске
Растают перезревшие деньки.

Восторг и трепет! Клетка золотая
Меня не в силах больше удержать.
Я каждый год рождаюсь и взлетаю,
И россыпь листьев падает в тетрадь.

Я без оков, я добровольный узник,
И навсегда у осени в долгу.
Пищит внучок — пора менять подгузник!
Отстань, рябина! Некогда! Бегу!

Утренняя зарисовка

День взлетает серой мухой
С волглой ватой на крылах.
Обещали: будет сухо!
Неба синяя краяха
Затерялась в облаках.

Флюгер крутится устало
Раздвигая плоть небес:
— Где там солнце заплутало?
Вопрошает с пьедестала
Хрипло Петя-ирокез.

Из подвального окошка
Смотрит с грустью и тоской
Кошка Мурка-мохноножка
На размытую дорожку,
На промокший род людской.

В лужах весело и странно
Вдруг засветится вода.
Из высотного тумана —
Не овсянка и не манна —
Выпал лучик из гнезда!

Молчи, тетрадь моя, не плачь,
Держи в себе эмоций взрывы.
Ты — мой надёжный военврач,
Благодаря друг другу — живы!

Лови, душа, спасенья круг,
Плыви по морю вдохновенья!
Пустеют берега разлук
От лёгкого прикосновенья.

Не уставай, мой карандаш,
Рисуй любви и страсти гимны!
Когда последний вздох издашь,
И я умру. И я погибну.

В конце сентября

Закат варился в турке,
И наполнялся вкусом,
Играл со мною в жмурки,
Дарил колье и бусы.
Осенней позолотой
Светилось небо жгуче,
Цыплёнком желторотым
Луна клевала тучи.

Добавлю в кофе перца,
А может быть, корицы.
На обнажённом сердце
Оставит метку птица
Своим прощальным пенем,
Отставшая от стаи.
В преддверии рожденья
Судьбу свою листаю...

Грозное

Небо завалено чёрными тучами,
Свалка небес переполнена.
Скоро прольются слезами гремучими
Вниз подкаблучники-молнии.

Я в ожидании мокрой феерии
Чай с бутербродом смонтирую.
И у окна под обстрел артиллерии
Зрелище законспектирую.

г. Челябинск

30 сентября 2019 года исполняется 60 лет замечательному поэту

Любови Александровне Дубковой.

Поздравляем юбиляра с торжественной датой, желаем новых книг и семейного счастья!

Каринэ Гаспарян

Я зря позарилась на яблоко

* * *

Я зря позарилась на яблоко,
Вчера в его вгрызаясь бок.
Ах, если б Евою не я была,
И змей бы не был одинок.
Оно дождями напиталось бы,
Оно бы солнцем налилось.
Но никогда я не узнала бы,
Что есть одежда, стыд и ложь.

* * *

Когда сойдешь на нашей остановке
Ты в зимних сумерках, вжимаясь в воротник,
Меня не разглядишь ты на веревке.
А я тебя увижу в тот же миг.
Услышу через стены и сквозь двери:
По лестнице идешь, ключом звеня.
Откроешь дверь ты медленно намеренно.
С веревки не захочешь снять меня.
Висеть мне на балконе белой простынью,
Хрустящей до морозной синевы.
Веревка, когда ветер, давит просто мне.
И не поднять холодной головы.

* * *

И свет, и тень — все нужно миру
Но как они всегда в тени
В своих коронах и порфирах
Кровавых, и всегда одни.
Я протяну им руку в полдень —
Они мне рук не подадут
И кто-то внятно скажет: «Пóлно»,
И всех желающих спасут.

* * *

О, как полны несовершенства
Мои отроги и холмы
И как же в поисках главенства
Не замечали много мы.
Ты — что за дальнею излучкой
Согретый солнцем спит мой лес.
Я — что все запахи и звуки
Не покупаются на вес.

* * *

Лимонного мороженого шар,
И горько-терпкий вечный запах моря
Я все, ты знаешь, все приму как дар,
И даже металлический вкус горя.
Оправлюсь от ангины и тоски,
Накину шарф, уже темно и поздно.
Но от прикосновения руки
Твоей опять погаснут в небе звезды.

* * *

Забросишь, чтоб сюда вернуться,
Ты, размахнувшись, десять су.
И так захочешь обернуться
Ты к лодке, девочке и псу.
Такая летняя беспечность
В углах и бликах этих поз.
Не поворачивайся. Вечность
Не отвечает на вопрос.
Тебя проводит миной кроткой
Пусть эта женщина-дитя.
Лохматый пес, чужая лодка,
И свет, и тень небытия.

* * *

Звонит ковер, дрожа извивом синим,
Звонили из картины на стене.
Из книги и со станции Кассини.
Все, кто угодно, но не ты и мне.
Встречала диких рыб, и строгих мимов,
Английских пэров, белых жеребят.
И астрономы шли сегодня мимо.
Встречала всех, но только не тебя.
Увидимся в античном зале Лувра,
И мы разбудим криками всех дрем.
А все слова, что ты сказал, целуюсь,
Переведу с английским словарем.

* * *

Возьми меня, еще не зная имя,
Перелистай, постой, остановись.
Все, да не все, словами объяснимо.
Ты опусти меня обложкой вниз.
Заполни день ненужными словами,
Подвинь меня на краешек стола.
От глаза постороннего томами
Закрой, чтоб я как будто не была.
Но вечером однажды в пыльном Риме,
Покинут на мгновение детьми,
Ты пальцем начерти и вспомни имя.
Остановись, возьми меня, возьми.

* * *

Все на продажу, на прилавке
Красивых ценников не счесть.
Горят янтарные купавки,
Вот сострадание и честь.
Внизу, немного уцененные,
Лежат доверие и стыд.
И разных, но комиссионных
Здесь вдоволь болей и обид.
Я не была здесь очень долго,
И я теряюсь от нолей.

Моя душа не жаждет торга,
Возьму лишь то, что нужно ей.
Вот эту радость на прилавке,
Вот это средство от потерь.
Возьму в подарок я купавки.
За мною тихо звякнет дверь.
И я пойду неодолимо,
Предчувствий радостных полна.
Шагает кто-то мимо-мимо,
И с кем-то за руку весна.

* * *

Душа иных — осколок острый,
Стекла бутылочного муть.
И заживающей коростой
В тебе останется их суть.
В других алмазною огранкой
Горит и светится душа.
И, просыпаясь спозаранку,
О ней ты вспомнишь, не дыша.
И те, и эти носят тело

Под кровом нового плаща.
Но у последнего предела
Их обнажается душа.
И сквозь одних сияют звезды
Так, что не охнуть, не вздохнуть.
А сквозь других колышет воздух
Воды пугающую муть.

* * *

И эти сосны вековые,
И это озеро меж гор,
Просторы эти луговые,
И этот птичий разговор,
И эта ящерка живая,
И под ногою лазурит,
И все, что лес в себе скрывает,
И все, кто с нами говорит
И по-озерью, и по-птичьи,
Они нуждаются в любви,
Как на поляне земляничной
Глаза прикрытые твои.

г. Миасс

Ирина Осмачко

И жизнь без радости напрасна

* * *

Меня ты ждёшь. В кафе у сквера
давно прочитано «Меню».
И наша встреча — откровенье,
И мнение твоё ценю.

Имеем дело мы друг с другом,
где объективны ты и я.
Слова даруют нам прозренья:
здесь не разумна лесть ничья.

Немного ясных взглядов надо,
чтоб многое в другом понять,
Что каждый знаем себе цену,
где не прибавить — не отнять.

Сейчас нам чужды комплименты,
неискренность нам не нужна.
И цель оправдывает средства,
и истина, как жизнь, важна.

* * *

Мир полон дремлющей любви.
Её разбудит твоё сердце,
Когда оно в Алтарь любви
Раскроет замкнутые дверцы.

Познание Бога в глубине
Души давно, увы, погасло.
И дремлет око в темноте,
И жизнь без радости напрасна.

Дыханье света позови —
Его прекрасен Дух творенья;
Лишь в нём поэзия любви,
Надежды, веры, вдохновенья.

Стихи-потешки

* * *

Мыльницы для
мыла — намывала.
Мыльными руками
мыло с них смывала.
Мыльными обмылками
мойки перемыла.
Моечными средствами
рукомойник мыла.
А потом водою
руки с мылом мыла.
А для мыльниц мыло
новое купила.

* * *

По извилистой дорожке
не ходи ко мне пешком.
Приезжай ко мне в карете
иль на палочке верхом.

А в телеге вдоль забора
будет ехать водовоз.
Попроси его с поклоном,
чтобы он тебя подвёз.

Едет медленно иль быстро —
торопиться не спеши.
Остановит возле замка
иль у домика в глуши.

А когда к тебе я выйду,
удивляться ни к чему:
Я оденусь иль в лохмотья,
иль как барыня в парчу.

Подойдёшь ко мне весёлый
или вовсе никакой,
подойду к тебе красивой
или Бабою Ягой.

А когда погаснут зори,
выйдет первая звезда,
Я любовь тебе открою
иль закрою навсегда.

* * *

Смастери по-мастерски,
мастеровой,
Мастерок у мастера
в мастерской.

* * *

Смешил «Смехотрон»
смешными смешилками.
«Смешарик» смеялся
и лопнул опилками.

* * *

Шила белошвейка,
шила, напевала,
что-то зашивала,
что-то расшивала.
А потом зашилась —
может, утомилась?
Что же с ней случилось —
песня не сложилась.

ТВОИ СТИХИ

Средь старых книг уж много лет
Храню письмо на трёх листах.
Оно — от юности привет,
Наивных душ любви завет,
Скреплённый нами лишь в мечтах.
.....
Ещё в стихах, твоих стихах.

Мы молоды. И без труда
Шептали сладкие уста:
«Тебе я раб и господин,
Скажу сейчас я сто причин,
Чтоб были вместе мы всегда...»

Играла музыка едва...
Как мёд лились твои слова,
От них кружилась голова.

Где ж те года? Лишь от тебя
Стихи в конверте с той поры.
Мой взгляд давно забыл тебя,
Но сердце, память ту храня,
Всё ж ценит юности дары.

.....
Твои стихи, твои стихи.

* * *

Ещё один день
мною прожит —
Он не тебе принадлежит.
И этот день
Страдания множит,
Но пыл любви
Не охладит.

* * *

О Боже, как я устал,
Устал быть тем, кто я есть.
Тогда Господь мне сказал:
Поверь, Я рядом — Я здесь.

* * *

Я ныряю в глубину пучин,
Погружаясь в своё бессознательное;
Собираю в ней море причин,
Чтоб принять свою жизнь окончательно.

* * *

Птица счастья, как Жар-птица,
Ярким пламенем сверкая,
Ввысь меня зовёшь, стремиться,
За собою увлекая.

Ты зовёшь меня влюбиться
В неземную красоту?
Как же мне не подчиниться,
Видя света чистоту!

* * *

Лежит в руках моих
раскрытое письмо.
Могло отпраздновать оно
уже столетье.
Оно потомкам завещаньем
быть могло
От той поры, что звали
деды лихолетьем.

Подобно кости пожелтевшей
те бумаги,
Истлели складки, словно швы
от старой раны,
Края осыплются вот-вот,
однако странно:

Слова там можно разобрать —
спаслись от влаги.
В стенной расщелине, что
ближе к Алтарю
Письмо открыла
покосившаяся рама:
«Не бойтесь дети, вас
у Бога отмолю», —
Писал нам предок
в девятнадцатом из храма.

* * *

Я отрицаю грани своих чувств,
Поступков, слов, надежд и ожиданий.
И разбиваю эти рамки. Пусть
Летят осколки в виде оправданий!

Так мелко думать, безразлично ждать,
Гасить терпением свои тревоги,

Потом в отчаянье себе кричать:
«Всё пропади» ...и перекрыть дороги?

Нет, расширю рамки я в себе!
Не бросив вызов никому. И снова
Иду я на подъём. Мой путь к себе!
Порука в жизни и всему основа!

* * *

Я сегодня в доме одна.
Догорают в печи дрова,
Душу греет бабушкин плед
И рассеянный лунный свет.

Свет и тень сплетая, луна
Вдохновляет на игры ума:
Вот и Пушкин легкой строкой
Увлекает меня за собой.

Не боясь такого греха,
Соблазняюсь рифмой стиха,
Говорит любимый поэт,
Что у гениев смерти нет.

г. Миасс

Виктор Ружин

Паёк

Утро. Возле кованого старинного сундучка клушкой возится старуха.
— Лешка, а ну-ка вставай, — трехрядкой запела она.

Вскочив, мальчуган быстро надернул чахленькие штанцы, раз-два — и был готов.

Старую встревожила недобрая весть, принесенная утром дедом. Придя из магазина, он раздосадовано шлепнул потертым бумажником о стол, в котором находились карточки на хлеб, и, обмяв заиндевевшие усы, известил, что дорогу перемело, лошади, посланные за хлебом, застряли. Снаряжают на выручку трактор, но это дело нескорое, так как до районной пекарни, считай, километров двадцать.

С головой уткнувшись в сундук, бабка подозрительно вертит в руках остаток черствого пайка. Озадаченная, она обрушилась на внука.

— А ну-ка ближе, давай ближе. Ты зачем же так делаешь? Зачем самовольно хлеб трогаешь?

От неожиданности Лешка захлопал ресницами, чтобы не дать выкатиться слезам.

— Я тро-трогал?

— А кто же его отполовинил, Пушкин, что ли?

— Не брал я вашего хлеба. Спроси вот у Сталина. Брал я или нет?! — обратился Лешка к стене, где висел портрет.

Бабка замешкалась, не зная, то ли смеяться, то ли сердиться.

— Видел, умняк какой выискался! — вскипел дед. — Оголец сопливый, нашел, с кого спрос учинять. Цыц, щеня, и чтоб я больше не слышал этого.

Парнишка потупился. Бабка, прекратив допросы, захлопотала у печки.

* * *

Вскоре похлебка была готова. Дед коряжистыми руками делил на три части крохотную пайку, делил так тщательно, словно решал сложную задачу, при этом одно веко у него дергалось. Запах пригоревшей постной похлебки и хлеба разбудил у парнишки аппетит, и он несдержанно потянулся к предназначенной ему доле.

— Не трошь, поганец! — Старик плашмя щелкнул ножом по Лешкиным пальцам.

— Руки выполощи сперва, а потом уж за хлеб!

— Ты сам поганый! — скривился от боли внук.

Дед хотел было топнуть ногой да отстегать паршивца ремнем, но тут же унялся, не стал выказывать свою слабость, еще этого только не хватало, чтобы он распылился да из себя выхлудил перед этим птенцом желторотым. Слишком велика ему честь.

Отзавтракали. Старик и старуха всяк сам по себе молча погрузились в работу, до Лешки вроде им и дела нет, живи, как сам знаешь. Старуха — по вязанию, старик — по сапожному делу. Режет он подметки, молотком постукивает, шилом колет да колет. А дратву начнет гудронить, та тоненько заподпеваает разгулявшимся рукам деда, едкий дух на всю избу источает. Лешка смотрит на деда исподлобья. Лешим, страшилищем он ему чудится, корягой лесной, не имеющей сердца.

Зато вдоволь нахохотался бесенёнок над дедом, когда тот под вечер, собираясь за хлебом, стал надевать валенок, а там писк живьем. Дед выдернул ногу из валенка: «Что за зверь там завелся?» — тужится в догадках он. А из опрокинутого валенкахватиламышь и стремглавушла в щель. А старый ее впопыхах не заметил, проморгал, крутит валенок, глаза тарачит и сам себе:

— Ядрени-фени, нешто дурман в башке?

Особенно обижался Лешка на черную круглую тарелку, висящую над столом. Он уж было приноравливался тайком вытряхнуть оттуда болтливого мужиченку, но, кроме железок, ничего там не обнаружил. Черт такой, куда же он прячется? Доберется до него все равно Лешка, ох уж и задаст он ему трепки. Сколько он от этого мужиченки уж натерпелся, маленький такой, а горластый. Как начнет молотить — конца-краю нету. Лешку вроде в самую пору резвость возьмет, скакуном заходит, босы пятки его так и забрасывает, а ему говорят: «Цыц, а ну уймись», — истуканом принуждают сидеть, что самая для него пытка. На улицу нельзя, стужь такая стоит, что вмиг головешкой будешь, а теплой одежки — «шиш на постном масле». Вот и приходится сидеть, сносить этого черта, а стоит шумнуть, коршуном набрасывается на него дед.

С тех пор, как получили старики похоронную на сына, Лешкиного дядю, который так же, как и его отец, погиб на войне, они стали неразговорчивы. Не узнает в них Лешка своих стариков. Только раскроет эта трещотка рот, льнут они к этой тарелке, как мухи на мед.

* * *

Старики вроде уже давно друг другу выговорились и надоели, а стоит одному уйти куда-либо, скучают друг по другу. Вот и сейчас измолилась бабка, дерет глаза в оконце, в щелочку, с краю незамерзшую, не идет ли дед. И знает, что некуда ему деться, у него одна дорога — магазин да дом, а душа все ж не на месте.

Лешка уже забыл обиду. Его горечь перешла в желание видеть деда с хлебом. И с этим желанием он прикорнул за столом под мерное побрякивание бабкиных спиц. Очнулся он, когда дед уже был дома. На столе лежала свежая пайка хлеба. С мороза хлеб колдовал Лешку, не отрывая глаз от хлеба, он давился слюной. Но грех отвела вовремя бабка. Пряча хлеб в таинственный сундучок, она ворковала:

— Севодню мы норму съели. Эта норма завтрашня. Не распалай себя, Леша. Располагайся давай лучше ко сну. Скорее будет утро. Скоро будет хлебушек.

Свет зимний скоротечный. Не успеет ночь растаять, как день тухнет лучиною. Старики укладываются рано. Лежит Лешка на полотах, хлопает глазами в темноте, а ветер в трубе воеет, сердце его ворошит да мысли в небогатой голове роет. Вдруг мать встает в глазах, где-то в неведомом городе. Начнет Лешка говорить с ней, а она исчезает. Тут дед своими ночными криками спугнет Лешку, и опять тишина, только метель за стенами плачет. За последнее время часто стал ночами кричать дед: то ли от помятых боков в давке за хлебом, то ли от переживаний каких...

Мысль одна сменяет другую.

— Как же так? Кто мог хлеб брать, — томил себя вопросами мальчишка, — не мог же он сам по себе съестся?

Как вдруг видит: открылась у сундучка крышка, оттуда высунулась бесенком пайка хлеба и прямо к Лешке на полати взлетела: «Ешь меня, Алексей, ешь!» — упорно напрашивается она. Лешка толкает её в рот и ест, толкает и ест. Съев, он легко оттолкнулся от полатей и полетел. Полетел, купаясь в теплом, наполненном солнечным светом воздухе. Летит над домами, над людьми. Люди диву даются, и видит он соседскую ребятню, они бегут за ним, что-то наперебой кричат, достать его хотят, а он для них недосыгаем. Он свободно парит и гордо озирает их сверху. Долго он летал над посёлком, над проводами, наслаждаясь полётом. Но вот он увидел бабку с дедом. Дед ему кулаком грозит снизу, а бабка, задрав голову, голосит:

«Вон он, воришка, намялся хлеба и порхает». И Лёшка, как подбитый, камнем полетел вниз. Вот-вот он вдребезги разобьётся о землю. Ему стало страшно, он закричал и проснулся.

Проснувшись, он увидел мать, сидящую со стариками за столом. Они смотрели на него. Не спеша, Лёшка слез с полатей и тихо подошёл к матери. Мать обняла сына, и заглубившие её пальцы долго ворошили ему волосы.

— Мам, ты насовсем? — вымолвил, глотая подступившую к горлу спазму, Лёшка.

Мать вздохнула:

— Ой, сынок, нет, на денёк вот вырвалась, соскучилась я о вас да на тебя посмотрю, — она закрутила Лёшкиной головой, заглядывая в уши.

— Батюшки, в ушах-то что творится у тебя, Лёшка! Свиньи, что ли, там ночевали?

А Лёшка своё

— Мам, ты не ездь никуда больше, живи с нами.

— Сынок, а кто на фронт работать будет? Вот как победим фашиста, тогда и вместе жить будем.

Тут своим певучим голосом врезалась бабка:

— Знаешь, мать, а у нас с сыном твоим скандал получился. Понапрасну на него понесла. Уходит, видать, время наше. Всё. Глаза уже не те стали, Видимо, жильцы мы уже так себе. Перед твоим приездом, тем утром, мне показалось: хлеб братый. Кто, думаю, кроме Лёшки, сбедовничает? Хоть и грешно так думать, но, опять же думаю, голодный он, а у голода разума нет. Я в допросы. А он, как перед богом, Сталиным клянётся. Не брал, говорит, спроси у Сталина. И смех, и грех. А после я как следует пригляделась: прав он, Лёшка. Срез-то старый, чёрственький.

От матери пахло заводом, едкой копотью, а главное, родной матерью, и Лёшка, как проголодавшийся щенок, хватал этот запах.

Потом старики и мать разговаривали про войну и что Гитлеру скоро конец. Вспомнили погибших отца и дядю Ивана. Говорили о том, что в этом году пора Лёшке в школу.

А Лёшка, довольный и счастливым, съев материн гостинец — привезенный для него кусочек сахара, грезил, что скоро они заживут вместе, и мать он будет видеть каждый день.

г. Конейск

Зухра Абдумина

Голос

Как видения спасли меня от беды

Ни с того ни с сего мне стало являться видение в виде бегущей на меня собаки. Среди белого дня между делами и даже разговорами. И собака-то немаленькая, в виде овчарки и с таким страшным оскалом, прям несётся, готова разорвать, но не добегает и в паре шагов от меня видение растворяется в воздухе.

Рассказывать об этой оказии я, естественно, никому не стала, посчитают ещё за ненормальную. Продолжалось это в течении месяца, пока однажды я не решила зайти по пути из города в дом, где калымил мой муж. Бывший директор леспромхоза решил на пенсии благоустроить свой участок и пригласил толковых мужиков ему помочь, за оплату, естественно. Кормить — кормил хорошо, да не по разу, сигаретами обеспечивал и ещё на хлеб домой десять рублей давал. По тем временам это ещё хорошие деньги были.

Так вот, подхожу к их дому, как обычно давлю на звонок, но никто не выходит. Я к воротам, они не заперты. Успела только перешагнуть высокий порожек ворот и сделать пару шагов, как из-за угла выскакивает та самая собака из видения, с тем же угрожающим, страшным оскалом, с ненавистью в глазах, но ещё громоподобным рычанием и лаем (видения-то были беззвучны).

Не знаю, сделала я один прыжок или два, но от себя такой прыти ну никак не ожидала, помню только как захлопнула ворота перед самой его пастью. Но, зная себя, думаю, не будь этих видений, он бы со мной тут прям у ворот и расправился. Обычно при малейшей опасности я столбенею, ноги становятся ватными. Было ощущение, будто я не сама перепрыгнула, а меня просто кто-то перенёс за ворота. Вот так видения спасли меня от ужасной участи, так как хозяин собаки вышел только минут через десять.

Голос

*Невесть откуда голос взялся,
Его как будто ветром принесло.*

Как-то я прогуливалась по лесу, больше для внутреннего равновесия, чем в поисках грибов. Которых в тот год местами практически и не было. В корзинке сиротливо лежала парочка сыроежек, ещё бы хоть один небольшой груздочек для вкуса, и со спокойной душой можно было шагать восвояси. К тому же намеченный курс был почти пройден. С хребта горы спустилась на обычно груздяное место.

Меня опередили и, видимо, не раз, но тоже безуспешно, следов обитания грибочков не наблюдалось. Незаметно для самой себя я углубилась в свои думы и на какой-то миг упустила из виду ориентир пространства. И тут голос из ниоткуда! До боли в сердце знакомый и родной, но немного подзабытый. Всего одно слово, и я встала как вкопанная.

— Якындама! (В переводе с башкирского: «Не приближайся».)

Голос настойчивый, без лесного эхо, даже не совсем понятен, прозвучал он в пространстве или только в моей голове.

Я встала и резко подняла голову, а передо мной на расстоянии двух-трёх шагов изгородь мусульманского кладбища, и совсем недалеко мамина могила. Пару минут я простояла в шоке, затем попросила прощения у мамы и у покоящихся там, что чуть не потревожила их покой, медленно развернулась и удалилась на приличное расстояние, а потом свернула на тропинку, ведущую в посёлок.

А для себя сделала вывод: они нас видят и слышат, и не нужно по пустякам, без всякой надобности забредать на могилки, нарушать тишину и покой усопших.

Размышления

Иногда в моей голове мысли напоминают мне сухой гороховый стручок. Лишь одно неосторожное движение рук — стручок резко трескается и высвобождает содержимое. Горошинки разлетаются в разные стороны. Одни, взметнувшись вверх, ударяются о потолок, другие о стену, на скорости летят на пол и дикими скачками пляшут, пока не разбегутся по углам и закоулкам, теряясь совсем из виду, а через минуту забываясь напрочь. И лишь одна мысль-горошина, чудом оставшаяся в стручке, пока в твоих руках. И ты осторожными движениями вынимаешь её и бережно берёшь в ладонь.

Вот эту основу-горошинку холишь и лелеешь, чтоб она-то точно дала ростки, корешки, а впоследствии роскошные плоды.

г. Нязепетровск

Вячеслав Тюнькин

Когда бы стих достойнее звучал

Зеркала

Пришла пора:
Без сожаленья
Не быт ценить,
Но бытиё.
По-за стеклом ловить
Мгновенье —
Не отражение своё.
Пора,
Традиции нарушив,
О том, что было, не скорбя,
Смотреть не в зеркало —
В себя.
Не в зеркало смотреть,
А в душу:
Она,
Как водится,

Невинна,
Она по-прежнему
Светла,
И нет причин считать морщины...

Как лживы ваши
Зеркала!

Sum mortus

1.

Это,
Знамо,
Задумано Богом
И испытано жизнью, поди:
Кто однажды бывал
«За порогом»,

Обречён
Не спеша уходить.
Вам не верится?
Вольно —
Не верьте...
Лет пятнадцать тому —
Наяву —
Пережил репетицию
Смерти.
До сих пор
Безнадёжно
Живу.

2.

Слушай,
Смерть,
Дай немного пожить...
Мне ещё не изладили
Гроба.
Невозвратных годов этажи
Недостроенного небоскрёба...
Вольно просто ослабить гужи —
На постой не спешить понапрасну:
Слушай,
Смерть,
Дай немного
Пожить —
До чего же на воле прекрасно!

* * *

С утра
Ярится солнышко.
И —
Экая напасть! —
От облаков
До доньшка
Обуревают страсть
Любого,
В мире сущего,
Дела творить свои —
Интимные,
Насущные:
Токуют соловьи,
Горят любовной жаждою,
И —
Господи, прости! —
Спешит букашка каждая
Своё
Не упустить
Мгновение последнее
У мира на виду...

Вы видели,
Как лебеди
Целуются в пруду?

Город любви

Осенняя листва
Сгорает на ветру...
Любовь всегда права —
Приметы не соврут.
Приметы говорят:
Вечер грядёт Зима,
А следом вдругорядь
Весна придёт сама.

И этак — день за днём,
И так — за веком век
(Поверьте — всё при нём!)
Мечтает человек:
Не сбиться бы с пути,
Найти тепло и кров,
Однажды обрести
И сохранить любовь.

А в нашем городе Любви
Весною даже воробьи
Поют страдания свои
Душой —
Совсем как соловьи...

Стихи, навеянные чтением Тараса Шевченко

По площадям снимают
Ильичей
На самостийной ныне
Украине...
Который пьедестал уже —
Ничей,
А всё равно
Покоя нет в помине.

И кажется, что это
Навсегда:
Какая Украина
Без Майдана? —
Пока не опрокинут
На майдан
С Крещатика
Хмельницкого Богдана.

О шакалах

Волк
Бояться и любить заставит.
Люди говорили в старину:
«Ежели судьба забросит
В стаю —
Будешь выть ночами на луну».

На груди подшёрсток серебристый...
С рыжей окаёмкою зрачки...

Неподвижный взор,
Как будто рысий...
Беспощадно острые клыки...

Волк...
И мёртвый страшен он оскалом —
Так сподручно на него пенять!
И никто не вспомнит
Про шакала —
Вроде б тоже серая спина.
И такой же вроде сухопарый,
Убирает нечисть «со двора»,
Никогда не трогает кошары:
Весь удел —
Объедки собирать.

Серый,
А такой безвинный малый...
Только нос — по ветру — на весу.

У людей
Благодаря шакалам
Зачастую Волк справляет суд.
Если нет Его? —
Какая жалость! —
Выпестую.
Жертву приведут.

* * *

Когда вокруг —
Три тысячи чертей,
Отвергнуты и свергнуты
Кресты,
И мир стремится к финишной черте,
И даже грешник выглядит
Святым,
И впереди зияет пустота,
Как самая прямая из дорог,
Когда —
в лохмотьях нищего —
Христа,

Не распознав,
Не пустят на порог,
На чистый стол полбжу
Белый лист,
Потом в чернила обмакну перо —
Охальник, еретик и скандалист —
Я буду словом сотворять
Добро.
Я буду о Любви своей писать,
И пусть не по канону будет слог,
Мою молитву примут Небеса,
Всё потому, что Слово было
Бог.

* * *

Когда бы стих
Достойнее звучал,
Я смог бы описать в порыве страсти
Соитие —

Начало из начал
И жизни,
И гармонии,
И счастья.

Рыбалка

Кружка да глотка —
Всегда при делах
После удачной ловли.
Главное, чтобы к пиву была
Вобла.

Время пришло —
К родной стороне
Впору вертать оглобли:
Кончилось пиво,
И рыбы нет.
Во, бля!

Морок

Там, где юркая река
В ночь бежит издалека,
Ходит кругом белый конь
Посолонь.

А на сивом том коне
Всадник — белый, что твой снег,
Право слово, неспроста —
Без креста.

А в руце его — мощна,
Искушения полна —
Православного меня
Полонять.

Так и блазнят миражи,
Без которых наша жизнь
Беспросветна и суха —
Без греха.

Забубённая пора:
С полуночи — до утра
Бледный всадник на коне
Мнится мне.

Да едва нагрянет срок,
Морок прынет за порог,
Коль горласты да лихи
Петухи.

...Там, где юркая река
В ночь бежит издалека,
Белый всадник на коне
Снится мне...

* * *

Господа,
Давайте будем
Честными!
Не передо мной —
Перед собой.
Жизнь,
Конечно, штука
Интересная —
В чём из нас подпишется любой.

Совершилось:
Псевдореволюция —
Умопомрачительный прогресс!

Счастлив тем,
Что в этой
Эволюции
К чувствам не потерял интерес.

И не надо вехи мерить
Вечностью —
Вечности
Совсем не до того...

Не спасай, спаситель
Человечество —
Осчастливь хотя бы
Одного.

Интроверт

Когда тебя отвергли,
Не любя —
Уйди в себя,
Не рвись за **Его** призрачное в бой,
Но
Будь собой:
В себе
Собой
Себя умножить —
Куда дороже.

Геронтология

— Бывают ли у Вас случайные связи?
— Да... С женой...

Е. Шпигель

Умоляю:
Не надо бессмертия!
Энергичен и молод пока,
Почему-то беспечно не верится
В незавидный удел
Старика.

Впереди —
Бесконечная станция
(Жизнь бессмертных не сбросит за борт...),

Как последняя радость останется
На плаву —
Телевидеоспорт.

Обрастёшь, словно мохом,
Болезнями...
Испроказят морщины лицо...
И подруга тебя,
Бесполезного,
На золотое не примет крыльцо.

А вместо:
Сестра с процедурами,
Сервировка стола —
Домино,
На закуску —
Таблетки с микстурами
И случайные связи...
...с женой.

* * *

*Если ваш муж с рогами,
это не значит, что он дьявол...*

Джакомо Казанова

Рога, которые ветвятся,
Не обязательно — панты.
Венец терновый, может стать,
Но не лишённый красоты.
Кому — бальзам,
Кому — отрава.
Да будет меньшее из зол!
Рогатый муж —
Ещё не дьявол,
Скорее — всё-таки —
Козёл.

На них легко повесить шляпу.
И можно забодать врага —
Неутомимого Приапа.
Vivat! Да здравствуют рога! —
Челу достойная оправа.
Да только Зверя не буди:
Рогатый муж —
Ещё не дьявол...
Но это дело —
Впереди.

Глаголь

1. Слово

«В начале было Слово, и Слово было у
Бога, и Слово было Бог».
Когда-то Я было Богом...
Слово.
Пращур твой Человеком стал, когда Слово
обрёл.
У всякого — своё Слово.
Слово было Богом...

Было...
Павел замыслил ко всем народам и весям
едтное Слово разослать.

Да только Он — един, а Слово — разное.
И у твоих предков было своё Слово. По-
тому и осознали себя Словенами. И Его
своим Словом величали: «Род». От Него и
Родина. Уразумел?

Привнесли чуждое. А ноне ещё и мамону
почитать удумали.

Да мудрено, знамо, родное осилить.
Своим Словом и донныне на Руси молитву
творят.

Вот и ярятся недруги всякие. И плетут
тенёта свои окрест...

Так лепо ли тебе, Русич, сквернить язык
свой чужесловием?

Помни Слово своё.

Почитай.

На том стояла Русь и стоять будет!

«В начале было Слово...».

2. Язык

Язык
Не только, что во рту
Хоронится по-за зубами.
Одолевая немоту,
На Языке
Глаголем с вами.

Язык
Хранит и дух, и плоть,
Язык —
Твоя первооснова,
И — упаси тебя Господь —
Не помнить вкус
Родного Слова.

Живи, как можешь, как привык:
Героем можешь быть и трусом,
Но,
Потерявши свой
Язык,
Теряешь право зваться
Русским.

Р. Х.

Притулился сугроб у обочины...
У криницы озяб краснотал...
Возле старой избы скособоченной
Ветер стих:
Ненароком устал...

А намедни
Уральскими кручами,
Подступая к сосне от сосны,
Завладели морозы трескучие,
Застолбили права
До весны.

Не печалься,
Зима не бесплодная:
Ты уверуй в себя,
И тогда
Полуночная
Путеводная
Вифлеемская вспыхнет
Звезда.

* * *

Куражимся над филантропами —
Доходные ищем места,
Блуждаем
Житейскими тропами,
И — каждый второй —
Без Креста.

И всё же ничто не потеряно,
Когда средь людской пустоты
Вдруг
Сердце заноеет
Растерянно
От самой простой
Доброты.

* * *

Есть ли прочности предел?
Воздуха!
Я б от жизни так хотел
Отдыха...
Может, сам её такой
Выдумал? —
Не по чину мне покой,
Видимо.
Эта «цёрная дыра» —
Чехарда:
Ни болеть, ни помирать
Некогда.

* * *

Не кричите — говорите шёпотом...
Владимир Дагуров

Не кричите, господа,
Лишнего:
Тихий голос иногда
Слышимей.

Быть не время наперёд
Рохлями —
Только слабость вопиёт
Воплями.

Даже если пропаду
Пропадом,
Матюкну свою беду
Шёпотом.

05.11.2017

В счастье мы часов не наблюдаем —
Мы живём,
Нанизываем дни...
Осень Жизни —
Свадьба Золотая —
Золоту осеннему сродни.
Нет причин для грусти и печали,
Если Жизнь —

Своя,
А не займы:
Пусть Весна осталась
За плечами —
Видит Бог,
Далече
До Зимы.

г. Коркино

49

Графоман № 3(39)-2019

Александр Горелов

Путешествующим по времени

поэма

Возле грота мерцает костёр вполнакала,
Над скалою луна нависает, как бра.
Очарован я был красотою Бакала,
Гулким ливнем, покосом и дымом костра.
Если глянуть на город с ближайшей вершины
В час, когда над Шиханом зардеет восток,
То Бакал предстаёт украшением долины,
Как из сказов Бажова Данилы цветок.
Капюшон, как крыло, ветер рвёт, возмущаясь,
Скинуть он алчет вниз, в моховую парчу.
Только вновь, в сновиденьях в Бакал

возвращаясь,

По-над крышами улиц полночных лечу.
Кто томится от жажды, меня ты послушай:
Даже ради любви не твори людям зла!
На площадке со мной обитала Танюша —
Нравом вольным строга, как цыганка, смугла.
Как хорошая книга, нас прошлое манит,
Хоть минувшее часто приносит нам боль.
Вновь заигрывать буду с Тенисовой Таней,
Пусть, ревнуя, взирает опять Анатолий.
Я лечу, не боясь ни преград, ни обрывов.
Городок мой искрится от звёздной пыли.
Вот воронки, как будто от ядерных взрывов, —
То карьеры, как оспа на теле Земли.
Камень твёрд, но планета-то наша — живая.
Кожей чувствую я, прочитаю потом:
Динамитом карьер углубляли, взрывая,
И десятки сирен возвещали о том.

*

Как, не ведая сами, прошли оцепление,
Вдруг посыпался с неба на нас камнепад!
Смерть от жизни всегда отделяет мгновенье.
За берёзу брат прыгнул, как будто гепард.
Никогда не искал я спасения в бегстве,
Увлекался мгновением, словно игрой.
И не чувствовал страх — по вине малолетства,
Но хранил меня ангел в тот час роковой....

От искры звездопада

При хорошем уходе корни пустит и палка,
Лишь бревно по теченью старается плыть.
Я учился, признаться, ни шатко ни валко,
Хорошистом, однако, имел честь прослыть.

Зерна знаний учитель бросал, словно искры,
Вихорь сведений тьму в голове разгонял.
Научился читать я абзацами быстро,
Отвечал же уверенно, будто всё знал.

Уж потом понимаем, что детство — счастливо,
Так заметил известный поэт-аксакал...
Написал сочинение раз я красиво,
А «училка» сразила: — Не ты написал!
Никогда не держал я обиды, тем паче
Педагог с большой буквы иное сказал:
— Гениальную создал ты вещь — это значит,
Коль тебе говорят, что не ты написал.

Был я в детстве адепт специальностей узких:
Если ты математик, стихи — «Вторчермет».
Коль по крови я русский, то зачем учить
«русский» —
С молоком если мамы впитал сей предмет.

Мы росли как картофель
в общественном поле.
За границей буржуй нагло ел ананас.
А стихи сочинять не учили нас в школе,
Не нашлось тому места в программе у нас.
Увлеченья свои не откладывал в ящик,
Взрослых жизнь я старался познать поскорей.
В мудрых книгах прочёл, что есть ямб
восходящий.
Словно лестница вниз, слог уводит хорей.

Нелегко было мне быть пустышкой немой,
Обожал стихотворный из слов водопад.
Мы катались на санках той снежной зимою,
Из Ковша изливался, искря, звездопад.
Вот живём мы с тобой под небесною дланью,
Сколь нас кануло в Лету: прожил, как не был.
В метеорный тот дождь загадал я желанье:
— Стать поэтом большим! — жаль,
об этом забыл.

Уяснил лишь потом, назначая уроки:
Надо жить только тем, что сильнее алкал.
Родились после чтения Пушкина строки
Про друзей и подруг и про город Бакал.

Смятение эмоций

Мою маму дочуркой судьба обделила,
Так решила она, что дочуркой мне быть.
И однажды в платочек меня нарядила,
Обучала, как надо корову доить.
Не у каждой работы мужское есть имя!
Необычность подолгу не можешь забыть.
Интересное чувство — огромное вымя,
Его надо помыть, перед тем как доить.

* * *

Летом трудно заснуть, нелегко и проснуться.
В чаше гор так хрустально искрится вода!
Всем двором по утрам шли на пруд
«искупнуться»,

И Тенисова Таня ходила всегда.
На хребте изумрудными виделись ели.
С равнодушием их отражала вода.
Мы всегда на пруду что-то пили и ели,
Очень вкусной на пляже казалась еда.
И куда молодечество дерзкое делось?
Словно видишь стоп-кран, что руками нельзя:
По-мальчишески — топик — Танюша

разделась,

Чуть припухшая грудь как прожектор в глаза!
Мы на смотре, где пляж — словно малая зала!
Начал дождик не к месту на пруд моросить.
Тут знакомая тетя ревниво сказала:
— Таня! Надо тебе уж бюстгальтер носить!

* * *

Мать готовила кушать, стирала и шила,
Только нас не умела ласкать, целовать.
Тетя Кэ с нашей мамою крепко дружила,
Конкуренцией можно то чувство назвать.
А общение взрослых меня занимало,
Ощущенье поэта, наверно, виной.
Тетя Кэ меня ласково так обнимала,
То, шутя, начинала бороться со мной.
В компенсацию как бы душевных страданий,
В моё сердце те игры вносили покой.
В той шутиливой борьбе элемент
был скандальный:
Пухлый бюст ощущал пока детской рукой.

Эндшпиль с жертвой главной фигуры

Бестолковым всегда жизнь не сахар, не бархат.
Постигал я в игре взрослой жизни закон.
Научил нас отец только азбуке шахмат:
Как расставить фигуры, как «прыгает конь».
А без умственных игр быт казался мне
пресным.
Сколько без тренировок прокисло голов.
В нашей школе кружок вёл весьма интересно
Математик отменный — Владимир Белов —
Был в стремленьях к победам,
как пламя, неистов,
Словно выше голов прыгал Бубка¹ с шестом.

Был я самый молодой в том кружке
шахматистов,
А учился я в классе, наверно, шестом.
Как готов воин к битве, покажет лишь схватка.
На уменьше рыбачить — укажет улов.
На районный турнир взял меня в город Сатка
Запасным игроком наш учитель Белов.
Если ты повседневно завален делами,
От проблем бытовых станешь туп как пенёк.
Но заходим мы в зал. Зал заставлен столами.
И во всём помещенье — один паренёк:
Над доскою задумчиво длань простирает,
Книжку держит в руках, поднимая коня,
Ничего он не зрит, он гамбит разбирает.
Паренёк чубом набок похож на меня.
Видно, кроме игры в жизни радость не чаёт,
А из выпуклых глаз бьётся молнией мысль.
— Обратите вниманье! — Белов замечает. —
Для него наши шахматы — жизни всей смысл!

* * *

В Златоусте в пруду отъедаются карпы,
Не страшна толстолобикам хищников рать...
На табличке же, вижу, начертано: «Карпов»².
Было чеством вничью с ним в финале сыграть...

Отличный от других

Негодяи живут для того, чтобы гадить,
Фантазёр строит замок в сыпучем песке.
В нашем дружном дворе «компанейский»
жил дядя:
Дядя Коля по прозвищу «Дяденька Кэ».

На душе у злодея бывает короста,
И не зря он порою себе сам не рад.
Брата Кэ донимал — брат был малого роста:
Доставал Витю тем, что я есть старший брат.

Люди встарь оставались людьми, и зверея.
Доброта же, как фея, хранила наш дом.
Городок, что деревня: открыты все двери,
Запирались они только поздно, пред сном.
В Интернете сейчас пишут как на заборе.
Хулиган прогрессивнее нынешний стал....

Дядя Кэ метеором упал в коридоре:
— Убивают, спасите! — он дико орал.
Счастлив тот: видя смерть, избежавший
погоста.
Тот, кто совесть свою на гроши не менял.
Наш отец, хоть был меньше на голову ростом,
Хулигана ударами хлестко прогнал.

Мои мысли кружились назойливым роем,
Взрослых я не корил и в уме невзначай.

¹ Сергей Бубка первый прыгнул с шестом свыше шести метров.

² Чемпион мира Анатолий Карпов родился в 1951 году в г. Златоусте.

— Лучше быть живым трусом,
чем мёртвым героем! —
Дядя так приговаривал, с нами пил чай.

Хитро скрытая трусость заразна не сразу,
Избегать таких надо. Без них созреть.
Мать, не выдержав, бросила колкую фразу:
— Ты умелец с женой лишь своей воевать!

Лицезрел я: знакомые жили негоже:
Нету в сердце у многих святого огня.
Ощущал я себя на других непохожим,
Это чувство порой изводило меня.

Пожар

С бензобака мопеда скрутив контргайку,
Имярек сигарету «Опал» закурил.
Как бикфордовый шнур — деревянную стайку
Он свою и соседей тотчас запалил.
В нашем доме полопались стёкла от жара,
Так горели те стайки со всем барахлом.

Городок не готов оказался к пожару,
Мы в цепочке водой жар тушили ведром.

Мы фамилию носим сравнительно древнюю:
Погорельцам её приходилось носить.
Мать сказала отцу: — Надо ехать в деревню,
Четверых «горелят» без скота не вскормить!

* * *

Если звёзды Бакала совсем не светили,
То в селе — среди любителей был как Пеле.
И напрасно боялся меня поместили
В самый лучший из классов в шахтёрском селе.
Воробей, видя кошку, со сна встрепенулся.
Ну а грач, её видя, пугал-верещал.
Мне Задиринов Володя среди всех приглянулся,
Он учителя в школе подчас замещал.

(Продолжение следует)

г. Муасс

Тулеген Наурызбаев

Ширь, как песня залихватская плывёт

* * *

Как попугай из раза в раз
Ты мне, любимая, твердишь,
Что наш огонь дотлел, погас,
И сердце дряхлое в груди
Шлёт «SOS» врачам в тревожный час.
На это я тебе скажу:
— Взгляни на солнце, греет — жуть!
А ведь куда старее нас.

* * *

Я на горе стою Чека
Среди ветвей пунцово-медных,
Ход времени на все века
Как будто кто-то здесь замедлил.

И меж берёзовых стволов
Размеренность уместна жеста,
Медлительность понятных слов
В минуты сна очей блаженства.

Тут и пленяющая тишь
Звенит поодаль над простором
Без острых шпилей, труб и крыш,
Где степь, холмы, леса да горы.

И дух искусства распростёрт
Меж облаков и далью синей
В кипенье дня за горизонт,
В делах людей и всей России.

* * *

Машинист глядит не наглядится:
Ширь, как песня залихватская, плывёт.
Городов и станций вереницы,
Нив и перелесков яркий хоровод.

Пассажир, весёлый по природе,
Счастливо, доверясь дальнему пути,
Затерялся в этом хороводе,
Чтоб себя в другом по-новому найти.

г. Троицк

22 августа 2019 года исполнилось 70 лет
нашему далёкому автору и другу из Геленджика
Феликсу Георгиевичу Андрееву.
Поздравляем юбиляра с замечательной датой, желаем творческих удач,
здоровья и семейного благополучия.

Галина Афимова

Пониманье многих истин

* * *

Средь поэтов мой дух не стареет:
В необычном в собратстве живом
Жизнь в новинку поёт мне Орфеем —
Удивительный свет — огоньком!

Столько звёздочек — космос в журнале:
Их лучами проложен мой путь,
Я гуляю в волшебном портале,
Познавая словесную суть.

Слово — зёрнышко, в общем — картина,
Занимает мой ум ремесло:
Каждый стих за порогом интима,
Каждый знак и мазок — похвалой.

А на первых листах — индивиды,
Только знает ли всех их страна?
Их творенья ценой в сверхболиды,
Замолчал нашумевший Парнас.

Люди — Боги, от жизни их чувства —
Для народа волнующий дар,
Графоманят по строчкам искусство,
Сам редактор — поэт-светозар!

Ранней весной

Горячий дух уже сквозит,
Хладная свежесть пред рассветом,
Златой огонь — живой магнит,
Весна красна полонным цветом.

Лучи-радарчики бегут:
Свихнулось солнце — ошалело,
Оно, запрыгнув на батут,
Являет миру мощь и смелость!

* * *

Дышит март легко и строжит,
Днём настроен на движенье
Грязный снег, как шрамы, сможет
Рассосать на удивленье.

Свет потоком из заслона
Удивительно и просто
Сбросит рыжая корона,
День в прибавку — быстрым ростом.

Стает сердце по привету,
Влажный воздух — ветер встречный,
Обаяет по секрету:
Дух весны — движок извечный!

* * *

Мысли грустные, как листья,
Улетают день за днём,
Пониманье многих истин,
Осень светом в окоём.

Чувства тёплые ответом:
Поцелуй на листок,
Свадьбы — радость рикошетом —
Крутят вечности челнок.

* * *

Нынче осень всех венчает,
Без морщинок и нежна:
Мирно с радостью встречает,
В одеяньях не скудна.

Сроком малым — передышкой
Все плоды даёт собрать:
Всё хорошее в кубышку,
Едут свадьбы — благодать!

* * *

Жарко осень раскраснелась:
С розова да на малин,
Далеко ещё до снега
И до сладкости рябин.

Сонный лес собой волнует
Цветом пламени-огня,
Я дивлюсь и им люблюсь:
Красотой, покоем дня.

Вот шиповник колет руки:
Трудно ягоду достать,
Тишь такая — нет и звуков,
Сном пленится птичья рать.

«Бабье лето» — передышка,
Затаённая печаль,
Солнца ласковая вспышка,
Обнимает светом шаль.

В этом ленистом пространстве
Поднимается душа,
Колорит и тон в убранстве
Нежно чувства ворошат!

* * *

Тупая боль — душа ещё не отогрета,
Смычок молчит — нет с жизнью единенья,
Весна, но снег лежит, возможно, и до лета,
Застрыла я — набраться бы терпенья.

* * *

Радуга утром в сердце играет,
Радует живость — весна,
Люди с улыбкой, шарик в бескрайность,
Праздник на все времена!

Солнце мне дарит искорку света:
Выйти из мрака — любить!
Голову кружит: с птичьим балетом
Хочется в небо взвинтить.

Первое мая — добрым началом,
Музыка разных фиест
Вместе с лучами в душах причалом,
Отсвет сиянья в окрест!

* * *

Праздник. Пасха. Чувства светом.
Для меня — огонь затушен,
Да и не было секретом:
Мне ходить в тот дом не нужно!

Уступать всем надоело,
Бога чту, но не святая,
Не смиряюсь — гордость в белом,
Не проблема — была такая.

Нет добра — не встречу лета
В сердце каменном незревшем,
Не найду себе ответа:
Почему там ходит леший?

Не прилипнет зло касаньем,
И обид не будет — глупо,

Не унижусь пошлой бранью,
На любовь там чувство скупю.

Метания

Довлеет выбор предо мной,
Дерзит душа в полоне:
Куда мне встать, на путь какой?
И сердце чаще стонет.

А вдруг ошибка — вот вопрос?
И нервы на пределе:
Хочу я сбросить старый воз,
Чтоб жизнь пошла светлее.

Но оторваться от земли
Непросто, трудно — знаю,
Сидит мой ангел на мели,
Помочь не может, — каюсь!

Назрел ответ: в судьбе — террор!
Недалеко от храма
Горит, слабеет мой костёр,
И в нём кусочки хлама.

Но подожду ещё чуток,
Груз тянет — рвусь я в небо.
Не лучше ль от и до — мосток?
Под ним плывёт мой лебедь.

И не пришёл ещё тот день:
Дух крепко держат корни,
Пусть тучи ходят набекрень,
Добро стараюсь помнить!

г. Копейск

Анатолий Омельчук

Как хорошо, что я здоров

Демобилизованный

Снег хрустит слегка под ногами,
Кусая подошвы сапог.
А ноги несут меня сами,
К любимой — на милый порог.

А снег мне твердит однозначно:
«Спеши, ведь тебя она ждёт.
Не будь таким хмурым и мрачным,
Мгновенье — и жизнь промелькнёт».

Я два утомительных года
В душе её образ ласкал.
Делил по крупницам свободу,
О дембеле страстно мечтал.

И вот я у цели желанной,
И вижу: у наших ворот
Любовь моя утречком ранним,
С волнением трепетным ждёт.

Улыбкой она просияла
И, быстро ко мне подойдя,
На ухо чуть слышно сказала:
«Любимый! Как счастлива я!»

Скамейка, дерево, бульвар

Всё тут по-прежнему осталось:
Скамейка, дерево, бульвар.
Я счастлив тем, что эту малость
Господь мне преподнёс как дар.

Да, по бульвару мы гуляли,
И на скамеечке с тобой
Мы романтически мечтали
О жизни сладкой неземной.

Потом под деревом ветвистым
Тебя я ласково обнял.
И взгляд твой, нежный, милый, чистый,
Вдруг сердце мне околдовал.

Но всё прошло, ты улетила
Как птица в дальние края.
В богатом тереме осела,
И твоим принцем стал не я.

Давно себя я успокоил,
В душе тебя я не корю.
Дворцов богатых не построил
И жизнь за всё благодарю.

Дед

Всё чаще называют дедом.
Да, я действительно седой.
Мне недуг старческий неведом,
Душой и телом молодой.

Хотя прожил уже полвека
И не кривлю своей душой:
«Счастливым был я человеком,
Любил всегда свой край родной».

Зимой катаюсь я на лыжах,
В зелёный углубляюсь бор.
На ветке часто белку вижу
И завожу с ней разговор.

Зверёк как будто понимает
И смотрит на меня в упор.
И глазками слегка моргает,
И не вступает со мной в спор.

Я край родной объёмлю взором,
Он для меня священным стал.
Твои заснеженные горы
Мне так близки — родной Урал.

Дед Василий

Помню, по соседству
Дед Василий жил.
Вспоминаю детство,
Он детей любил.
Гири-двухпудовки
Ловко поднимал.
Я такой сноровки
Сроду не видал.
Детвора ватагой
Шла к нему домой.

Деда не был скрягой
И любил с душой.
Разные игрушки
С шуткой раздавал.
Подарил мне клюшку,
Другу — самосвал.
Плавал капитаном
Он на корабле.
Был в заморских странах
На чужой земле.
Один раз награды
Мне вдруг показал:
«Я под Ленинградом,
Петя, воевал.
И врагов проклятых
Не щадил нигде.
И тонул, ребята,
В ледяной воде».
А потом с волнением
Тон высокий брал:
«Я Отчизну нашу,
Детки, защищал.
Чтобы вы любили
Родину свою.
И спокойно жили
Все в родном краю».
Умер дед Василий,
Больше его нет.
Но в душе оставил
Он горячий след.
Доброту людскую
Щедро раздавал.
Без него тоскую,
Хоть и взрослым стал.

Как хорошо, что я здоров

Как хорошо, что я здоров.
И вам того желаю.
Не беспокою докторов,
Без них я не скучаю.

И не боюсь я злых простуд
И тягостной ангины.
И мне лекарство не дают
От злостной скарлатины.

Предпочитаю я водой
Холодной обливаться,
Она заряд дает живой,
Чтоб гриппа не бояться.

Я все микробы отогнал,
Я крепость перед ними.
Из пушки их перестрелял
Снарядами своими.

А утром ранним, как всегда,
Я делаю зарядку.
Отдам ей должное — тогда
Мой день по распорядку.

Как хорошо, что я здоров,
А значит — не болею.
И ГТО я сдать готов,
Рекорд побить сумею.

Моя лыжня

Лыжня между сосен и пней пролегла,
А дальше за речку в долину ушла.
Она, словно змейка, петляет вокруг,
Но ищет упорно: а где же мой друг?
И вот я по ней вдруг стрелюю лечу.
И лыжи как будто по снегу точу.
Они, словно кони, меня вдаль несут.
А палки им быстрый разбег придают.
«Лыжня дорогая! — скажу не тая. —
Ты будто невеста с фатой моя.
А я твой жених, ну чем не хорош?
И вряд ли другого ты лучше найдешь!»

Мой мопед

Вас всех приветствует Иван,
Одет всегда по моде я.
Но если я бываю пьян,
То пью, как «благородие».

Давно дружочки обошли:
Все с «фордами», «тойотами»,
Надменны, словно короли,
И хвастают банкнотами.

А я — спокойно в тишине
В лесок прохладный еду.
Поверьте, так вольготно мне
Кататься на мопеде.

На свете лучше его нет,
В чём кроется причина?
Я ставлю выше свой мопед
Любого лимузина.

г. Челябинск

Лев Львов

Ночной бриз

Размышления

О чем думает человек?
Какие мысли приходят в его голову или уходят из нее?
Уходят ли они совсем?
Можно ли думать ни о чем?

Что вначале? Воспоминания, рождающие мысли, или мысли, рождающие воспоминания?

У ребенка воспоминаний тем меньше, чем он юнее, зато больше мыслей о будущем.
У взрослых, наоборот.

Каждому человеку есть за что себя похвалить и поругать или даже ненавидеть. Состоянию рефлексии в той или иной степени подвержены все без исключения.

Умные, мудрые люди, на мой взгляд, меньше подвержены самовосхвалению. Больше они себя корят за прошлое.

Значит ли это, что событий, за которые ты не находишь себе прощения, значительно больше в жизни, чем приятных и достойных похвал?

Где грань «хорошего» и «не очень»?
«Знал бы, где упасть...» — это закономерность нашей жизни?

Почему мысли и воспоминания неприятного трудно прогнать? Даже когда ты весь в празднике, в эйфории, эти мыслишки заглядывают тебе в душу, вползают, как пиявки. Ты пытаешься их отогнать, не думать о плохом, и вроде бы тебе это удается, но нет! Они снова и снова возвращаются... «Эх! Если бы...» «Ах! Зачем я...» «Жалко, что...»

Можно ли управлять своими мыслями? Наверное, нет! Как нельзя отделаться от воспоминаний.

Значит, что-то, какой-то непознанный закон управляет нашими эмоциями и сознанием?

Бесчувственных людей не бывает. А если есть, то это зомби, а не люди. Видимо, природа создала человека с тем умыслом, чтобы всегда, в любом поколении, на любом уровне развития люди радовались и переживали, вспоминали и думали.

Думайте, люди, вспоминайте и задумывайтесь вновь, чтобы потом было приятно вспоминать.

Жизнь не так длинна, как казалось нам в детстве. Она еще и сложна, и хрупка.
Это борьба. Это диалектика.

Хочешь не хочешь, а отменить эти законы человек не в силах. Знать их он должен, как должен и пользоваться этими знаниями, и тогда мы будем чаще себя хвалить и реже огорчаться. Исключить эти две противоположности нельзя.

Надо искать способы их примирения.
Удачи вам, люди!

Перед рассветом

Земля спала.

Спала тем самым благодатным сном, когда каждое мгновение покоя возвращает природе растрченную за день энергию для будущих дел.

Предрассветный ветерок, вызывая легкий озноб, пробежал по полям, кустам и траве, стряхивая с кончиков листьев и травинок свежие капельки росы.

Белый туман растекся по низинам, и казалось, что ты находишься на вершине горного хребта, а над тобой — облака, скрывающие от взора долины, ручьи и реки, огороды, дома и мосты. А деревья и кусты, растущие разрозненными группами, плывут в клубящемся бесшумном море, как таинственные необитаемые острова. Высоко над ними в начинающем светлеть небе шевелятся звезды, перемигиваясь загадочными искрами-улыбками.

Но вот и туман растаял. Растаял без следа, как тает ранний снег под лучами осеннего, но еще жаркого солнца.

Земля вздохнула с облегчением и надеждой на добрый день, который обязательно будет добрым, потому что где-то за дальним берегом уже блеснула полоска зарождающейся зари, и солнце, еще за горизонтом, расправляло свои лучи, чтобы с одного взмаха пронзить сбегавшиеся со всего неба облака и разлить розовое утро во все края земли.

Осталось подождать еще чуть-чуть, полшага, полмгновения...

«Пир на весь мир...»

Отгремели залпы победного салюта в мае 1945 года, завершая историю Великой Отечественной войны на Западном фронте. 2 сентября того же года капитулировала Япония. Все! Закончилась Вторая мировая!

В руинах городов, с истерзанными заводами и фабриками, с незаживающими ранами и горькой памятью о погибших страна начинала мирную жизнь. Главной задачей того времени было вернуть уверенность в том, что самое страшное позади, что теперь с не меньшим энтузиазмом, чем в годы войны, надо включаться в работу, не считаясь с необъятными трудностями, довольствоваться редкими радостями. А нам, советским людям, не привыкать!

Уже в декабре 1947 года отменили карточную систему распределения продуктов и провели денежную реформу. Это была колоссальная победа над уравниловкой. А какой моральный стимул получили люди, пережившие войну со всеми ее лишениями, и мы, дети и подростки, вынесшие вместе со взрослыми эти испытания!

На всю жизнь запомнился мне тот самый день, первый день в моей сознательной жизни, когда не делили хлеб по числу едоков в доме.

Жили мы тогда почти в центре города, на улице Цвиллинга. Во дворе дома № 20 был барак на пять квартир. В крайней из них обитали и мы, бабушка, две ее незамужние дочери, да я со старшей сестрой. Часто у нас в гостях была, а фактически проживала двоюродная сестренка Людмила, тоже сирота, потерявшая отца в 1944 году. Она росла с двумя бабушками — сестрами, которые работали в госпитале. Все мы ютились в двух комнатках и кухне. Места хватало. В пяти минутах ходьбы от нашего большого двора была ул. Кирова и ее главное здание: почтамт. Перед ним располагалась площадь со сквером. Это отсюда в мае 1943 года ушел на фронт Уральский добровольческий танковый корпус, чтобы добыть Победу. На противоположной от почтамта стороне был знаменитый универмаг, который почему-то называли «Особторг». Сегодня в нем поселился магазин «Молодежная мода». А тогда, после войны, мы ходили в этот магазин, как на экскурсию, в отдел игрушек. По соседству с ним располагалась булочная, молочный, бакалейный магазин, но без карточек там нечего было делать.

Так вот, в тот день, когда эти карточки наконец отменили, утро начиналось, как обычно. По радио радостно сообщали последние известия, предупреждая, что именно с сегодняшнего дня уходит в прошлое карточная «карусель», что в обращение для населения вводятся новые денежные знаки, а старые аннулируются. Население об этом знало давно, и те, у кого было

слишком много этих знаков (в основном жители деревни, имевшие свое подсобное хозяйство), уже успели смести с прилавков все, что смогли, от отрезков ткани и посуды до напольных керамических ваз, ковров и даже пианино. Мы с сестренками не случайно удивлялись накануне, придя на «экскурсию» в «Обороторг», и увидев пустые полки во всех отделах.

Слушая бодрый голос диктора, я, девятилетний пацан, не совсем четко понимал и представлял себе, что такое карточная система. Любопытно было скорее увидеть эти новые деньги. Видимо, это любопытство затронуло не только меня, и тетя Шура, старшая из теток, вдруг предложила: «Музенка, ну-ка сходи, посмотри, что там, в магазинах, и почему?» Музенкой ласкательно называли мою старшую сестру Музу. Ей было уже 16 лет. Вернулась она довольно быстро. Разогретая быстрой ходьбой или морозом, она вошла в дом и с порога выпалила, радостно сверкая возбужденными глазами: «Видела! Все в магазинах есть! И хлеб, и масло, и сахар!» «А деньги, — спросила тетя Шура, — деньги новые видела? Какие они?» — «Видела! Красивые, хрустящие, какие-то чистенькие». — «И что? Можно ли что-то купить на них? Какие цены?» — спросила младшая из теток, тетя Зоя. На этот вопрос Муза не смогла ответить, но тут же радостно добавила: «А мелочь старая!» Это известие произвело на теток ошеломляющее действие: «Старая???» Они обе бросились к своим сумочкам и портфелям и вытряхнули содержимое на стол, стоящий посередине комнаты (обе тетки работали учителями).

Среди ластиков, карандашей, перьев и записных книжек засверкали монетки, те, что отправлялись в портфель или сумочку после расчетов в школьном буфете, магазинах и трамвае. Аккуратно сгребли всю эту мелочь в одну кучку. Пересчитали. Набралось что-то около десяти рублей. Тут же эта сумма была передана не успевшей снять шубу Музенке с наказом: «Сбегай в булочную. Купи на все хлеба». Сестра убежала, а бабушка поставила на стол самовар с чайником, в котором заварил морковный чай с мятой, и стеклянную вазочку с остатками мелко наколотого сахара. Я и Людмила уселись за стол на свои места. Тетки стояли у косяков в дверном проеме с выражением ожидания чего-то необычного. На крыльце застучала, отряхивая с валенок снег, Музенка. Войдя в комнату, она протянула холщевую сумку бабушке, которая трясущимися от волнения руками вынула из нее две буханки «пеклеванного» хлеба, светлого, с хрустящей корочкой и чуть-чуть теплого. Тетя Шура тотчас же большим кухонным ножом разрешила булку на много кусочков и, уложив их на блюдо, поставила на середину стола. Так в первый раз я увидел, что оказывается, хлеб не надо делить на порции, а можно просто есть, запивая чаем. Чай уже был разлит по кружкам. Муза села на свое место за столом, и пиршество началось! Такого завтрака у нас еще не было! Хлеб был, наверное, волшебным, потому что мы съели уже по три куса, а чая в кружках было еще много. Моя рука вновь потянулась к блюду, на котором оставался последний кусок, горбушка... Я замер и оглянулся на бабушку, стоявшую рядом с дочерьми в дверном проеме. Обе тетки почему-то терли платочками глаза и отчаянно шмыгали носами. Бабушка крестилась трясущейся рукой, по ее щекам катились слезы

Между тем Людмила ухватила последнюю горбушку. Вот тебе и раз! Я вновь повернулся и посмотрел на бабушку, спрашивая: «А можно еще хлеба?» — «Да милые вы мои, — вдруг громко вскрикнула тетя Шура и, энергично кромсая вторую булку, продолжала, — ешьте на здоровье! Сегодня у нас получка (зарплата) и мы принесем к ужину разных вкуснятин. Все! Теперь мы будем есть, сколько захотим!»

Ужин был сказочным, и мы не делили на порции ни хлеб, ни сыр, ни колбасу, ни даже конфеты. Началась другая, новая жизнь.

Прошло уже 70 лет, а я не могу без волнения вспоминать этот сказочный день. Да и забыть тоже не могу.

Ночной бриз

Солнце клонилось к горизонту, посылая прощальные лучи. На берегу приветливо потрескивал костер, и дым от него плыл навстречу закату, растекаясь над зеркальной гладью притихшего озера.

Уже почти совсем стемнело, когда последние рыбаки причалили к берегу. Усталые, но довольные результатом вечерней зорьки, они с солидной суетой выгрузились, сложив на песок снасти, рюкзаки и погрузив в воду у прибрежной полосы садки с уловом. Я помог вытаскивать лодку и опрокинуть ее, чтобы за ночь вытекла и испарилась вода — утренняя зорька снова потянет к прикормленным местам.

Рыбаки пошли к костру, чтобы поделиться с друзьями своими байками о трофеях и потерях: о сорвавшихся с крючка или оборвавших леску, так и не пойманных окунях и щуках,

а я отошел на несколько шагов вдоль берега и оглянулся на костер. Подвижные тени сидящих вокруг огня загадочно шевелились на песке, на притихших кустах юной ольхи, неуклюже повторяя движения сидящих своих хозяев. Дым все так же уверенно склонялся к воде, пряча в своей серой вуали прибрежные камышинки, торчащие над поверхностью водной глади.

«Ночной бриз», — подумал я и вдруг вздрогнул от неожиданно пришедшей мне в голову мысли. Так вот чем похожи наши жизненные судьбы! Они так же загадочны и непредсказуемы. В них происходят перемены, повлиять на которые мы не можем. Как в природе сменяются день и ночь, направление ветра, времена года, так и в наших жизнях мы, люди, приспособляемся к ним, не в силах повлиять, изменить, остановить...

Ночной бриз.

А ведь в нем есть определенное постоянство: он всегда дует с берега. Утренний его брат — на берег. Их постоянство дает надежду на милую благоприятность погоды хотя бы на сутки. А что еще нужно рыбаку для уверенности? Хорошая погода — и уже спокойно на душе, даже если нет клева. Сидишь себе и думаешь, думаешь, думаешь... О жизни, конечно, о судьбе и ее капризах...

Ночной бриз! Успокаивающий, обещающий, ласковый и легкий...

Пусть дует подольше. Я не против.

г. Челябинск

Валерий Мякушко

По акции

Куда податься

Как быстро может измениться наша жизнь! Лишь вчера Лина ходила, не уступая в скорости молодым, посещала танцевальный зал и вот оступилась, подвернув правую ногу на неровной дорожке, и теперь нельзя ступить без боли. То ли растяжение связок, то ли перелом. Пришлось позвонить на работу и, с трудом натянув сапог на припухшую голень, отправиться на такси в поликлинику.

С трудом вышла из машины и пошкандыбала к регистратуре.

— Талонов к травматологу на сегодня нет! — почти сразу ответила регистратор.

— А... завтра?

— Тоже нет.

— И... что же делать?

— Идите без талона, может, примет.

Травматолог располагался на первом этаже, что уже хорошо. Но ожидающих, с талонами и без них, целая очередь, кто с чем. Терпеливо сидят и ждут мужчины и женщины, старые и молодые; последние дружно уткнулись в свои гаджеты. Скамейки перед кабинетом по обе стороны мрачного коридора заняты, но потеснились. И в порядке некоторой стихийно образовавшейся живой очереди часа через два Лина вошла в кабинет.

Приём вел маленький и худой сморщенный старик, утомлённый и уже с безразличием отбывающий работу, вынужденную отсутствием молодых врачей и малой пенсией, равнодушный к непрерывному и однообразному потоку пациентов. Медсестра чуть помоложе и чувствительнее.

— Нога? — коротко взглянув на прихрамывающую Лину, врач взял карточку больной.

— Да!

— Проходите в операционную.

Лина зашла в соседнее маленькое помещение, села на небрежно прикрытый куцей простынкой обтянутый искусственной кожей диван, с трудом стянула сапог. Подождала. Наконец вошла медсестра, за ней врач. Взглянул на припухшую ногу.

— На рентгеноскопию! — И вышел.

— Обувайтесь! — сказала медсестра и тоже вышла.

У рентгеновского кабинета, который ещё не начал работать, очередь была не меньше. Потом ещё пришлось посидеть, ожидая снимок. С которым Лина решила зайти к травматологу вне очереди как побывавшая уже там: время приёма заканчивалось и как бы не пришлось завтра повторять всё сначала.

— Маленькая трещина в кости, — посмотрев снимок на просвет от окна, сделал заключение врач. — Ходить можно, но осторожно.

— Бюллетень нужен? — спросила медсестра, пока врач что-то записывал, и подала рецепт. — Тугая повязка и мазь.

* * *

— Пережиток социализма такая медицина, — посоветовал Лине вечером муж, когда она рассказала ему о посещении поликлиники. — Сходи попробуй в частную клинику.

Частная клиника размещалась на первом этаже многоэтажного жилого дома. Лина вошла в хорошо освещённый неоновыми лампами просторный, сплошь отделанный пластиком холл, вызвавший некоторое удивление: такая перестройка квартир у основания многоэтажки — рискованное дело (в силу своих служебных обязанностей Лина кое-что понимала в архитектуре). У выходов во внутренние коридоры сидела за компьютером приятная молодая девушка с распущенными волосами, и никого больше, никакой очереди.

— Здравствуйте! — опередила с приветствием вошедшую та. — Что у вас?

— Добрый день! Травма ноги. Можно...

— Да-да, конечно! — угадывала желания девушка. — У нас как раз сейчас по этой части приём у Сергея Степановича.

— Замечательно!

— Ознакомьтесь с нашими условиями и заполните анкету, — подала два листка девушка. — Можете присесть за свободный стол.

— Спасибо! — взяв бумаги, села у стола под настенной рекламой клиники Лина.

Она почти закончила чтение, ещё не уловив все юридические тонкости, как из коридора в холл вошёл сорокалетний черноволосый мужчина в белом халате.

— Сергей Степанович, это к вам! — кивнула девушка в сторону Лины.

Тот взглянул мельком в сторону посетительницы, сказал: «Заходите!» — и удалился. Лина поднялась и передала бумаги девушке.

— Подпишитесь! — подала та ещё одну не очень понятную бумагу, и Лина, немного поколебавшись, подписала её.

— Раздевайтесь! — указала девушка на вешалку. — Проходите в кабинет номер три.

Лина зашла в указанный кабинет, светлый и просторный, где Сергей Степанович предложил ей сесть в высокое кресло с подставкой для вытянутых ног. Она сняла сапог, слегка опустив носок и обнажив припухший голеностоп. Севший на стул у ноги врач внимательно со всех сторон осмотрел ногу:

— И давно это у вас?

— Позавчера.

— Что ж вы так... запускаете, — включая компьютер и берясь за подсоединённый к нему гибким проводом щуп, пожурил он. — Болезнь не ждёт, день может многого стоить.

Он подвёл щуп к ноге, поводил им с разных сторон, глядя на экран компьютера, где заплескались какие-то импульсы. Сказал, вдруг помрачнев:

— А дело ведь серьёзное! Так можно не только ноги лишиться, но и, извините, летально-го исхода не избежать. У нас уже был такой случай... Гангрена, ампутация... Надо принимать срочные меры!

— Какие? — удивлённо и, конечно же, обеспокоенно спросила Лина.

— Втирание изонабулина и магнитоимпульсная терапия. Ежедневная! Иначе... мы не ручаемся за благоприятный исход. Вам повезло: всё это как раз имеется в нашей клинике. Эксклюзивные поставки изонабулина из Германии — в наших аптеках не найдёте, импортная магнитоимпульсная установка. Всё это создаёт эффективное комплексное лечебное воздействие.

— И... сколько всё это будет стоить?

— Пустяки! Здоровье ведь превыше всего. Изнабулин двадцать семь тысяч, каждый сеанс терапии по четыре семьсот. Недельный цикл.

— Гм! У меня сейчас нет таких денег.

— Можете оформить кредит. У нашей Юлианы. Учитывая срочность лечения, сделаем вам скидку. При оформлении кредита можем начать терапию прямо сегодня, не откладывая.

— Спасибо! — обуваясь, поблагодарила Лина. — Я подумаю.

— Конечно! — несколько разочаровано произнёс врач. — Только мой вам совет: не тяните.

Когда Лина вышла в холл, Юлианы (так, следовало, звали девушку) на месте не оказалось. От нечего делать в ожидании она засняла на телефон рекламную вывеску клиники. Оплатив у появившейся вскоре Юлианы визит, попросила проект договора, чтоб взять с собой.

— Мы выдаём только подписанные договора, — ответила та.

«Странно!» — удивилась Лина, и сказав ей тоже, что подумает над предложением, покинула клинику.

* * *

Вечером Лина рассказала мужу о визите, и пока тот размышлял, показала ему фотографию рекламы клиники. Тот взглянул мельком, и вдруг заинтересовался:

— Постой, постой! Это кто на фотографии?

— Врач, у которого я была. Сергей Степанович.

— Фамилия как? Кочмарёв?

— Кажется...

— Так это же наш бывший охранник! Со средним техническим образованием. Вот это да! Когда же это он врачом успел стать?

— Ты... не путаешь?

— Нет, конечно! Я этого пройдоху знаю как облупленного. Не вздумай больше ходить с ним. Вытряхнут все деньги и залечат.

— В поликлинике не лечат, в клинике залечат... Куда же тогда, скажи, больным податься?

По акции

Решили мы наконец машиной обзавестись. Жизнь заставляет! Посёлок наш всё более отрывается от цивилизации. Школу недавно закрыли: мало учеников. Оставшихся детей с соседнее селение возят, но не всегда. Поликлинику закрыли, добираться в город как можешь, если заболел и хочешь жить. Оптимизация, говорят, но что-то толку от неё для населения не видно, не для него, видать, всё это затеяли. В местной лавчонке ассортимент товаров и продуктов десятка три.

Но я не об этом, о машине, без которой теперь никуда и на которую мы с женой наскребли триста тысяч. Смотрим рекламу: повсюду сплошные акции снижения цен, момент самый подходящий. Для гарантии набрали у родственников и соседей ещё сотни полторы, с чем и отправились в областной центр. Вместе с кумом Григорием, который в машинах знает толк. Потому как имеет «Москвич» в возрасте трёх десятков лет и ездит на нём! Ему дать бы в руки паровоз Ползунова, так тот до сих пор ходил бы.

Но в данный момент «Москвич» стоял с разобранным мотором, так что в город мы поехали на автобусе, на который подсели на тракте. Сразу решено было, что брать будем отечественную марку: дешевле обслуживание и доступнее запasti, поэтому сошли у расположенного у окраины автосалона «Лада». Стали осматривать стоящие на улице авто. Завораживающая красота в каждой новом автомобиле, ничего не скажешь! Потом переместились в просторный салон, где были замечены продавцом, или, как сейчас говорят, менеджером. Молодым парнем с бейджиком на груди — «Руслан».

— Что выбрали? — спросил он нас.

С выбором мы определились заранее, по Интернету у соседа просмотрев рекламу модельного ряда.

— «Лада Гранта», седан.

— Стандарт? Классик? Комфорт? — предложил он пройти к столу.

— За триста тысяч. По акции.

— По акции? — едва заметно усмехнулся «Руслан»: мол, не мы первые у него. — Там же — от трёхсот. Вам колёса нужны?

— А как же!

— Идут в комплекте с тормозными колодками. Семьдесят тысяч, — подал он нам лист цен. — Руль нужен?

— А как же!!

— Так! Плюс двадцать тысяч. Подушки безопасности водителя и переднего пассажира встроенные — двадцать пять тысяч...

Я лихорадочно складывал, сопоставляя сумму с имеющимися деньгами.

— Гидроусилитель руля — тридцать пять тысяч. Встроенные антиблокировочная система с электронным распределением тормозных сил...

Я взглянул на кума.

— Эгэ! — только и промычал тот.

— ...Кондиционер? Автоматические стеклоподъёмники?..

— Нет-нет! Никаких прибабасов.

— Да, плюс покрытие серебристо-тёмно-серый металл — шесть тысяч.

— Спасибо! — остановил я менеджера, когда общая стоимость от рекламируемых трёхсот приблизилась к пятистам тысяч. — Мы ещё подумаем.

Огорчённые тем, что надежда приехать своим ходом с обновкой и порадовать домашних рухнула, мы покинули центр. До попутного автобуса, на который взяли билеты, было ещё много времени, и мы пошли в бар. Не знаю, как прозевали отправление автобуса, ведь выпили вроде бы совсем немного. А ведь то был последний рейс.

Так что мы приехали домой только на следующий день. И теперь собираем деньги уже не на машину, а на возврат долгов.

Вопрос президенту

Никита, открыв дверь, встретил меня в коридоре с авторучкой в руке наготове.

— Раздевайся, проходи. Я сейчас!

И ушёл в комнату.

Сняв обувь, я прошёл вслед за ним. Никита сидел с бумагой в руках, уставившись в телевизор: списывал указанный там во весь экран номер телефона.

— Решил тоже обратиться на прямую линию к президенту страны, — пояснил он. — Думаю, как лучше: по телефону или послать смс-ку.

— И по какому вопросу? — спросил его, присев на диван рядом.

— Да вот кран на кухне течёт.

— Во даёшь! По-моему, к президенту следует обращаться с вопросами его масштаба.

Например, когда отойдём от провального либерального курса в экономике и начнётся её должное развитие. Почему народ нищает, а число миллиардеров растёт: уже стало больше, чем в Англии и Франции, вместе взяты, втрое больше, чем в Японии, хотя по объёму экономики позорно стоим ниже оных... А ты что? Ещё бы спросил, как здоровье его собачки.

— Ну, про это другие непременно спросят!

г. Снежинск

Михаил Авдейчик

К лицу природе осени покрой

Зов любви

Ноги мои, ноги
Все быстрее, быстрее
Мчатся по дороге
К радости моей.

Мне б достигнуть милой
И прильнуть к ногам,
Пропуская мимо
Сплетен шум и гам.

Пушкин дамам ножки
Сладко лобызал.
Это мне не можно,
Грабит лабуза.

Поступать я грубо
В чувствах не могу.
Оближу лишь губы,
Зов любви могуч.

Буду ждать ответа
И, когда невмочь,
Тяжести отведав,
Мучась день и ночь,

Наберусь терпенья.
Давит грусти груз.
От страстей кипенья
Сильно обожгусь.

Коль возьмет обратный
Дело оборот,
Ножка дамы знатной
Крепко долбанет.

Мало не покажется
Из ее программ,
Где любовь по качеству
Курс учебы вам.

* * *

На опушке, на поляне
Тает утренний туман,
И в весенней чуткой рани
Красота стоит сама.

В ветвях блещут света кольца,
Листьям хочется плясать.
По стволам сосновым солнце
Всходит прямо в небеса.

Дружные деревья плотно
Выстроились тут и там.
Птицу вижу по полету,
Человека по делам.

Созвездье Близнецов

Рожок луны играет, серебрясь,
Под крышею небесной сентября.

К лицу природе осени покрой,
Она хранит старательно покой.

Взлетели утки, всплески разбросав,
Нарушили дремоту чутких трав.

А за рекой величественный лес
Особенный являет интерес.

Он полон тайн и добротой богат,
Раздаривать богатство щедро рад.

И в море звезд лучистых близ лесов
Горит мое созвездье Близнецов.

Руки

Идут, спешат исправно к делу руки,
Не зря в ладонях столько сил и чувств.
Они не терпят никогда разлуки
С работой, без нее предел их пуст.

Горошинами сыплются мозоли,
Искрясь, треща, с неугомонных рук,

Они себе поблажки не позволят,
Когда рывок необходимый вдруг.

О, эти с виду трепетные руки,
Они беду согнут в бараний рог,
Когда невыносимо, больно, трудно,
Вспять повернуть любой способны рок.

И наступает лихолетье, если
Они готовы защитить, казнить,
Мир с ними возрождается чудесный,
Отмеченный из собственной казны.

Тогда руки две обратятся в крылья,
И невозможно их прервать полет...
Особую их нежность полюбили
За доброту, которая поет.

Яблоки твоих колен

Мечтою ты была с картины,
Горит ланит огня накал.
И яблоки с колен скатились
И не отыщутся никак.

В цене была ты недоступной,
Единственна и дорога.
Дорогу перекрыла грубость,
Костер мой яркий догорал.

Тогда другое было дело,
Легко брала меня ты в плен,
И сильно целовать хотелось
Мне яблоки твоих колен.

г. Бакал

Владимир Яковлев

Чего я жду, чего сказать мне боле

* * *

И капля мелкого дождя
Мгновенно пролетит меж нами
В ней отразимся ты и я
Своими мокрыми глазами
От слёз а может от дождя
Ты вглядывалась в очертанье
Домов людей и про себя
Ты торопила расставанье
Презренья твоего страхась
Я продолжал свою попытку
Всё воскресить и вот он час
Когда ты не простишь ошибку
И может быть я прокляну
Себя за подлость и измену
А капля та уж на земле
И всё теряет свою цену

* * *

Я сам как сотканный неверный Рубикон
И слово лишь одно как мраморная чаша
Той тёмной улицей всё пробираясь вон
Я замечал как опадает липа наша

И осень ржавую водою всё течёт
Сегодня день такой или я просто болен
Журавль в небе продолжает свой полёт
Чего я жду, чего сказать мне боле

* * *

И он промолвил неизбежность
Неправильностью языка
Отринув детские забавы
Признав ошибку мотылька

Он изнурённый испытатель
Потатчик времени и сну
Всегда предвидевший утрату
И слово данное ему

И шум листвы или лукавство
Растрчивая наперёд
Во тьме боится он остаться
Теряя расставаньям счёт

* * *

Настраивая тусклый свет
На человека в розовых очках
Который пишет свой ответ
И держит ручку в намозоленных руках

И разговаривая сам с собой в раю
Продрогши от вечерней суеты
Он выстоял в родном своём строю
Так долголетний путь был вырванным

ИЗ ТЬМЫ

Он пасынок родимых новостей
И резонатор тёмного сознания
Вращающий свой руль ещё быстрей
Врезаясь в ночь в рассвет и в умиранье

* * *

Неокольцовано
Мраморной крошкой
Тугой струной
В отрыве
От безызвестной речи
Такой покой
Не отголосков ради
А приобщённости к боли
В правильность
И извилистость стаи
Ещё смелей
На берега
В реквием дня

г. Озёрск

Илья Весенн

Рассуждаю с зятем я, как проходит жизнь моя

День-проказник

День как свечка догорает,
жаль, никто из нас не знает,
что он завтра принесёт:
влезем на гору иль в грот.
Скатимся или взлетим,
запоём иль засвистим.
Жизнь, она вперёд идёт:
то жара, то гололёд...
Все с утра спешат куда-то
и хотят везде поспеть.
Но скажи, зачем нам надо
дело делать, а не петь?!
Завершая все потуги
и закончив марафон,
в сторону отставим плуги
да споём-ка в микрофон.
Может, это успокоит,
прекратит всю суету.
Пусть за нас достроит
кто-то и закончит маяту...
Жизнь, увы, не праздник
и совсем уж не гастроль.
А назавтра день-проказник
новую пропишет роль.

Монолог с зятем

Рассуждаю с зятем я,
как проходит жизнь моя:
Она наждачная бумага,
трёт всех вдоль и поперёк.

сделаешь вперёд два шага —
и споткнёшься о порог.
Вижу вспышки, пляски,
телек выпучил экран,
Из него же «травят» сказки,
а ты веришь, как баран.
Отбивает мир чечётку
из кипучих новостей.
Никогда не знаешь чётко,
что полезно из вестей.
Достают нас ультразвуки
и рентгены прошивают.
Засыпаем мы от скуки,
ночью сны одолевают.
Обещали коммунизм,
рай земной и благодать.
Но пришёл волонтаризм,
в «рай» хотели нас продать!
Обещали в долю взять
и богатства поделить.
Где теперь та доля, зять,
с кем сокровища пилить?..
Не ответил мне зятёк,
будто проглотил аршин,
хмуро он пилил пенёк.
Не дошёл до тех вершин,
не дорос до высоты,
осенит где божий дар.
Ну, зятёк, освой хоть ты
восточный свой гектар!

Пели, как умели

Стареем, брат, куда деваться,
за спинами осталось много лет.
Когда нам было по семнадцать,
свой создавали бит-квартир.
Тогда был «Битлз» в моде,
он молодёжь сводил с ума.
И в сером неуютном переходе
звенела неокрепшая струна.
Мы пели, как умели и могли,
порой фальшиво и фальцетом.
Хотя сердца проходим жгли,
но не сравнить это с концертом.
Скорее, только всплеск души,
которая рвалась из нас наружу.
Задорный лозунг «Старое круши!»
был очень популярен, даже нужен.
Мы всё-таки добились, что хотели,
обрушили замшелый домострой.
А с ним и то, о чём упрямо пели
в тот век застойный, непростой...
Ну а теперь чего же мы достигли,
куда пришли на склоне своих лет?
Пред нами стену новую воздвигли,
об этом дальше следует куплет:
Возможно, жизнь идёт по кругу,
в ней повторяются сюжеты, и не раз.
Не зря мы часто говорим друг другу:
«Мечтал о троне, но сел на унитаз!»
Стареем, брат, тут ничего не скажешь,
но верь, что впереди ещё один полёт.
Увы, две жизни в узелок не свяжешь,
а в переходах пев-поколение поёт.
Как мы когда-то, в скверах и в ночи
юнцы поют во славу дедам и отцам.
А мы, как старые и мудрые грачи,
места уступим молодым скворцам.

На Голубой Планете

Жизнь красит волосы
в серебристый цвет,
оставляя полосы
всех прошедших лет.
Мы плывём по гребню
двух тысячелетий.
Чтоб ускорить греблю,
стегаем себя плетью.
Порою хочется догнать,
кто маячит впереди;
тельняшку разорвать
в экстазе на груди.
Хотим добиться славы,
ещё хотим почёта.
Не так уж мы и слабы —
с фортуной сводим счёты.
Не хочется нам порно,
даёшь покойной жизни.
Хотим служить упорно,
слагая афоризмы.
В раздумьях и потугах
проходят дни и годы.
У дней мы ходим в слугах,
считая пни-колоды.
Нас строит каждый год,
он всех ведёт по жизни.
И достижениям счёт
года ведут до тризны.
Прекрасно, что живём,
творя добро на свете.
И песню не одну споём
на Голубой Планете.

г. Муасс

Нэлли Кизилова

Как Бог такое допустил

Русская берёзка

Берёзка — красавица наша,
Ты символ добра и любви,
Для нас ты милее и краше
Любых украшений земли.
Ты слышала клятвы, присяги,
Ты видела смерть партизан,
Гордилась ты русской отвагой
Солдат, что погибли от ран.
Ты всех в лихолетье спасала,
И стол им давала, и кров,
Красивой листвой укрывала
Застывшие очи бойцов.
Сегодня склоняешься низко,
Оберегая покой...

Под каждым крестом, обелиском
Покоится русский герой.
На небе безоблачно-синем
Вписала ты их имена,
Берёзка, ты символ России,
Её талисман на века.

Трагедия

Как часто люди умирают!
Как мы бессильны пред Судьбой!
Ну почему никто не знает
Где поджидает Смерть с косою?
Вот едет батюшка по делу,
Усердно Богу помолясь,

С ним дочка рядышком сидела...
 А на дороге слякоть, грязь.
 Нельзя в дороге горячиться.
 И кто же это нагрешил,
 Что автовоз по трассе мчится —
 Столкнулись сразу пять машин!?
 Машина батюшки, как видно,
 Перевернулась — и в кювет...
 За что же Ксюшенька погибла,
 Ведь ей всего шестнадцать лет?!
 И прихожан сомнение гложет:
 Как Бог такое допустил,
 Что ему преданный раб Божий
 В такую кашу угодил?
 О, как же нам не удивиться:
 Так православию верна,
 Что в платье свадебном девица
 Невестой Богу отдана.
 Нам в церкви батюшка вещает,
 Что Бог всегда помощь готов,
 Но в жизни много бед бывает,
 Трагедий, горя, катастроф.

Память жива

Вечная память павшим в бою,
 Грудью закрывшим землю свою,
 Историю подвигов знают сыны —
 Дети великой советской страны.
 Всё испытали с младенческих лет:
 Голод, и слёзы, и радость побед...
 Они завещают потомкам своим
 Помнить героев: «Гордимся и чтим».
 Не прерывать семейную нить,
 В памяти сердца вечно хранить,
 Мы им обязаны счастьем своим.
 Русский народ — непобедим!
 Пять поколений сегодня в строю,
 Все родословную знают свою,
 Каждый ребёнок «Катюшу» поёт,
 Знамя Победы правнук несёт.
 В каждой семье уже семьдесят лет
 Фронтников хранится портрет.
 Павшие вместе с живыми идут,
 Полк наш Бессмертным не зря назовут.
 В праздник Победы, омытый слезой,
 Залпы салютов гремят над страной,

Что б ни стряслось на просторах страны,
 Наследники павшим будут верны.
 Низкий поклон ветеранам войны,
 Вдовам России и детям войны,
 Они в лихолетье выжить смогли
 И память об этом нам сберегли.
 Крепки традиции русской семьи,
 Нам, как и прежде, поют соловьи,
 Те же берёзки, небес синева...
 ПАМЯТЬ ЖИВА — И РОССИЯ ЖИВА.

Я купаюсь в любви

Я купаюсь в любви Вити, Юры и Гены,
 Это братья мои, у нас общие гены.
 Я купаюсь в любви дочек Оли и Лены,
 Подарила я им все семейные гены.
 Я купаю в любви своих правнуков, внуков,
 Чтоб росточки мои не страдали от скуки,
 Чтобы каждый из нас не считал бы обузой
 Поддержать в трудный час наши крепкие узы.
 Получаю привет от друзей и подружек,
 И на старости лет мы, как в юности, дружим.
 Я смеюсь и пою у родного причала,
 Будто жизнь свою начинаю сначала.

Забияка

Муся во дворе гуляла,
 Всё вокруг обозревала,
 Но увидела, однако,
 Чью-то рыжую собаку.
 Резко так заверещала,
 Что собаку напугала,
 Та рванула наутёк,
 Под собой не чуя ног.
 Гостя рыжая струхнула,
 Под ворота сиганула,
 А за ней, поднявши хвост,
 Муська мчится на свой пост.
 Нам не надо злой собаки
 Под защитой забияки.
 Кошка у ворот лежит,
 Дом хозяйский сторожит.

с. Миасское

6 июля 2019 года исполнилось 85 лет

Петру Егоровичу Смирнову

из Верхнеуральска. Поздравляем известного поэта с почётным юбилеем,
 желаем творческих успехов, крепкого здоровья, семейного благополучия.

Ермоша и чёрт

сказка

Жил мужик в одной деревне
 Много лет тому назад,
 Дом имел столетний, древний
 И такой же вечный сад.
 Имя той деревни — Белка,
 Сто дворов стояло в ней.
 Протекала речка рядом.
 Дальше лес полон зверей.
 В каждом доме по корове,
 По телёнку и козе —
 На заре всю живность в стадо.
 Люди гнали: при грозе,
 При ветрах, при непогоде,
 Также в зной, во всякий день
 Пас коров пастух Ермола,
 При жаре спасаясь в тень.
 А жена у Ермолая
 Ох и злющая была.
 Он от пса не слышал лая
 Так, как лаялась она.
 От души поспать любила
 До полудня. Целый день
 Мужа вовсе не кормила:
 Обуяла бабу лень.
 Ермолай кормился лесом —
 Лес, как мать, его ласкал,
 Жил с женой, как будто с бесом —
 Пулей из дому бежал.
 Возвращался поздно к ночи —
 А жена опять — скандал.
 Это значило, что ужин
 Он напрасно ожидал.
 Муж терпел её придирки —
 Что ленива — полбеда...
 Ни обеда, ни постирки,
 Ни подаст стакан воды.
 Как-то к вечеру всё стадо
 Улеглось, поев травы.
 И Ермошка лёг под елью,
 Но голодным лёг, увь...
 Только голод ведь не тётка,
 Травит вкусные мечты,
 Поднимает в путь, как плётка,
 Гонит в поисках еды.
 Вновь мужик по лесу ходит:
 Где черёмуха, где гриб,
 Где боярушку увидит,
 Родничёк утёк в изгиб.
 Он воды напился чистой —
 Будто плачь недалеко.
 Обернулся, что он слышит:
 «Ох, иди мне нелегко...» —
 Причитает дед под ёлкой,
 Плачет старичок седой,
 Ермолай: «Не плачь, дедуля,
 Видишь, я-то молодой!»

Отнесу тебя домой я —
 Путь-дорожку укажи,
 Забирайся мне на спину —
 И вперёд на виражи!»
 Вынес он его к деревне,
 Тот хатёнку указал.
 В горницу занёс он деда,
 И старик ему сказал:
 «За услугу благодарен.
 Что уважил ты меня.
 Будет от меня подарок:
 Золотой вот, на коня!» —
 «Что ты, что ты, дед, не надо!»
 А старик ему: «Постой!
 За отзвучивость награда,
 К тому — подарок непростой.
 Ты не грабишь, не воруешь,
 Так уважь же старика,
 Жинку, парень, побалуешь
 Золотым наверняка!»
 Деду в ноги поклонился —
 До земли отдал поклон!
 Ноги в руки, и пустился.
 Митькой звался тут же он.
 Ближе к ночи рóздал стадо.
 Да домой пошёл к жене —
 Золотому жинка рада,
 Сжав Ермошеньку к стене,
 «Говори, где золотые,
 Милый, прячешь от меня?!»
 Ни копеечки. Простые!
 В уме червонцами звеня!
 Объяснял он жадной бабе,
 Кем подарен золотой:
 Зря старался да с досады
 Врал. Приплёл рассказ простой:
 «Брёл в глуши дремучим лесом,
 Вижу: яма глубока —
 Не охмурен ли я бесом?!
 Тут разделся донага,
 Вот спустился в эту яму:
 Тихо, сухо, нет воды.
 Золотые там, ну прямо...» —
 «Ты зачем до наготы?»
 Ни карманов и ни сумки...
 Золотых больша гора!»
 Обуяли жёнку думки —
 Мужа гонит со двора:
 «Бери куль да быстро в яму!»
 «Полно, баба: тёмна ночь!»
 От её дурного взгляда
 Вон из дома, лучше прочь!
 Метит в в лес, а жинка следом:
 «Лучше я с тобой пойду!
 Вдруг ты там промежду делом
 Всё оставишь на беду!»

Прёт жену в лесную чащу
 Видел яму там не раз.
 Задал сам себе задачу:
 Темнота, не выткнуть б глаз!
 Привёл жену к глубокой яме,
 По спине катится дрожь.
 Ждёт развязки этой драме —
 С жадной бабы что возьмёшь!
 «Командир» велит спуститься
 Да набить все три мешка!
 Гложет жадность — как решиться,
 Как набить их — поленится!
 Искусает вдруг мошкá!
 «Эх, постой», — тут жинка — в омут,
 Быстро лестницу нашла:
 (Филин, совы будто стонут,
 Тяжка ночь, как печь, душна!)
 «Как набью мешок я полный,
 Ты верёвку мне подай
 (А над ямой ворон чёрный),
 Знак подам — мешок тягай!»
 Вмиг по лестнице спустилась...
 Ну а муж, чего терять,
 Лестницу поднял скорее,
 Да от ямы утекать!
 Дни бегут, идут недели,
 Муж живёт один в избе.
 В саду яблочки спели...
 Узнать пора б и о судьбе:
 Что с женой в той яме стало?
 Ермолай пошёл взглянуть —
 Что ж его там ожидало?
 Даже хочется всплакнуть!
 Спит жена, храпит, как лошадь,
 С нею рядом ходит чёрт —
 Меряет копытом площадь,
 Просто так ведёт он счёт,
 Чудо увидал: Ермошку!
 Весь затрясся и взмолил:
 «Помоги, спаси, родимый!» —
 Чуть не плача, он просил.
 Подай лестницу, дружище,
 Выручай, не то беда,
 Согрешу я с этой жабой.
 Завтрак — снова лебеда!»
 «Вон на волю, друг чертище!
 Вылезай, да не шуми,
 Пока спит моя змеища —
 Не нарваться б на хули!»
 Чёрт как молния взобрался,
 Лестницу с собой схватив,
 Бедный, еле отдышался,
 Взгляд в Ерёмушку вонзив!
 В этом взгляде ужас, слёзы
 Да Ермошеньке укор:
 «Ты ж нарушил мои грёзы,
 Что жену в мой дом привёл?»
 Ермолай: «Прости, чертище!
 Сам пойми, не от добра!
 Так пришлось мне. И поклонялся,
 Чёрт, жена мне, не шобра!
 Я ж не знал, что здесь живёшь ты,

Думал, ямища пуста...»
 Чёрт: «Ну ладно, оправдался!
 Лебеда, одна беда!» —
 «Что стоим, пойдём отсюда!» —
 «А куда же мне идти?» —
 «Ко мне в дом, живи, покуда
 Не завоешь от тоски!»
 Проживают дружно, ладно,
 Кашу делят на двоих,
 Но со временем прохладой
 Вдруг повеяло у них!
 Вроде вместе и не тесно —
 Чёрт повадился скучать —
 Запретил Ермошке песни
 Вечерами распевать...
 То на дом козлом залезет,
 То в трубе застрянет он,
 То идеями он грезит,
 А одной так окрылён!
 «Был, Ермоша, я на юге:
 Кушал плов я у царя,
 Крал щербет, стоял на блюде,
 Откровенно говоря.
 Я пойду к султану снова:
 У него есть дочь-краса!
 Что ни час, он ей обнову!
 В общем, жизнь там — чудеса! »
 «Не пойму, султан иль царь там?!
 Ел ты плов иль крал щербет?!» —
 «Царь, султан — совсем не важно,
 Я у дочки ел амлет!»
 Я пойду к султану снова,
 И не путай ты меня!
 Я не крал, ну брал немного,
 Откровенно говоря.
 Дочь поспела уже к свадьбе —
 Женихи вокруг снуют!
 Чтоб и нам с тобой не худо
 Хоть глазком на дочь взглянуть!
 Что взглянуть, возьмём натурой
 В голову я к ней вселюсь —
 Она станет вроде дуры,
 Верь мне, братец, не треплюсь!
 Царь-султан начнёт метаться —
 Лекарей прибудет тьма!
 Дочку в жены и пол-царства —
 Нам на пользу кутерьма!
 Вылечить никто не сможет —
 Не поддамся никому!
 Ты в тот час придёшь, Ермоша,
 Дочь, полцарства ко всему!»
 «Ну тебя, твои затеи...»
 Глянул: чёрт уж убежал.
 Только голос той идеи
 Для Ермошеньки звучал:
 «...Жду тебя я-я у царя-я-я...»
 Откровенно-о говоря-я-я...»
 Вот прошла одна неделя —
 В лету канул этот сон.
 Как на иглах спит в постели,
 Царской дочки слыша стон...

Сдал пастушечьи дела,
Взял коня за удила
И пустился вдаль, на юг,
Он как лекарь, не супруг.
Гнал коня туда, где солнце
Дарит всем своё тепло:
Дочь царя глядит в оконце —
Куда чёрта завлекло!
Тот щербет крадёт, ест плов,
Дочку мучает без слов,
Уплетает и «амлет»,
Разыграл, хитрец, сюжет!
К царю Ермошенька явился:
«Буду дочь твою лечить!»
Султан очень удивился —
Но что делать, как тут быть?!
Всех знаменитых лекарей
Он привозил из-за морей,
А те, что были при дворе, —
Ломают камни на горе!
Султан условия диктует —
Голубка за окном воркует:
Отдам полцарства, в жёны дочь,
Да только сможешь ли помочь?!
Но если вдруг пришёл ко мне
Как шарлатан, то ты в цене
Не будешь стоить и гроша —
С тобой расстанется душа!
Тебя казнь я при народе,
Навек забудешь о свободе!
Условия Ермоша принял.
В покои девицы вошёл:
Принцессу чёрт и впрямь обидел,
Во взгляде ужас он нашёл:
В угол всё она глядит,
Не моргает и молчит.
Выйти вон он всем велел,
Как знатный лекарь осмелел!
Все по команде удалились,
Ну как сквозь землю провалились!
Уныньем свита вся объята
И ожидают результата,
Ермоша чёрту говорит:
«Ну вылезай из головы,
В покое девицу оставь
И взор девичий ей поправь!»
Из девчонки вылез друг —
Осмотрелся чёрт вокруг:
«Ты меня, Ермоша, слушай,
Вот щербет, немного скушай,
Я ж тебя не обманул —
Лишь в аферу затянул.
Не будь, Ермоша, ко мне строг:
У меня ведь сто дорог!
Вмиг уйду я на восток —
Прямо вдаль, через мосток,
У восточного царя
Есть сыночек для меня.
В голову к нему вселюсь —
От души повеселюсь!
Приходить ко мне не смей —
Там лечить меня не надо!

Не то узнаешь “сто чертей”,
Не то увидишь муки ада!» —
«Да ну тебя, твои затеи!»
Снова чёртик убежал.
Только голос той идеи
Для Ермошеньки звучал:
«Приходить ко мне не смей...
Не то отведаешь чертей...»
Ермолай зовёт царя...
Откровенно говоря,
Всё ему здесь полюбилось,
Вышло так, ну получилось,
Да и царь перед народом
Зятем лекаря признал!
И, как будто мимоходом,
В дар полцарства отписал!
Закатил он пир горой,
Дочь признав его женой!
Растеклась для Ермолая
Жизнь, как в сказке золотая!
Год прошёл — родился сын!
Для Ермоши чёрт как джинн
Уговор Ермоша помнит —
Думы прошлые он гонит!
Пьёт вино, ест виноград,
Спит в чинаре — рядом сад...
Птицы райские поют,
Слуги верные снуют.
Но недолго это длилось —
Незадача получилась!
У восточного царя
Мается сыночек зазря.
И восточный царь прознал,
Что лекарь есть — гонца послал!
«Южного султана просим
У восточного быть гостем!
Заодно с собою взять
Ермолая, зять, не зять?»
Просит с выездом не медлить —
Если нет, придёт с войной!
Мается уж год наследник —
Потерял Восток покой!
«Что же делать, как тут быть?» —
Рассуждает Ермолай!
Трусом не желая слыть —
Ну что ж, Восток — прекрасный край!
К тому же армия большая
У восточного царя...
Царства дружба украшает!
Всё лучше, честно говоря!
Медлить с выездом не стал —
Через мост, да ускакал!
Восточный царь Ермошу встретил,
За сто вёрст ещё приметил!
К сыну тут же проводил:
Нет отцовских больше сил:
Смотреть, как мается сыночек,
В горе с ним живёт Восток,
В покои к юноше вошёл —
Чёрт увидел, кто пришёл!
Ермоша снова осмелел —
Всем убираться вон велел!

Все по команде удалились
 Сквозь землю будто провалились!
 Да ещё забот добавил:
 Бить в ворота всех заставил!
 Ермоша чёрту говорит:
 «Вылезай, земля горит
 Под ногами у тебя,
 Беспокоюсь я, любя!
 Хочу тебя предупредить:
 Волком хочется завывать —
 Жена вылезла из ямы,
 Избежать хочу я драмы!
 Бьёт в ворота, тебя ищет,
 Трепещу, с собакой рыщет!

Слышит стук в ворота чёрт:
 «Ох и дьявол, я припёрт!
 Спасибо, что предупредил!»
 Копытом дал и вдаль выплил...
 И следочка не оставил —
 Тем Ермошку позабавил!
 Голос чёрта вновь звучал,
 Издалёка он кричал:
 «За всё тебя благодарю-ю-ю,
 Откровенно говорю-ю-ю...»
 Султан Ермоше был обязан —
 Караван добра навязан,
 Злата-серебра, ковры —
 Всё Ермошеньки дары!

Агаповский район

Валерий Дивянчи

В погоне за модой

Корова в стаде на лугу
 Подруге говорила:
 «Похвастаться могу,
 Какую я вчера доковину купила — сила!
 Сто семьдесят долларов я отдала!
 Зато уж вещь,
 Такую никому из вас иметь не приходилось,
 М-м-му!»

Подруге любопытно:
 «Что мычишь?
 Скажи-ка мне, купила что ты?» —
 «Скажу, коль любопытством ты горишь...
 Седло ненашенской работы!
 Такое, знаешь ли, под цвет волны,
 Прошито строчкой необыкновенной,
 А кожа на заклепочках стальных,
 И стремяна из полиэтилена!» —
 «М-м, говоришь, отличная работа?
 Быть может... Но одно я не пойму:
 На что сдалось тебе седло-то?
 Зачем оно тебе? К чему?» —
 «Да что ж, подруга, не понять?
 Стремлюсь от жизни не отстать!
 Ведь жизнь как парус на ветру,
 За ней попробуй угонись-ка!
 Мои соседи по двору
 Кобылы Сивка с Лыской
 Давно уж седлами обзавелись,
 А я что, хуже? Нет, шалишь!»

*

Гонясь за модой,
 Нельзя пренебрегать природой,
 Не зря в народе родилось присловье:
 «Оно подходит, как седло корове!»

Басни

Пятно

Один Баран, отбившийся от стада,
 Стоял у только что покрашенной ограды,
 Усердно краской пачкая бочок.
 «Зачем ты это делаешь, дружок? —
 Спросила у него Синица. —
 Смотри, какое посадил себе пятно!
 Ручаюсь, что теперь не смоеется оно...»
 Баран ответил: «Глупая ты птица,
 Ужель не можешь ты понять,
 Что таким путём хочу я отличиться
 И непохожим на своих собратьев стать!
 Теперь не буду я среди других затерян,
 Меня заметят все, уж в этом я уверен,
 Сначала на пятно невольно бросят взгляд,
 А там и на меня вниманье обратят...»

*

Мне юноша один знаком,
 Он ни в труде, ни в спорте, ни в ученье
 Не отличается. Зато одним пятном
 Похвастать может: хулиганским поведением
 И очень рад,
 Когда о выходках его все говорят.

Два бокала

В укромном уголке обеденного зала
 На столике среди яств стояли два Бокала,
 Прозрачная вода была в одном,
 Другой наполнен был вином.
 — Смотрю я на тебя, — сказал Бокал
 второй, —
 И с сожаленьем думаю порой:
 Мы одного стекла, но ты невзрачен,
 Уж чересчур прозрачен.
 Тебя всего видать насквозь,
 Вот я, небось,

Куда как выгляжу богаче!
И говорят, совсем не зря.
Моё вино относят к лучшим винам,
Взгляни, то вдруг оно сверкнет рубином,
То зацветет, как нежная заря,
То вспыхнет, как румянец молодой,
То вспыхнет, будто пламя!..
— Постой, — прервал его Бокал с водой. —
Скажи, в чем будет разница меж нами,

Когда, быть может, через час
Ополоснут и вытрут нас?

*

Так в жизни человек иной,
Высокого добившись положенья,
Кичится этим до изнеможенья,
Когда ж друзей влиятельных лишен —
Среди других и незамечен он.

г. Южноуральск

Людмила Куковенкова

Теперь я знаю и поведать рада

Не дай вам бог

Рукой морщинистой и жёсткой,
Но с добрым сердцем и душой,
Родного гладил дед подростка,
А мысли... заняты войной.

Он видел, как страну накрыло,
Ступила вражия нога,
Не дай вам бог того, что было,
Ведь кровь земли всегда горька.

Да, Русь моя с врагом сражалась,
С победой шла под образа,
За землю-мать... и сердце сжалось,
У деда потекла слеза.

Любите Родину, как деды,
Отдавши жизнь свою, как долг,
А в этот светлый день ПОБЕДЫ
Сомкнётся пусть БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК!

Старость как награда

Что старость нам — напасть или награда?
Нет лучше времени в потоке жизни,
Теперь я знаю и поведать рада,
Что жизнь моя не только закулисье.
Да, было так, что ели хлеб без масла,
Гоняли скот на луг по зорьке ранней,
Когда рожала в муках, было ясно,
Что всё меняется не без страданий.
И пусть болело сердце, душу рвали,
Чужие языки прошлись все властно,
Злорадствуя, смеялись, предавали,
Топтали жизнь мою, за что, неясно?
А возраст брал своё, лишь утверждая,
Стареем, понимая: ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА!
Друзей надёжных встретив, обнимая,
Я знаю, с ними в бой идти не страшно.
Что старость нам... — напасть или награда,
Отмерен каждому свой срок судьбы,

К былому нет дороги, нет возврата,
Так жизнь прекрасна, цени её — ЛЮБИ!

Как всегда

Нежданный у погоды поворот,
Опять зима берёт права,
Открыла двери в огород, и вот...
Белым-бело, а где трава?
Мой первоцвет головку наклонил,
Ему казалось, в лето плыл,
Хоть и старался из последних сил,
Но снег его припорошил.
Погода кочевряжится, шалит,
Кружит снежинок хоровод,
Назло как будто лето не спешит,
Всё как всегда... наоборот.

Ночь шальная

По степи ночь шальная гуляла,
Раздвигая кусты и траву,
Всё как будто кого-то искала,
Злилась, ветру бросая листву.

За пригорок сползла своевольно,
Прилегла у сосны отдохнуть,
Но опять растревожилась болью,
От рассвета ей не улизнуть.

И она, как луна молодая,
Распустив до земли рукава,
Потихоньку исчезла, растаяв,
Обещая: верну в НОЧЬ права...

Сама пока ещё не знаю

Я в ночь уйду... пока рассвет,
Ещё не встал из лона дрёмы,
И звёзды сыплют мне привет
Из неизвестной тьмы весомой.

Ужель за мраком полыньи
Есть золотые перелески,
Поют в лазури соловьи,
Где, улыбаясь, МИР ВОСКРЕСНЕТ?
Как встретят, это не пустяк,
Пока сама ещё не знаю,
Но верю, мне укажут ЗНАК,
Глаза закрыв, я улетаю.

Пусть снег ещё за угол спрятался,
Недолго слёзы лил тайком,
Ручей с речушкою сосватался,
И побежали под мостком.

А солнце радуется, жарится,
Лучи бросает напоказ,
Такая благодать, всем нравится,
И это точно без прикрас...

Слышишь лето

Капелькой счастья скатилась по льдинке
Талой дорожкой весна.
За поворотом зима в пелеринке,
А впереди времена.

Яркое солнце с востока прогрело
Просеку да бугорки,
Травка-хитрюга тут вылезть успела,
В зелень с заплатой куски.

А поутру ветер воет дотошно,
Вновь моросит ситом дождь,
Хочется тёплого лета роскошного,
Слышишь... когда ты придёшь?

Весна торопится

Торопится весна курногая,
Ах, как ей хочется блистать,
Зелёной веточкой берёзовой
Вослед синичкам помахать.

Тело беспредела

Какое дело беспределу
До всех живущих на земле,
Оно побарствовать хотело
И точку прикрепить себе.
О беспредел... но тут ли точка!
Всё остальное ерунда.
Вдруг кто-то смазал до крючочка,
ТАК... занятая до суда!
«Убрать её...» — хрипело тело,
Я не закончил столько дел,
Которых только мне хотелось,
Я их беру себе в надел.
Не просто так ему досталась,
Подумал... всё же жизнь тяжка,
Натура в беспредел бросалась...
НО ЛОПНУЛА ОТ ПУСТЯКА!

г. Троицк

Михаил Рудковский

Туфли

Предугадать желание женщины трудно, а чаще и невозможно, особенно когда она стала модницей. Станислав с завидным упорством старался соответствовать представлениям жены о современной даме, что с его врачебной зарплатой за одну ставку сделать было довольно трудно. Но он очень старался.

Пришла мода на лаковые туфли, что с завидным постоянством демонстрировали вице-премьер страны и президент на различных встречах зарубежных гостей. Подвернулась командировка в Москву на всероссийский съезд хирургов.

— Стасик! Без лаковых туфель сегодня и в люди выходить стыдно. В наших магазинах их нет, может быть, посмотришь в столице.

Вот так, нежно, скромно: «Посмотришь». Посмотреть-то он, конечно, может, даже пощупать, а дальше что? В совете жены коварно было зашифровано желание иметь модную обувь. В суточном содержании командировочного статьи расхода на женские туфли не было. Станислав понимал, что придётся предпринять чудеса экономии, чтобы выкроить денег на незапланированную покупку. Экономить он умел. Жизнь и зарплата научили. Как говорят знающие люди: «Хочешь жить, умей вертеться».

«На одной экономии далеко не уедешь. Придётся прихватить драгоценную заначку, которую я берёг на очередную книгу. Она может и подождать, а вот лаковые туфли никак. Может быть, даже у друзей немного перехватить до полочки придётся», — так рассуждал Станислав, тщательно собираясь в дорогу.

— На всякий случай, вдруг попадутся, мой размер 36, надеюсь, не забыл, — прошептала жена после прощального поцелуя. — Но только чёрные.

Это было уже более конкретное, без подтекста пожелание. Можно было перевести: «Не забудь купить, если любишь». А жену Стас любил, и даже очень.

Съезд работал один день, а два дня были отведены посещениям клиник и заключительному банкету, на который следовало записаться и сдать деньги. Вначале он внёс себя в списки заключительного праздника, но потом, вспомнив о туфлях, решительно вычеркнул свою фамилию. Хотелось, конечно, пообщаться с корифеями хирургии в неформальной обстановке, но они за отсутствие на него не обидятся, а жена может, и даже очень. Вместо экскурсий по знаменитым кафедрам и клиникам у Станислава были посещения не менее знаменитых московских универмагов и обувных магазинов. Но они с каждым часом разочаровывали его всё больше и больше. Лаковой обуви нигде не было.

В его душе боролись противоречивые чувства: «Ну, не нашёл, так и ладно. Честно же искал, да и заначка сохранится. Эх, зря на банкет не пошёл и в клиниках не побывал. Не поверит же, подумает, что пожалел, хоть в свидетели кого-нибудь бери. В конце концов, я же вслух ничего не обещал, просто молча соглашался. Чего я нервничаю? Подумаешь, проблема: туфли не нашёл. Это же не катастрофа. Мещанство. Вещизм. О великом надо думать, а не о башмаках», — с таким мыслями он заглянул в маленький, как оказалось, итальянский магазинчик.

Словно молнией резануло по глазам. На самом видном месте, посередине средней полки, играя солнечными зайчиками стояли они, чёрные лаковые туфли, но только мужские.

— А женские есть? — охрипшим от волнения голосом выдал из себя Станислав.

Продавец, чернявый мужчина южного разлива, с удивлением рассматривал посетителя.

— Уважаемый! У нас магазин мужской обуви, на вывеске написано.

Внутри лопнула натянутая нить. «Не мой день, вернее, не её». Надо было уходить, но ноги словно приросли. На экране телевизора, стоящего справа от продавца, была картинка, от которой нельзя было оторвать взгляд. Вице-премьер принимал заграничного гостя. Сидя в кресле, закинув ногу на ногу, он спокойно разговаривал, шевеля носками чёрных лаковых туфель.

— Какой размер? — больше Стас ничего не смог сказать, а только указал на блестящие башмаки, в душе надеясь, что не подойдут.

— 42-й, уважаемый!

«Мой!» — резанула мысль.

Он стоял как истукан, не зная, что делать.

— Уважаемый, хотите примерить?

Ну разве можно было отказаться? И Станислав согласно кивнул, словно нырнул в ледяную купель. Когда они благодаря заботе продавца оказались на ногах и он прошёлся по магазину, решение пришло помимо его воли: БРАТЬ. Словно поддерживая его решение, на экране маячил уже президент в чёрных лаковых туфлях. О цене он уже не думал, хотя она была очень серьёзной, едва хватило всей наличности.

Дома с нетерпением ждали возвращения и прямо с порога обрушили на него лавину радости и нежности. Еле успел раздеться.

— Ну как! Купил?

— Купил! — В горле пересохло.

— Лаковые?

— Лаковые! — с хрипотцой и осторожностью.

— Чёрные?

— Чёрные!.. Но только мужские, других не было.

Пауза. Немая сцена, как в «Ревизоре». Потом я напишу в стихах «Как тяжелы порой мгновенья среди домашней тишины». И вдруг:

— Какой молодец! Поздравляю! Тебе же они очень подойдут, когда лекции читать будешь или на заседания учёного совета выступать. — И жена повисла на его шее, а Станислав дал себе слово, в следующий раз он перевернёт столицу, но обязательно найдёт женские чёрные лаковые туфли, потому что он очень любил жену.

г. Челябинск

Мудрый лис

Зима уже в зрелом возрасте. Морозы прижимают ртутный столбик до минус сорока. Начало семидесятых прошлого столетия. Я работаю киномехаником. И, как заядлый охотник, целыми днями пропадаю в лесах. Не зря же существует поговорка: «Охота пуще неволи». Охотничий азарт неудержим. Вот и сегодня мне предстоит пройти по проложенной вчера лыжне протяжённостью километров сорок. У таёжных промысловиков этот маршрут называется путик. По нему я буду ходить несколько дней в зависимости от возникающих обстоятельств, как природных, так и моих. В первый поход после снегопада или метели определяю, какая живность и сколько её обитает в окольцованном лыжнёй участке.

Я загорелся состязанием умов с самой хитрой из хитрых, «Кумой Патрикеевной», воспитанной сказителями, — рыжей лисицей.

Вот и желанное утро. В лучах фонарей искрится изморозь. Я лыжи подмышку, и за деревню. Мороз по-хозяйски ощупывает моё лицо. По всем приметам лес сегодня необычайной красоты. Вот и первый лес. Берёзы от мала до велика заневестились. Мороз каждой накинул на плечи серебристую фату и гуляет среди них седым аксакалом, самодовольно прищёлкивая языком. А вот и огромное солнце выкарабкалось на макушку далёкого леса. Над его головой, кто-то незримый держит богатырский золочёный шелом. На распростёртых руках — огромные ярко-жёлтые рукавицы, похожие на боксёрские перчатки, словно оно приглашает лютый мороз померяться силами на ринге.

Огибаю лес по опушке, на которую сияющим колобком выкатился таловый куст. Вокруг него месиво следов зайца-беляка. То ли он отплясывал перед ним под эмоциональную мелодию жизни, то ли питался его молодыми веточками. Мне-то до него мало интереса, потому как повадки его я знаю давно. Так же давно я их не стреляю. Случай был такой. После ночной пороши я решил потропить зайчишек. Взял след русака возле кочковатой низинки. Кочки на ней припрятала метель, на их осоковые чупрыны пороша нахлобучила белые береты.

А вот и первая смётка. Иду дальше. Метров через тридцать — вторая. Дальше идти не нужно. Там два следа, туда и обратно. Значит, где-то здесь. Береты на кочках не тронуты. Видимо, между кочек окопался. Поворачиваю в сторону смётки, и метрах в тридцати от меня вздымается клуб снега. Я выстрелил навскид и слегка занизил. Сломал ему заднюю ногу. Он как заплачет! Как малое дитя: «Уа-уа!» Дрогнуло у меня сердце, слеза навернулась. С той поры, «я их не бью ни зимой и ни летом» (цитирую Некрасова), жалею.

Наконец-то то, что мне надо. Патрикеевна, как по линейке, прострочила с поля в лес. Это уже кое-что. Отхожу назад. Пересекаю след под углом градусов тридцать. Подрезаю отпечаток левой ноги. Подсовываю капкан. Маскирую, чтобы комар носа не подточил, и ухожу.

Скольжу краем низины, обжитой тальником да ракитником, среди которых разбрелись ватажками мрачноватые осинки да сияющие белизной берёзки. Это излюбленные места белых куропаток. А вот и они шумно, с издевательским хохотом в мой адрес, сорвались из-за куста, в одно мгновение, лавируя между кустов, исчезли. Солнце уже покраснело и свалилось на западный лес. Пора брать курс на деревню. Завтра пойду ставить капканы. Заодно проверю сегодняшний. Повадки рыжей кумы, слава богу, я уже раскусил, и мы ещё по состязаемся в смекалке. «Посмотрим, чей козырь старше».

А вот когда я начинал самостоятельно грызть науку матерых промысловиков, случались фантастические притчи. О них я вам поведаю в другой раз.

Юнцом на охоту пошёл первый раз,
В охотничьей страсти по горло увяз.
Не так уже глупый в ту пору я был,
Охоту, как юную девуку, любил.
Ещё не погас буйный пламень во мне.
Я с нею общаюсь и днём, и во сне.

Писать стихи у меня мало-мальский навык есть. Излагать мысли прозой — пока ещё проба пера. Ну да ладно, расскажу вам истинный случай из моей охотничьей практики. Охота, она пуще неволи и, конечно же, не для ленивых.

Пойманных лисиц в деревню не ношу. Где догнал, там и раздел. Капканы я не привязываю. Внезапная хватка за ногу утраивает силу зверя. Попадая в капкан, зверь резко прыгает в сторону. Если капкан привязан прочно, ломает ногу. В лихой мороз на привязи сидеть несладко. В результате зверь отгрызает околоченную ногу и уходит, охотнику в подарок оставляет

свою култышку. У меня к капкану на вертушке закреплена цепочка длиной 50 сантиметров, к ней потасок, подобие якоря, из шестимиллиметровой катанки, и всё. Попавшая в капкан лисица в недоумении резко прыгает в сторону, вырывая всю снасть из-под снега, перебесится, тщетно пытаясь освободиться и пойдёт по полю, рисуя замысловатые узоры. Перед рассветом пойдёт в своё болото. Я не хожу по её письменам, зная, где она днюет, иду сразу к тому лесу. Там она у любого кустика встаёт на якорь и ждёт своей участи. После очередной жертвы я плохо обработал капкан и поставил на тропе старого лисовина. На другой день прихожу, бог ты мой! Ошарашил он меня. Усёк капкан-то, обошёл вокруг него, в мишень сподобил, прицелился и опорожнился прямо в (яблочко), мол, знай наших. Вскипела моя гордая душа и выдала на-гора: «Вот курвель, поймаю, живьём раздену».

После сильной январьской метели через лесную прогалину к совхозному сеновалу надудло длинный высокий сугроб, очень плотный. Следы на нём не отпечатываются. После небольшой пороши на нём появились следы моего академика. Я только что купил три новых двухпружинных капкана. Испытал. При срабатывании перерубает берёзовую ветку в палец толщиной. Пришлось снять по одной пружине. Эту новь я и подсунул умнику. Попал он в него. Пока выдернул из сугроба якорь, справил обе нужды без всякой мишени. Махом рванул в лес. Якорь зацепился за молодую берёзку. Толчок получился такой, что один конец дуги выскочил из гнезда. На сей раз в лице ангела-хранителя оказался завод-изготовитель, делавший дуги к капканам из репы.

Начало февраля. У лисиц в эту пору начинается гон. Они мало спят, больше блудят. Метят на своих участках кусты высокорослых трав, торчащих из снега. Иду опушкой лесного массива, вижу на краю поля приличный куст полыни. Подхожу: меченый. Пригляделся к следу, да это ж мой академик. Вот и приспел случай умственной дуэли. Ветер юго-западный, чуть ощутимый. Любой зверь подходит к нужному объекту с подветренной стороны. Ставлю два капкана. Справа и слева куста, по курсу. К ночи направление воздуха сместилось на запад, и мой подопечный к кусту подошёл с востока. Стал пристраиваться создать новую метку, наступил на дугу капкана, задев пяточок. Капкан сработал, и дуга отбросила ногу, на сей раз судьбу мудреца лелеяла сама природа. Капкан по воле ветра оказался дугами поперёк маршруту, это неминуемый пролов. И стал мой подопечный бояться лыжни как чёрт ладана. Однажды я прошёл вокруг озера, разделённого пополам границей с Курганской областью, с целью узнать, где лисы ходят на озеро. На следующий день иду по своему путику, вижу след с поля к лыжне. Подхожу ближе, не дошёл метра два, вернулся. Ба! Вырвалось у меня: «Крещёный объявился». А крещёный ещё дважды подходил к лыжне и возвращался. В четвёртый раз с разбега перемахнул лыжню и ушёл в камыши.

На берегу озера, на земле Юломановского района, в прошлом была деревня Утянка. Мне неизвестно, то ли деревня носила имя озера, то ли наоборот. Неважно. Там сохранился проход сквозь густые береговые камыши, ведущий в лоно вольных вод. По нему рыжий вышел и ушёл в бухаровские леса. Больше наши пути не пересекались. Решил, видимо, мудрый лис уйти от греха подальше. Стало быть, пока не роковой.

д. Журавлиное

Марина Шалыгина

Личная жизнь

зарисовка

У меня всё есть для благополучия! Крыша над головой с газом, горячей водой, диваном и прочими удобствами. Жена, взрослые умные образованные дети, к ним прилагаются родня, знакомые, сослуживцы, приятели. Деньги? Имеются! И пенсия, и зарплата. А жена ещё и получает доллары от своей двоюродной из Америки на все наши праздники.

И здоровьем физическим не обижен. И книжки научные могу осилить.

Но личной жизни нет! Хм, не подумайте, что с женой нелады! Отлично ладим, и ночки выпадают сладостные, невзирая на наш возраст.

Понимаете, не то что философию разводить, повспоминать детство или обдумать что-то общечеловеческое — на маленькие свои мысли и инициативы времени и пространства нет!

Не успеешь встать, начинаются звонки: с работы, от детей, и всем-то я надобен, и срочно. Про работу умолчу, работаю, как работал, кручусь себе на автопилоте. Но дети: то почини, то дай, то приезжай, то... А теперь и внуки. И внученьки. Только придёшь с работы, тут уж жена

пристывает: в магазин, и срочно; в химчистку, и срочно, в больницу к внуку, и срочно, а сама тоже как белка в колесе: то варенье, и срочно, то суп сбегает, и срочно, то стирка, и срочно. А соседи! Приносит их нелёгкая! Анна Пална, соседка, то и дело заглядывает по-приятельски и давай разговоры разговаривать, да ску-учные такие: рассказывает, где, сколько и когда у неё болит и с какой интенсивностью.

А то сосед Вадим Вадимыч пристаёт, чтобы с ним в шахматы. Да не хочу я в шахматы! И пива не желаю! И на рыбалку с дедом Василием не хочу! И на собрание ветеранов с докладом от современной партии не нуждаюсь! И в кино с женой... Прости меня, Люся, жёнушка! Не рискнул я сорок с гаком лет назад сказать тебе, что не люблю кино. Так по старой памяти и хожу с тобой, мучаюсь.

Вот опять (а у меня выходной!) кто-то наяривает, входной звонок жмёт. Захожу в туалет, легальное пристанище. Пусть жена отдувается, не всё же мне... Затаился. Слышу, Анна Пална жужжит. Жена Люся меня призывает:

— Дусик, где ты? Тут Анна Пална пришла, ей бы форточку починить...

Не отвечаю. Может, как-то без меня...

Но тут приходит участковый, полицейский то есть. Начинает опрос, кто слышал позавчера в полпятого утра шум авто у подъезда. Да у нас шумов — если запоминать — головы не хватит, господи. Ухожу в ванную, де, мыться буду. Включаю воду, сажусь на табуреточку, хочу о своём подумать, но не думается, а только ждёшь, что тебя сейчас куда-то пошлют срочно или родня придёт, и за столом придётся слушать всякое. Однако, журчание водички успокаивает постепенно. Как хорошо уединение! Беру себя в руки в полном смысле слова, то есть обхватываю своё брэнное тело двумя руками: вот он Я! На груди волосы седые, башка лысая. Вроде должен мудрым, спокойным сделаться к моему-то шестьдесят девятому году. А я ещё ничегошеньки не понял, что такое Я! К чему меня Бог на свет произвёл, правильно ли я жил эти шестьдесят девять и чего могу: может, потенциальный преступник я, а?

Развеселился от этой мысли, размышляю, как на меня окружающие смотрят, как оценивают. Наверное, полагают, что покладистый такой, невредный дед, рукодельник, надо его попросить, чтобы смастерил вещь какую-нибудь. Ха-ха. Но когда, братцы, и где мне неспешно о мироздании-то подумать? Люся, наверное, считает, что мне ночью рядышком с ней — эта самая дума. Да, неплохо нам вдвоём, однако отдельная моя личность просит личной жизни. Ну вот просит личной жизни, и всё тут!

г. Кыштым

Неонча Осмачко

Картинки из детства

...Они как бусинки из исчезнувшей нитки памяти.

Мой, пограничный с Россией украинский городок был небольшим, лишь десять тысяч жителей. Улицы кроме официальных названий имели еще и местные, если так можно сказать, прозвища. Кстати, как и живущие здесь люди: фамилия и прозвище. Моя улица называлась Новгород-Северская, но все говорили: «За мостом» — арочный мост отрезал её от остальной части города. Улица, как столичные проспекты, широченная, расположилась по обе стороны высокого шоссе, вымощенного булыжной мостовой. Ни дать ни взять — хребет динозавра. Во время весеннего половодья разливалась новая речка и затапливала низкие места улицы. Каждую весну подтапливало дом Броницких. И тогда младший Броницкий, Женька, парнишка пионерского возраста, брал оцинкованное корыто и, вооружась «веслом», лопатой для уборки снега, плыл по речному разливу. Весенний ветер трепал концы пионерского галстука, а довольный «мореплаватель» наконец причаливал к шоссе и шел в школу. По мосту проносились пассажирские поезда — строго по расписанию — по ним можно было определять время. Во время остановок на станции их ждали жители с немудрящей снедью: горячей картошкой, малосольными огурчиками, выпечкой и фруктами, в основном яблоками. Продавцы резво бежали вдоль вагонов, стремясь обслужить как можно больше выходящих из поезда пассажиров. Кто успел, тот и съел. Среди торговцев особенно выделялся сильно припадающий на одну ногу мужичок, с криком «Кому яблочко? Кому яблочко?!» Состав уходил, он брал прислоненный к изгороди костыль и, громыхая пустыми ведрами, устало ковтылял домой. Не помню, чтобы кто-нибудь, называл его по имени-фамилии, только «Кому яблочко». лето заканчивалось, а кличка оставалась. Прозвища давались редко, но метко. Почтальон как-то спросил у нас, детей, указывая на соседний дом:

— Не вижу номера, здесь живут Гузевы?

Мы хором ответили:

— Нет, там живут Мацоники.

На шум вышла бабушка и уточнила:

— Да, там живут Гузевы, а Мацоники — прозвище: была свадьба, и хозяин от души отплясывал, потом упал на стул и шепеляво прокричал: «Ох, нету моценьки!» Так и остался Мацоником.

Кстати, был низкого роста, а жена высокая и поколачивала его за пьянку и все «хорошее». Бумеранг возвращался: примерно через неделю хозяин ласково звал из дома:

— Маруся, помоги!

Жена спешила на помощь, а муж, затаившись за углом, стоя на сундуке, со всех щедрот награждал её оплеухами.

Моим школьным учителем по математике был Александр Романович Заплаткин. Но все поколения учеников его единогласно звали Сыч (сокращенное от Саныч). Вот только он действительно был похож на птицу сыча: сидящий, в очках, очень строгий. Как-то вызвал меня к доске сделать какое-то преобразование уравнения. Не могла сразу сообразить, и он выдал, как припечатал:

— Какой умный был брат и какая дура сестра!

С братом они были друзьями из-за любви к математике. И попутчиками по дороге к школе.

Напротив нашего дома по другую сторону улицы жила семья Егора Дринька, у которых мы покупали молоко. Однажды я пришла раньше, чем успели подоить корову. Глава семьи обедал: перед ним на столе стоял эмалированный тазик, чугунок с борщом, горшок с кашей. Он вылил в тазик из чугунка борщ, потом туда же последовала каша. И, глядя на мои вытаращенные глаза, показывая на живот, сказал:

— Там все равно все перемешается.

Интересно было наблюдать, как Егор на нашей стороне улицы, набрав из колодца воды, уходил, покачивая ведрами, которые казались в его руках взятыми из детской песочницы.

Память отсекает тяжелые воспоминания. Наступал 1941 год.

Детство закончилось...

г. Миасс

Татьяна Ческидова

Два ангела в белых рубахах

* * *

* * *

Солнце на радужном облаке
Мчится по морю небес.
Лютиков жёлтые всполохи,
Девственной зеленью — лес.

Сегодня сквозь утра ресницы
Я чудо увидела вновь:
Несли белокрылые птицы
По небу земную любовь.

Пни и коряги замшелые
Сбросили наволок лет.
В рощице ангелы белые
Чудятся мне или нет?

И зов лебединого клика
Приветно ласкал тишину,
И эхо металось безлико
У сизых туманов в плену.

Снежных черёмух метелями
Путь по тропе осиян.
Шелестом, стрекотом, трелями
Полон души океан.

В степенном величии взмахов
Мне грезились, как миражи,
Два ангела в белых рубахах,
Две нежных и чутких души.

Где-то в груди растревоженной
Птица вспорхнёт невзначай.
Как упоителен, боже мой,
Пахнущий родиной май!

И были мне образы эти
Сердечны, близки и просты.
Казалось, на целой планете
Такой не сыскать красоты.

Июньские дожди

Дожди! Июньские дожди!
Их тучи-кони серой масти
Хрипят и дыбятся ненастьем.
Струятся гривы —

погляди!

Спешат июньские дожди!

Ещё вчера царила сушь,
Ей травы кланялись устало,
И пыль подножная дрожала,
Болтая взвесистую чужь.
А мир был вял,
и неуклюж.

И вот он, праздник —
ощути

Живую влагой на бутоне,
И тополь мокрые ладони
Мне тянет радостно в пути!
И тёплой благостью в груди
Звенят июньские дожди!

* * *

Когда мне мир зловеще душен,
Бегу от каверз бытия
И долго вслушиваюсь в душу
И в небо всматриваюсь я.

А там, расправив крылья-кисти,
Как будто небо их альбом,
Рисуют птицы без корысти
Свои мечты на голубом...

И высь расписана незримо,
Но ощутимо глубока,
И облака проносят мимо
Века.

Майский гром

А майский гром вещает яббом.
По строчкам током бьёт заряд
молниеносным левым флангом
грозы. И разум мой объят
негодованием стихии.
Но, к толкованью восходя,
словами пестую стихи я,
как землю — капельки дождя.

* * *

По годам моим натруженным —
Белой песней феввали
Выплетали душу кружевом,
Облачали в хрустали.

И сокровища несметные,
Что не сыщешь у вельмож,
Я дорогами заветными
Раздарила. Ну и что ж?
Мне остались — я не сетую —
Смоль агатовых ночей,
Бирюза реки, прогретая
Летней милостью лучей.
Да ещё весна скаженная —
Удержи-ка, пережди —
Как безбрежная вселенная,
Так и рвётся из груди.
И когда, ступая в изморозь,
Осень выгорит листвою,
Заискрится, будто изнова,
Мир: душевный и земной.
Будет вечер вить завьюжено
За окошком вензеля.
На столе хрусталь и кружево
Белой песней февраля.

Встрепенись, Светунец!

(сонет)

*И замечутся тени в тревоге,
Ослеплённые острым огнём,
И никто не собьётся с дороги
В неподкупном свеченье твоём.*

Вячеслав Богданов

«Ослеплённые острым огнём»,
Серебрятся речные протоки,
И, уже одержим октябрём,
Всходит месяц юнцом желтооким,

Словно давней весны первоцвет,
Что пробился сквозь негу проталин.
— Отчего же твой искренний свет
Так тревожно, безмолвно печален? —

Ночь-полночь небеса на засов.
Погружаются травы в забвеньё.
— Встрепенись, Светунец¹, и лесов
Озари золотое волненье! —

Где-то скрипнут усталые дроги,
«И никто не собьётся с дороги».

* * *

Ветра, недугом одержимы,
Несут хандру.
Весна забыла об озимых —
Ой, не к добру.

Поля, где зверь и птичьи кладки,
Глодают дым —
Прогаров чёрные заплатки —
Сукном худым.

¹ Светунец — молодой месяц.

Стерней непаханого края
Зачат рассвет.
Я к сердцу совесть прижимаю,
Как первоцвет.

Из цикла «Радуга»

На небесном абажуре
Самый нежный из цветов.
Я найду его в лазури
Незабудковых лугов.

Василькового простора
Разольётся благодать,
Бирюзовые озёра
Опрокинут неба гладь.

Сизой дымкою дороги
Поведут в рассветный час,
И цикорий длинноногий
На меня уставит глаз.

И пойму я в одночасье:
Как оттенки ни дели —
Это цвет мечты и счастья,
Это цвет моей Земли.

г. Троицк

Тамара Барейшина

Я не стараюсь мир исправить

* * *

Букет, увядший на столе,
Пора бы бросить,
Но это память о тебе.
На сердце осень.

Был ароматным и цветным
И был он ярким.
И был он самым дорогим
Из всех подарков.

Весна

Что такое весна?
Ни зима, ни лето.
И за что же она
Поэтами воспета?

Я не знаю, куда
От весны мне деться,
Что на ноги надеть,
Как самой одеться.

Что попить, что поесть.
Аппетита нету,
Дефицит только есть
Солнечного света.

И весенняя хандра
Расцвела махрово,
И для рифмы до утра
Не найду я слова.

Солнце раньше поднялось,
И взялось за дело,

И лучами насквозь
Землю отогрело.

Наступлению весны
Вся природа рада.
Доставайте, женщины,
Лучшие наряды.

* * *

Вспоминаю, как сейчас:
В пионеры я вступала.
И вожатая узлом
Красный галстук повязала.

И торжественно, с волнением
Клятву я произносила.
Красный галстук на груди
Я с достоинством носила.

Вот прошло полсотни лет,
Но я клятву не забыла,
Как из юности привет
Красный галстук сохранила.

* * *

Мне с Макаревичем поспорить,
С себя сгоняя лоск и спесь.
Я не стараюсь мир исправить,
Воспринимаю, как он есть.

И пусть под нас мир не прогнётся,
Ведь в этом надобности нет.
Но добротой, словно солнцем,
Мы обогреем этот свет.

г. Пласт

Александр Фунштейн

Как жила б Россия без Урала?

Дороги

Нужно вроде бы немного,
Только выйти за порог,
Поведёт меня дорога
К перекрёстку ста дорог.

По какой идти мне дальше?
По какой вернее путь?
Чтоб спокойно жить без фальши,
А уставши, отдохнуть.

Как мне выбрать направление...
Чтобы было мне под стать?
Помоги мне, провиденье,
Я могу ведь заплутать.

* * *

Мир ужасно несправедлив,
Я всё думаю дни и ночи.
Всё как будто для светских див,
Остальные — живи, как хочешь.

Мир для тех, кто успел урвать,
Обездолив целые страны,
Им безмерно бы пить и жрать,
Остальные для них бараны.

Климат стал не к добру теплеть.
Всё чем дальше, тем хуже, хуже.
Если здраво вдруг посмотреть,
Может, мир наш уже не нужен.

Может, зло не сумеет сдержать,
Кто-то тёмной тоскливой ночью
Вдруг на кнопку решит нажать,
И Земля разлетится в клочья.

А Господь всё начнёт опять,
С ним Христос и Мария Дева
Райский сад начнут создавать,
Ну а в нём Адама и Еву.

И начнутся опять века,
А у Евы начнутся дети.
Жизнь станет для всех легка,
Но уже на другой планете.

* * *

Мы смертны. Но бессмертна ли душа?
И что вообще бессмертно и нетленно?
Без Бога жизнь не очень хороша,
Но путь нелёгок к автору Вселенной.

А божество моё со мной всегда
И будет так до самых дней кончины.
Та Женщина, что в поздние года
Даёт мне наслажденье быть мужчиной.

Шутка

Поразмыслить есть причины:
Жизнь вечные бега.
Настоящего мужчину
Не испортят и рога.

Он их сам кому-то дарит,
Подарили и ему.
Значит, кто-то был в ударе,
Здесь обиды не к чему.

А **КОЗЛЫ** — они уроды
Топчут без толку луга.
Им дала сама природа
От рождения рога.

* * *

Урал — опорный край державы.
А. Твардовский

На Урале моря нет — озёра
И родные старенькие горы.
Здесь мечи ковались и орала,
Как жила б Россия без Урала?

Здесь живут простые наши люди
В сутолоке дней — нелёгких буден —
Сталь куют для дела, не для славы.
Вот они опора есть державы!

И они, коль вдруг настанет время,
На себя возьмут любое время,
Всем врагам достанется немало
От простых работников Урала.

Политические частушки

В Белом доме был Барак,
Но теперь там всё не так:
Там теперь сияет лампа
Полубешеного Трампа.

Средь небесных прочих тел
К нам Джон Болтон прилетел,
Крикнул Ваня-хохотун:
— Он не Болтон, он болтун.

Англичанка леди Мэй
Ядовитее всех змей,
А точнее сказал бы я:
Подколодная змея.

Есть ещё там Джонсон Боря,
Этот Боря — просто горе,
Что серьёзных дел касаться,
Коль не можешь причесаться.

Вот француз месье Макрон,
Жёлтый цвет не любит он.
Ведь ему зимой и летом
Снятся жёлтые жилеты.

Меркель — канцлер ФРГ,
В юности была в тайге.
И усвоила урок —
Строит «Северный поток».

Порошенко, «славный» Петя,
Он жаднее всех на свете,
И толкнул свою страну
Он в гражданскую войну.

Знать, придётся тебе, Петь,
И на нарах посидеть,
Не у нас в Сибири русской,
А в украинской кутузке.

Вот, друзья, политик новый,
Это кто — Зеленский Вова,
Мало дела, много слов —
Вот пока его улов.

А народ в труде живёт,
И смеётся, и поёт.
Прочищайте, люди, ушки,
Будут новые частушки.

г. Челябинск

Людия Осмичина

Коса звенящая в росе...

Гроза

Невидимы небесные лазури,
Затмили грозовые облака.
Тревожное мгновение пред бурей:
Не дрогнет лист, не шелохнёт река.

От туч нависших быстро потемнело,
Блеснули молнии, раздался гром.
Поднялся ветер резкий, очумелый,
Стал безоглядно властвовать кругом.

Шумит трава, шумят деревьев кроны,
И слышен шум взволнованной реки.
И не унять берёзок тонких стоны,
Не протянуть им помощи руки.

И вновь раскаты, капли застучали...
Из тучи хлынул дождик проливной.
От счастья травы, листья трепетали —
Им в радость дождик, хоть и грозовой.

Юбилей

К. И. Струкову

Пришёл юбилей самый важный —
Пора подвести и черту.
Шагал ты по жизни отважно —
Исполнил свою ли мечту?

Потомок казачьего рода —
Здоровым и крепким ты рос,
Но дед ограничил свободу:
«Трудиться» — и весь тут вопрос!

...Огромный объём той работы,
Что мысленно не охватить —
Взвалил на себя ты заботу,
Стал Родине много служить.

Холодно тебе или жарко,
Знобит ли — и думать не смей!
Для Родины золото важно —
Валюта стране всех нужней.

Спускаешься в шахту бесстрашно,
Ступаешь к шахтёрам в забой;
С времён уважают отважных —
По праву гордимся тобой!

Встаёшь на работу с восходом,
По дедовским правилам рос,
Не стыдно тебе пред народом —
Через годы заботу пронёс.

Наш город растёт, хорошеет,
И в том есть заслуга твоя:
Дома те уютно согреют,
В них счастлива будет семья.

Успешен, умён, образован,
Награды и званья свои
Несёшь ты по жизни достойно.
Пусть сбудутся тайны твои!

Наполни бокалы до края,
Пусть дольше играет вино.
Здоровья и счастья желаем,
Душевным согреем теплом!

Покосная поляна

Заря! Покосная поляна.
Трава в серебряной росе,
Река спокойная в тумане.
Из бора лось во всей красе!
Заря верхушки сосен лижет,
Мы в руки косы не берём.
Вот зверь к воде ступает ближе —
Такая радость, мы замрём!

Ещё любимся — не слышит:
Венец особенный, крутой,
Нам слышно даже, как он дышит,
Воды касаясь бородой.
Заря! Покосное начало.
Коса звенящая в росе...
Шагает к бору величаво
Король лесов во всей красе!

г.Плест

Павел Хрцко

Капитанский сын¹

повесть
(в сокращении)

Часть вторая. Опасное задание

7. Совет у речки Убаган и комары

В предрассветном сумраче, стараясь не шуметь, переправились через Тобол. Сонную тишину приречной долины нарушало только ёканье селезёнок взбирающихся на крутой берег лошадей да негромкие слова команд. Хорошо отдохнувшие за ночь кони сразу пошли рысью. Наступил самый тревожный этап пути. Где-то впереди, возможно, близ озера Кушмурун, затаилась разбойная шайка, поджидавшая богатую добычу. Сводному отряду во главе с поручиком Крыловым надо было предупредить нападение степняков, отвлечь их от караванщиков, рассеять по степи, а если удастся, то и уничтожить. Предстоял бой жестокий и пока непредсказуемый.

Крылов надеялся, что тройка вооружённых соглядатаев, задержанная по ту сторону Тобола, была единственной, и о приближении его отряда разбойники известия не получают, но у них могли быть и другие каналы.

* * *

С утра подул слабый встречный ветер, на смену гиблым такырам пришли чахлые берёзовые колки с желтеющей, но ещё не опавшей листвой, прозрачные осинники, заросшие густой травой. За отрядом уже не тянулся густой шлейф пыли, и дышать стало легче. Копыта ступали на мягкую травянистую землю, и кони пошли ходко, не переходя на шаг. Изредка попадались крошечные, поросшие камышом озера, из которых вспархивали стаи уток, вдаль у самого горизонта порой быстрой тенью промелькивали пугливые стада сайгаков.

Андрей мысленно представил карту местности и поставил себя на место разбойников, стараясь угадать наиболее уязвимые места для нападения на караван. Подумав, он решил, что способнее всего ждать купцов у впадения речки Убаган в озеро Кушмурун — лучшего места и для привала, и для водопоя не найти. Там же, по версии Наумова, должна была состояться и встреча троцкого отряда с сибирскими казаками и караваном. Но то был самый простой, легко угадываемый вариант. Степные тати — коварный и смекалистый на выдумку народец. Вполне допустимо, что они могут напасть и раньше, предположив, что к этому месту может подойти и встречная охрана.

На кратковременном обеденном привале Крылов поделился своими соображениями с вахмистром и Юматовым. Степан только задумчиво поскрёб затылок и ничего не сказал, вахмистр же согласился с опасениями командира и предложил отклониться несколько к югу, чтобы не обнаружить себя раньше времени, двигаться быстрее и выслать дальний дозор к речке Убаган.

В разведку были отправлены две пятёрки самых опытных казаков, условились встретиться у русла речки, подальше от устья. Следом отправился и весь отряд, отклонившись к югу. Частые островки березняка, густые заросли терновника служили хорошей маскировкой и позволяли конникам двигаться с удвоенной скоростью.

¹ Продолжение. Начало в «Графоман» № 4-2016.

Когда солнце начало клониться к западу, отряд остановился у крутобокого шихана, заросшего высоким тальником. Тут же, в густой траве, была водяная жила, неиссякаемый родник. Спешились.

— Где-то здесь начинается Убаган, от неё и пополняется Кушмурун, — высказался вахмистр, — вроде и махонькая речушка, а целое озеро питает, настоящая кормилица.

Вскоре к отряду на взмыленных конях подскочила пятёрка дозорных казаков. Урядник Никишин, один из самых опытных следопытов, доложил Крылову, что у озера и на всём русле речки тати не обнаружены, но у самого устья замечена длительная стоянка. Утоптанная трава, обилие конского помёта, зола от костров. Совсем недавно ушли на восток, видимо, встречь каравану. Следы свежие, а коней, пожалуй, с две сотни.

— Две сотни, говоришь, — задумчиво грызя травинку, протянул поручик, — что, их больше, чем нас?

— Так точно, ваше благородие, — ответил урядник, — но, думаю, что половина коней у них заводные, как и у нас. В запасе держат, дорога-то дальняя.

— Значит, они готовят нападение в другом месте, знать бы где?

— А мне, вашбродь, — оживился урядник, — приходилось и ранее бывать в этих местах. Я, тогда ещё при губернаторе Волкове, сопровождал посыльных на переговоры с ханом Абул-Хаиром. Целый месяц здесь мотался, комаров кормил, их там тучи, да такие здоровые, как...

— Ты можешь подробнее, но только без комаров, — заулыбался Крылов, — изложить свои соображения?

— Виноват, вашбродь, изложу всё, как есть. Там восточнее Кушмуруна местечко есть хитрое, семь озёр в цепочку. Хляби там такие топкие — конь увязнет, не вытянуть, а средние два озера длинные, вытянутые с востока на запад, одно подле другого, как женские черевички, и меж ними ходовая твёрдая тропа. Другого пути поблизости нет, конечно, их можно и обойти, да уж больно далеко, а там райское место. С боков от воды прохладой веет, благодать, рыбка плещется, ни тебе слепней, ни комаров.

— Ты опять про комаров, — перебил его Крылов.

— Виноват. Так вот, при выходе северное озеро так и тянется, а южное обрывается и дальше идёт урёмный чакрыжник, такой мелкий лесочек, смешанный с кустарником. Место для засады самое пригодное. Податься некуда, по сторонам вода, извернуться невозможно, тропа- то и для коня узкая, а для верблюда-жвачника и подавно. Нас там тоже поджидали на обратном пути, да казара — народ дошлый, ходят с опаской. Прознали мы про то, обошли да как жажнули с двух сторон...

— Иван Ипатыч, — перебил говорливого казака Крылов, — что делать-то будем?

— Фролыч дело говорит, Андрей Прохорыч, — ответил вахмистр, заглядывая в свою самодельную карту. Напротив урёмы возвышенное место, кустами да чернолесьем поросло, вот там можно дозору укрыться да понаблюдать, отсель и караван будет видно на подходе, а отряду до времени подалее схорониться.

— На словах у тебя ладно получается, господин вахмистр, а как оно на деле выйдет. Ну да ладно, война план покажет. Вся надежда на вашу разведку, казаки, а уж драгуны не подкачают.

Закончив летучее совещание, Крылов приказал:

— Пока не смерклось, всем ужинать, костров не разводите, отдыхать, но не рассупониваться, как стемнеет, двинемся к Семиозёрью.

* * *

Почти невидимое светило, затянутое мглой, медленно катилось к горизонту, и кроваво-красные лучи его проглядывали сквозь клочья зловещего нагромождения туч. С заходом солнца вдруг потянуло свежестью, зашевелились кусты, пронёсся вихрь, как бы пробуя силы. На миг воцарилась безмолвное затишье, затем поток воздуха снова пришёл в движение, стал усиливаться, потом вдруг засвистало и заухало.

— Вот это нам как раз и надобно, — обрадовался вахмистр, при таком ветрюгане ни топота, ни звяка не услышать.

— А ещё на ветру хорошо блох ловить, — засмеялся Пичкиряев, — они смиренные.

— Тебе, мордвин, лишь бы зубы поскалить, а тут сурьёзное дело.

— Да, я понимаю, Ипатыч, всё идёт нам на удачу, вон и солнышко ночное казачье то глянет, то спрячется. Глянь, как лик свой кажет, даже видно, как Каин Авеля вилами убивает.

— На месяц негоже долго глядеть, — вмешался Мишарин, — в закромах пусто будет.

— А нам нечего терять, — хохотнул Пичкиряев, — у нас и закровов-то нету.

— По коням! — была наконец подана команда, и отряд, где рысью, где шагом направился к Семиозёрью.

Шквалистый ветер не утихал, и отряд двигался без опаски, но когда, по расчетам вахмистра, до озёр осталось не более двух вёрст, была подана команда перейти на шаг. Вскоре их осторожным свистом остановил дальний дозор казаков.

Как и предполагал старина Фролыч, шайка затаилась в урёме, близ выхода из междуозёрья, числом изрядна, до полутораста сабель.

«Учуяли богатую добычу, скучковались, — думал Андрей, слушая сообщение дозорных, — шакалё, поди, со всей степи сбежались».

— Напротив чакрыжника, на гряде, у них пост. Видно с пяток лошадей, но на ближайший шихан они не полезли, лень, да и для коня крутовато. Там теперь укрылся наш дозор.

Чтобы до времени не обнаружить себя, Крылов приказал драгунам затаиться до расвета в берёзовом колке, а казакам, соблюдая все меры осторожности, без запасных коней продвигаться к гряде.

К рассвету ветер утих и пикет разбойников, видно, боясь остаться в стороне при дележе добычи, не подозревая об опасности, скатился с гряды и присоединился к шайке. Драгуны по знаку казаков сразу же продвинулись к возвышенной косе, укрытой густолесьем и затаились в полуверсте от разбойников, ожидая подхода каравана.

8. Две засады и один предатель

Понятовский после ссоры с казаками не находил себе места. Он понял, что в его мнимое родство не верят даже эти безграмотные голодранцы. Драгуны после случая с дозором чурались его. Благоволение коменданта, которому он так радовался, было, видимо, вынужденным, тот наверняка знал о доносе на Крылова и вряд ли будет защищать его по возвращении. Им вдруг завладела рискованная, но, как ему казалась, удачная мысль. Перебежать к кочевникам, предупредить их о готовящемся нападении с тыла, заслужить их уважение, принять участие в дележе добычи, а там будь что будет. Злоба душила его и он, почти теряя рассудок, ждал своего часа, находясь на самом краю длинной цепи драгун, растянувшейся на крутом склоне гряды. Капрал случайно узнал, что степняков раза в два больше, и надеялся на удачу.

Болезненно оживлённый шляхтич не знал только одного, что кочевники никогда не берут в свои шайки чужаков, а тем более европейцев. Это только русские привечали чужеземцев, не гнушаясь ни немцами, ни поляками, ни шведами. Немало инородцев было и среди казаков: тут и калмыки, и татары, и башкиры, и даже пленённые французы.

* * *

Андрей расположился в самом центре своего спешенного отряда, за большим валуном, и наблюдал в подзорную трубу за окрестностью. Уже хорошо были видны следы осени: на взгорочках темнели пожухлые травы, листья берёз тронулись лёгкой желтизной, в ветвях запутались первые паутинки, а в озерке, вытянутом с запада на восток, в эту рань кипела своя жизнь. Беззаботно плескалось великое множество птиц: перевёрнутые вниз головой толстогузые кряквы с торчащими из воды хвостами, появлялись и вновь исчезали остроклювые нырки, особняком держались чёрнопёрые важные лысухи, взлетали и садились проворные чирки, оставляя светлые бороздки на воде. По прибрежному песку сновали голенастые кулички, среди стеблей камыша застыли длинноногие цапли, похожие на застывшие изваяния. Кряканье, свист, гоготанье разносились далеко по округе. Непуганое птичье царство и не подозревало, что вблизи затаились вооружённые люди, готовые вот-вот вступить в кровавую сечу.

Крылов намеревался ударить разбойников с тыла, упредив их нападение на купцов, и теперь боялся только одного, что впереди каравана будет идти малое число казаков и они не смогут выдержать первый, лобовой удар шайки — помощи охраны, идущей в арьергарде, ждать не приходилось. Вся довольно узкая тропа наверняка будет занята неповоротливыми, нагруженными поклажей верблюдами, на это и рассчитывали предусмотрительные тати.

Андрей с беспокойством рассматривал стан противника, пытаясь прикинуть его боеспособность. Среди высокого кустарника видны были осёдланные кони и тёмные фигурки. Их было довольно много, пожалуй, больше, чем в его отряде, как и предполагали казаки. Конечно, преждевременная атака на них могла бы предупредить охранников каравана, но какой ценой. Большая часть отряда наверняка будет потеряна, а до Троицкой крепости не менее восьми переходов, учитывая медленность передвижения и постоянную опасность. Рисковать он не мог.

Поручик не считал себя чересчур воцерковлённым христианином, но рука сама нащупала нательный крест, а послушная память донесла ему затверженные слова молитвы. «Помоги, Господи...»

Обретя некоторую уверенность, Андрей направил окуляр в восточный конец озера и заметил лёгкое облачко пыли. Цепочка животных с хохлатыми головами, с вьюками на спинах уходила к горизонту, перед ними попарно двигалось до полусотни всадников. Поручик облегчённо вздохнул, но тут же подумал, что их поджидают и головорезы, готовясь к нападению. Когда до засады оставалось не более версты, два казака, перейдя на лёгкий галоп, отделились от группы и понеслись вперёд, следом и всё подразделение устремилось за ними, отрываясь от каравана.

«Видно, станичники почуяли недоброе», — подумал Крылов и подал команду приготовиться к атаке.

Выжидая, когда сибиряки сблизятся с противником, чтобы неожиданно ударить сзади, Андрей с недоумением заметил, как с левого фланга драгун выскочил всадник и, размахивая руками, помчался к сабарманам.

— Что он делает? — пронеслось в голове Крылова, — ведь команды не было, он сорвёт всю внезапность нападения.

Поручик приготовился было отдать приказ о перехвате этого недоумка или предателя, но наперерез ему уже неслись два казака. Видя, что его настигают, беглец выхватил пистолет и выстрелил. За деревьями Андрею не было видно, в кого он целился, но, видимо, в ближайшего преследователя. Звук выстрела всколыхнул чуткую утреннюю дрёму и вызвал тревогу в стане степняков. В тот же миг с их стороны выскочил всадник, выхватил лук и, почти не целясь, пустил стрелу в приближающегося драгуна, тот низко склонился на шею коня, и круто свернув влево, скрылся в густом подлеске.

Крылов, ошарашенный всем увиденным, понял, что медлить нельзя, и отдал приказ о немедленной атаке.

9. Бой у семи озёр

Драгуны мигом вскочили на коней, выхватили сабли и с криками: «Ура!» — ринулись вниз, к урёме. В это время основная часть шайки приготовилась к нападению и ждала момента, чтобы смять лёгкий заслон казаков и вырваться к заветному каравану. Их кони и всё внимание этой напряженной плотной массы было нацелено только вперёд. Они не предполагали, да и знать не хотели, что происходит у них в тылу: всё заслоняла одна цель — вырваться к богатой добыче. Сибирская полусотня казаков, встревоженная выстрелом, остановилась в недоумении, но, услышав звон сабель и крики: «Ура», на родном наречии, поняла, что впереди ведут бой свои, соотечественники, и смело кинулась в сечу. Зажатая с двух сторон, свора грабителей бешено сопротивлялась, и, хотя их количество превышало число нападавших, скученность, теснота не позволяли им развернуть коней. Готовя ловушку другим, они сами попали в такую же западню.

Крылову, руководившему боем с возвышенности, хорошо было видно, что происходит внизу, и он изумился неожиданному обстоятельству. Группа головорезов, зажатая в центральной круговерти побоища, видя, что спереди и сзади их теснят драгуны и казаки, чтобы спасти свои жизни, стали прорубаться на север к озеру, не щадя своих же поделщиков.

— Они ж лютого зверя хуже, — возмутился Андрей, — если они даже своих рубят, то что было бы, попадись им в лапы купцы или наш брат служивый, на куски бы разодрали.

Небольшой группе разбойников всё же удалось прорубиться к озеру, и они, ухватясь за хвосты своих мохноногих лошадей, поплыли к другому, топкому берегу, надеясь выбраться, но это им не удавалось. Беспрерывная ружейная пальба раз за разом беспощадно выкашивала сбившуюся в кучу беспорядочную толпу опасных степных татей, не давая им вырваться из смертельной ловушки. Вскоре бешеная сеча стала утихать, грабители, зная, что их ожидает, живыми в плен не сдавались.

Обшаривая прибрежный лесок в поисках разбежавшихся разбойников, драгуны наткнулись на капрала Понятовского. Он лежал на спине, из его правого предплечья торчал конец стрелы.

— А поляк-то живой, — закричал молодой драгун, — лицо бледное, но дышит.

Капрал открыл глаза и еле слышно просипел:

— Помилуйте, братцы.

— Ага, теперь и братцев вспомнил. Твои-то братцы вон в озере потонули, — не унимался драгун, — ну что, знатно угостили тебя степнячки? А ты сдуру к ним подался, иуда! Ну, что будем с ним делать? Сразу прикончим или на суд?

Доложили Крылову, спросили, что делать с беглецом.

— Что делать? — неожиданно взорвался поручик. — Не знаете, что делать? Выньте стрелу да рану перевяжите, пусть с ним в крепости разбираются. — И тихо добавил: — пятерых ребят эти мерзавцы положили. Не уберёг я их, если б этот негодяй не сорвал внезапность

атаки, может, они б и живы остались. Домой не довезти, придётся в чужой земле хоронить. Вот где горе. Что я их семьям-то скажу?

* * *

Вскоре показался и караван. Избранный староста купцов, почтенный караван-баши, отправил к Крылову своего караванного жоака, чтобы прояснить обстановку. Юркий раскосый посланник в цветном тюрбане и полосатом халате, подпоясанный белым платком, соскочил со своей низкорослой лошадки и встал перед Андреем как вкопанный. Приложив руки к груди и голове, низко поклонился. Мешая русские слова с тюркской речью, усердно жестикулируя, он пытался что-то объяснить или узнать.

Поручик, опечаленный гибелью драгун своего взвода, сидел на седле и смотрел невидящими глазами на раскосого машущего руками азиата, с трудом улавливая смысл его речи.

— Андрей Прохорыч! — коснулся руки поручика вахмистр. — Да ответь ты этому халатнику в конце концов.

— А что ему надо? — опаматовался Крылов.

— Он справляется о здоровье «господина капитана» и хочет узнать, можно ли им двигаться дальше.

— Ну, так переведи ему, что пока не похороним своих ребят да и этих басурман не закопаем, с места не тронемся. Пусть купчишки подмогу присылают, из-за них же такая вот свара приключилась.

Оправившись от жестокой схватки, теперь уже породнившиеся драгуны и казаки троичские и сибирские перевязали раны, выловили трофейных коней и приступили к главному делу. По христианскому обряду обмыли павших казаков и драгун, прочитали молитвы и, выкопав общую могилу на взгорочке, открытом всем ветрам, схоронили служивых, обложили камнями и поставили крест, сбитый на скорую руку. На месте жаркой схватки, в буерачнике, вырыли большую яму, уложили и сабарманов, положив сверху большой плоский камень.

— Хоть и нехристи, а тоже души, — поморщился сердобольный казак Фролыч.

Когда завершили все неотложные дела, солнце перевалило за полдень. Крылов, принявший командование над всеми служивыми, принял решение пройти с караваном на запад, до озера Кушмурун. По ровной степи набиралось менее десяти вёрст, там сделать ночёвку, ну и помянуть по-христиански.

г. Троицк

Наталья Сумина

Дочь-мать

— Нина! Нина! — слышу сквозь сон, — Маму бьют. Нина, проснись, спаси её.

Соскакиваю. Ничего не понимаю. Братик и сестрёнка, младше меня на пять лет, хватают за руки. Испуганные лица. Глаза, готовые вот-вот заплакать.

— Нина, маму убивают.

— Где?

— Там, на кухне.

— Надо спасать.

— Там дверь закрыта и не пускает кто-то.

— Ничего, что-нибудь придумаю.

Бегу через комнату к коридору на кухню. Действительно, там слышится чужой женский голос. По своему малолетству не понимаю, что происходит. Потом слышу удары, и мамин голос не то оправдывается, не то что-то другое.

Дверь в коридор действительно закрыта. Сквозь стекло вижу, что держит её какой-то мужчина, опершись спиной. Толкаю. Дверь лишь чуть-чуть поддаётся, но не открывается. Мне повезло, что она состоит из двух створок и открывается наружу. Толкаю сильнее. Тот, кто её держит, покрепче упёрся спиной. Тогда я начинаю изо всех сил с разбегу толкать её плечом.

Братик и сестрёнка, прижавшись друг к другу, стоят в стороне. Снова слышу мамин голос и удваиваю усилия. Не жалею себя. А зачем? Ведь если не будет мамы, то как же мы, её дети, будем жить дальше? Отца-то нет. Умер два года назад. Тупо и нещадно бьюсь в дверь. Наконец-то мои усилия увенчались успехом. Дверь на мгновение приоткрылась, и я просто вывалилась в коридор. Подняла голову. Оказалась в окружении трёх мужчин. Они смотрели

на меня удивлённо и озадаченно. Ведь я была ещё ребёнком. В свои тринадцать лет выглядела моложе. Невысокая, худющая, заспанная. С такой решимостью с глазами, что они просто растерялись. Инстинктивно я это почувствовала. Решила этим воспользоваться.

— Ну что? Может, и меня будете бить? Трое мужиков и маленькая девочка. Герои. Не трогайте мою маму! Что вам здесь надо? Зачем пришли? Уходите отсюда! Вон!

Я кричала изо всех сил. Вкладывая в крик всю злость, которую только смогла собрать тогда. Пробивалась к матери. Она сидела на полу кухни с разбитым лицом, растрёпанными волосами. А над ней стояла какая-то женщина и, видимо, в чём-то её обвиняла.

Мама увидела меня, всё поняла и встала на ноги. Потом быстро проскользнула за мою спину, укрываясь там. Я раскинула руки, защищая её. Страх не было. Хотя было опасно. Если бы хоть один из них ударил меня, то мог и убить. Много ли ребёнку надо?! Я готова была умереть. Ведь умерла бы за маму.

Продолжая кричать, гнала их из дома. Уже охрипла. Не знаю, может мои напор внушил им уважение, а может, просто надоело, но, прокричав что-то напоследок, они ушли.

Вот тут-то мне стало страшно. Весь ужас сделанного стал доходить до меня.

Мама. Я бросилась в комнату. Она была в спальне и полотенцем вытирала кровь с лица. Брат с сестрой стояли с ней и тихонько плакали.

Я подошла к маме, хотела её обнять, успокоить. Ведь опасность миновала. Текли слёзы. Хотелось утешить и утешиться. Мама, ведь я молодец. Я заступилась и прогнала обидчиков. Мама, я так люблю тебя!

Когда я протянула к ней руки, чтобы обнять, она ударила меня. Сильная пощёчина сбила с ног.

— Кто тебя просил вмешиваться?

— Как? Тебя же били! Я заступилась за тебя.

— Я тебя не просила об этом. Ты, дрянь, влезла не в своё дело! Не смей больше лезть в мои дела!

Весь мир рухнул на меня. Не понимая, в чём провинилась, я села на кровать. Щека жутко горела. От боли потекли слёзы. Потом до меня начал доходить смысл. Чудовищный смысл произошедшего. Значит, храбрость моя никому не нужна? Значит, я никому не нужна? Но я же заступалась за свою семью. Опустошённость, ненужность, никчемность проникли в мою душу, мозг. У меня началась истерика. Я захлёбывалась слезами. Ревела во весь голос, хрипела. Умереть! Хотелось умереть от горя. Начала дёргаться нога. Она смешно подпрыгивала, и я старалась удержать её руками. Было страшно, что мама увидит и это разозлит её ещё больше. И в то же время глубоко в душе теплилась надежда, что мама, наоборот, пожалует меня. Утешит. Успокоит. Ведь я её дочь, я всё прощу.

— Что задёргалась? Запритворилась. Перестань сейчас же!

Это было как новый удар. Не пожалела. Не любит. Я жизнь за неё отдавала. Значит — не нужна она ей. Значит — не любит. За что?

Мама ушла на кухню. Умылась, успокоила младших детей.

Мои силы иссякли. Лежала и всхлипывала. Надежды, что мама всё же придёт и меня тоже успокоит, не было.

Снова нахлынуло чувство ненужности, одиночества. Нелюбимая дочь! Почему?

* * *

Вдова! Как тяжело стать ей в тридцать четыре года! Трое детей на руках. Работа. Дом. Кому я нужна?

А так хочется тепла! Любви. Нормальной семьи.

Толик такой хороший. Сильное тело. Умелые руки. Хорошо, что он успел уйти. Его жена-стерва с братьями выследили нас. Больше он не придёт. Всё обещал, что бросит жену. Я верила. Хотела верить. Хотя умом понимала, что я для него всего лишь забава. Теперь точно бросит. Меня. Что же мне делать?

Снова холодная постель и жгучие слёзы в подушку. Тоска, разрывающая сердце и отравляющая душу, снова мои ночные спутники.

А сегодня? Звонок в дверь. Думала, что Толя вернулся. Может, забыл чего, а может, передумал уходить. Зачем я открыла?

Его жена. Танька. Дети спали. Я молилась, чтоб они не проснулись. Надеюсь потихоньку договориться. Молча сносила её удары. Но она начала кричать на меня. Била и кричала. Её братья караулили двери и окно. Младшие дети проснулись. Стали звать меня. Что я могла ответить? Молчала. Молилась, что бы всё быстрее закончилось. Терпела. А Танька всё не унималась. Распалась, била всё сильнее, всё смелее, кричала всё громче. Да, я тварь, спала с женатым мужчиной. Со всем согласна. Только быстрее бы всё это кончилось. Может проснуться Нина. Она уже большая. Она может всё понять.

Ах, Нина, Нина. Дитё, зачатое в любви и рождённое в ненависти. Зачем ты мне дана? Кажется, дети ушли от двери. Нет, не будите Нину. Только не она!

В комнате все немного утихло. Что это за звуки? Удары в комнатную дверь? Они что, дверь ломают? Зачем? Что за крики? Нина? Зачем она пришла? Это же опасно. Что кричит? Ударили её? Нет. Это она их гонит. Господи, как стыдно! Почему ты не умерла при родах? Почему ты выжила? Мне на горе. Как стыдно! Сбежать. Уйти. Забиться в самый дальний угол. Да что же она всё кричит?! Ненавижу!

А вот и младшенькие мои. Деточки, не плачьте. Сейчас я вас умою. Немножко только подождите. Что это? Хлопнула дверь? Ушли! Наконец-то! Деточки мои, не плачьте, я с вами. Сейчас кровь остановлю, и пойдём умываться. А вот и Нина. Только не смотреть ей в глаза. Иначе возненавижу её ещё больше. Такое унижение! Мне пришлось прятаться за её спину. Никогда ей этого не прощу. Лучше бы меня избили. Руки ко мне тянет. Нет, только не её жалость! Ударить, стереть её собачью преданность. Вставай! Не смотри на меня так! Не дёргай ногой, останови. Не унижай меня ещё больше.

Уйти от неё. Занять себя чем-нибудь. Надо умыться. Умыться малышей. Маленькие мои, всё хорошо. Всё закончилось. Пойдём в кухню. Нина сама успокоится. Она же такая сильная и храбрая. Быстрее бы она куда-нибудь уехала. Быстрее бы школу закончила и уехала.

В какую чудную ночь она была зачата! Как мы с её отцом любили друг друга! Как ждали её рождения. Она так торопилась жить, что родилась преждевременно.

Как он мог не поверить, что это его дочь!? Какой жуткий скандал устроил в роддоме. Как он кричал на меня! Как обещал бросить, развестись со мной. Если бы не акушерка, которая принимала роды, так бы всё и вышло. Мы остались вместе. Он просил прощения. Подарил подарок. Рано утром забрал домой. Я простила его, но не смогла простить её. Почему она поторопилась на свет? Почему разбила мою любовь?

Все эти годы мне хотелось разбить стену, что встала между нами. Она тоже старалась её сломать. Но чудовищная преграда из старой обиды не ломается. Она стоит и будет стоять вечно. Прости меня, дочь! Я не смогу простить тебя!

г. Нязепетровск

Наталья Паршукова

Уголовное дело¹

Реальные события двухтысячных годов

(повесть)

Не ждали...

Нежелание Советского районного суда снять арест с имущества Пашиных. Надежда Евгеньевна обратилась с письмом в Федеральную службу безопасности России. Ответ из «безопасности» пришел вовремя. Нарушена статья 39 п. 2. ГПК РФ в отношении Пашиной Н. Е. 25 апреля состоялось судебное заседание по приостановлению производства ареста. Обязать приставов приостановить производство. Судья Сергеев А. И. выслушал Надежду Евгеньевну и Бай В. Н. — пристава. Но все пошло не так. Вмешалась эпилепсия. С приступом Надежду Евгеньевну увезла «скорая». Судья Сергеев А. И. видел этот приступ. Петра не было в заседании. Петр был на обследовании и на приеме у врача по своему здоровью. Здоровье Пашиных пошатнулось окончательно за два года нервного напряжения. Переписки с прокуратурами, судами, следствиями дали о себе знать. Петр после всего сорвался и ушел из дома. Его вернули домой через 28 часов: постовая служба привезла на машине, что повлекло за собой последствия. Сергеев А. И. получил документы: обращение в ФСБ России и ответ из ФСБ, заявление на следователя Никову Т. К. и его решение по этому заявлению — Сергеева А. И., судьи. В дополнение к административному заявлению о приостановке дела по аресту имущества Пашиных с формулировкой «разберитесь в своих действиях, судьи Советского района, иначе события будут трагичными». Пашины доведены до крайности. Готовы уничтожить свое имущество. Погибнут сами. Закон идет вразрез жизнеспособности Пашиных. Это уже не закон.

Получили ответ, что началось следствие в защиту Пашиных из ГУМВД по Бийской области. Настрой Пашиных — не сдаваться! Нельзя уступать даже законам. Если с экранов

¹ Продолжение. Начало в «Графоман» № 3-2018.

телевизоров политологи заявляют: «истинной справедливости априори нет». Так получается, что жизнь человеческая априори отсутствует? Только власть и деньги? Абсурд...

г. Челябинск

(Продолжение следует)

Андрей Смолюк

89

Графман № 3(39)-2019

Как я жену доконал...

В больнице, всем известно, скуотища ужасная. Ну поспал, ну книжку почитал, ну с мужиками поболтал, вот и всё. Но на горе всем родственникам людей, которые лежат в больнице, придумали такую штуку, как сотовый телефон. И вот как тоскливо становится до неспособности, так звонишь домой, чтобы с кем-нибудь поболтать.

Я от всех не отстаю, также пользуюсь сотовым телефоном, когда тоскливо становится донельзя. Звоню я, конечно, жене, ну иногда сыну, а больше мне звонить-то и некому. Сын работает, ему особо не до моих звонков, поэтому я в основном звоню жене.

Ну а поскольку тоскливо донельзя в больнице почти всё время, так я всё время жене звоню. За деньги я не беспокоюсь, поскольку, незнамо почему, жена может звонить бесплатно. Поэтому сначала я звоню, жена делает на своём телефоне занято, о чём мне сообщает приятный женский голос по телефону. Я отключаюсь и жду, когда мне будет звонить жена. Делает она это быстро, и через минуту-другую мы с ней разговариваем.

И вот в один из не очень прекрасных дней (ну какие ещё дни в больнице), когда тоска по дому меня заела окончательно, я стал звонить домой через каждые двадцать минут.

Сначала жена отвечала на мои звонки охотно, с радостью в голосе, потом радость пропала и появилась тоже тоска, и она мне сказала:

— Слушай, тебе что, заняться нечем. У меня дел полно, а ты мне мешаешь. Так что звонить звони, но, пожалуйста, пореже, а то я ничего не успею сделать, что наметила.

Я, конечно, всё это понимаю, но уж больно тоскливо сегодня было мне.

— Ладно, — сказал я в трубку, — постараюсь.

И старался я ровно полчаса, а потом опять позвонил жене.

А жена, как ни странно, рассмеялась и сказала:

— Надолго же тебя хватило. Я вот картошку чищу для супа уже минут сорок, и все из-за твоих звонков. Если так пойдёт и дальше, то то часам к десяти вечера суп я сварю. Так что, милый мой, хороший, звони пореже.

После этого она отключилась, и я остался опять один на один с больницей.

— Ладно, — решил я, — не буду мешать супруге, пусть она сварит суп к трём часам.

А время было что-то около часу. Мне ничего не оставалось делать, как поспать, а потом пообедать. После обеда все мужики легли дрыхнуть, один я бодрствовал, потому что выспался.

Звоню жене, чтобы узнать, сварила ли она суп.

— Представь себе, довариваю, — ответила жена мне, — но если ты опять будешь звонить через каждые пятнадцать минут, то ты меня с этим супом доконаешь.

— Хорошо, — заметил я, — потерплю ещё два часа.

Но меня хватило ровно на двадцать минут.

— Ну, что тебе ещё надо? — уже недовольным голосом сказала супруга. — Если ты со звонками не утихомиришься, то я отключу телефон.

— Не надо отключать телефон, он ещё пригодится, — заметил я.

— Тогда не звони так часто!

— Хорошо, — ответил я, — постараюсь.

Старался я ровно двадцать минут, а потом опять звякнул супруге, чтобы она меня похвалила за моё старание.

— Если бы ты сейчас оказался дома, — заметила жена, — то за твоё «старание» я стукнула тебя бы поварёшкой по голове.

И тут до меня дошло, что я действительно доконал жену своими телефонными звонками.

— Всё, — сказал я, — даю тебе честное слово, что до девяти вечера я звонить не буду.

— Посмотрим, посмотрим, — съехидничала жена.

Ну, раз слово дал, надо его держать.

Чем я только ни убивал время до девяти часов. Я и гулял по коридорам, я и дремал, я и книжку читал, хотя читать мне совершенно не хотелось. Одним словом, своё слово я сдержал, хотя мне это было тяжело.

Ну а в девять ноль-ноль я жене позвонил и пожелал ей доброй ночи. А жена мне сказала на прощание:

— Ты меня сегодня доконал своими звонками, так что, пожалуйста, не делай этого завтра.

— Хорошо, — буркнул я, хотя завтра — это будет завтра, и там мы увидим, как что получится. По крайней мере, свой мобилу я поставил на зарядку, так, на всякий случай.

г. Снежинск

Зоя Романова

Волшебный ларчик

(сказка)

Давно-давно это было. Жили в небольшой деревушке под названием Добринка дед Максим да жена его Анисья. Жили не богато, не бедно, хозяйство небольшое имели да преданного помощника, пса по кличке Верный. В ту тёмную осеннюю ночь услышал Верный, что возле ворот кто-то ходит да тихонько стучит, и громко залаял.

— Максим, вышел бы ты на улицу да посмотрел, на кого Верный лает, надрывается, не случилось ли что там, — сказала Анисья мужу.

Открыл дед ворота, а там стоит девочка лет восьми, вся в слезах, дрожа от холода. Привёл он её в дом — стали расспрашивать старики, откуда она явилась в такую глухую ночь одна.

— Как тебя зовут, милая, и откуда ты? — спросила Анисья. Ещё сильнее расплакалась девочка и поведала историю своей жизни.

— Мы с мамой жили в доме у её подруги, мама очень тяжело заболела. А потом, когда она умерла и её похоронили, то тётя Настя мне сказала: «Иди, Марийка, куда хочешь, ты мне здесь не нужна, у меня своих нахлебников хватает. Может, тебя в работницы кто возьмёт». Собрала она мне на дорогу узелок, положила немного хлеба да воды дала. Вот я и пошла, куда глаза глядят, и постучала в ваши ворота.

Засуетились Дед Максим с бабушкой Анисьей, накормили, напоили да спать уложили Марийку.

— Спи, милая, спокойно, здесь тебя никто не обидит. Утром обо всём поговорим.

Уснула Марийка сразу крепким сном, а старикам не спится. Наконец дед Максим сказал:

— Не страдай больно-то, Анисья, это хорошо, что девочка к нам постучала. У Марийки нет никого, вот мы ей и станем родными, а она нашей помощницей будет на старости лет.

— И то правда, Максим, ни к чему, видать, я разволновалась — радоваться бы мне надо.

Проснулась утром Марийка и снова в слёзы, да кое-как успокоилась. Напекла бабушка Анисья пирожков, и за стол все сели.

— Вот что, Марийка, ты нам очень понравилась, и мы решили с дедушкой тебя в дочки взять, нет у нас деток. Ты нам помогать будешь, а мы тебя не обидим и зла не причиним, не бойся.

На том и решили, и стали все мирно да дружно жить. Марийка оказалась хорошей помощницей, жили в достатке и относились друг к другу с уважением. Время шло незаметно, постарели и здоровьем ослабли дед Максим с бабушкой Анисьей, а Марийка выросла и становилась всё краше да милее. Однажды бабушка Анисья сказала: «Зайди, Марийка, в горницу, мне с тобой поговорить надобно. Сегодня твой день рождения, и я тебе хочу сделать дорогой подарок». Бабушка Анисья достала из своего сундука квадратный ларчик, сделанный из тёмного душистого дерева, и, подавая серебряный ключик, сказала:

— Марийка, этот ларчик достался мне от моей бабушки, он волшебный, а открыть его сможет только тот человек, у которого чистая, добрая, непорочная душа, и только этому человеку ларчик откроется и принесёт счастье.

Марийка замерла на мгновение, а потом отодвинула серебряную гравировку и повернула ключик. Ларчик открылся. Марийка ахнула от изумления и долго смотрела на открывшуюся ей красоту драгоценного ларчика, в котором лежали серебряные ножницы, шёлковые разноцветные нитки, иголки, золотое колечко и серебряный напёрсток.

— Неужели это всё моё? — недоумевающее глядя на ларчик, произнесла Марийка.

— Всё твоё, доченька, но пока твоя совесть чиста, а если ты станешь творить зло, обижать больших, старых, брать чужое, то это добро обернётся тебе большим горем.

Марийка со слезами на глазах благодарила бабушку Анисью. А бабушка взяла серебряный напёрсток и надела на палец Марийке и, указав на шкатулку, сказала:

— Здесь всё есть, и, если ты, Марийка, научишься шить и вышивать, будешь мастерицей, тогда счастье к тебе само придёт. А теперь посмотри ещё внимательней: в сундуке много чего есть для вышивания!

Долго не могла Марийка ночью уснуть, а когда уснула, то снилось ей, что она вышивает большой ковёр с красивыми цветами на зелёной поляне, а с неба, улыбаясь, смотрит на неё Бог. Проснувшись рано утром, она, не откладывая, решила взяться за дело. Прошло время, и вскоре слава о прекрасной мастерице разнеслась далеко за пределы деревни Добринки. Однажды, когда Марийка сидела за работой, к дому подъехал молодой человек, ловко спрыгнув с коня, вошёл во двор. Он попросил разрешения у стариков посмотреть работы мастерицы и, если понравится, купить.

Молодой человек вошёл в комнату, где работала Марийка, и остановился в нерешительности. Перед ним стояла редкой красоты стройная девушка с русой до пояса косой и ясными голубыми глазами. На стене висели работы, сделанные её руками. Молодой человек почувствовал себя так, будто он находится в райском уголке, где живёт чудесная девушка по имени Марийка. С удивлением и интересом рассматривал он картины, и вдруг его глаза встретились с глазами Марийки, оба они растерянно смотрели друг на друга, боясь пошевелиться. Наконец Марийка произнесла:

— Вы хотели что-то купить из моих работ?

— Ах да, конечно! — спохватившись, ответил молодой человек. — Я знаток в этом деле, умею оценить их по достоинству и покупаю ваши две картины.

Не спрашивая о цене, он тут же положил на стол золотые монеты.

— Я уезжаю, давайте на прощание познакомимся. Меня зовут Алексей или просто Алёша.

Молодые люди посмотрели друг другу в глаза, и им показалось, что они очень давно знают друг друга. Но тут же, попрощавшись, Алёша отправился в обратный путь. А дед Максим с бабушкой Анисьей, увидев на столе золотые монеты, ахнули:

— Марийка, за эти деньги в нашей деревне можно купить хороший дом! А молодец-то красавец, такого во всей округе не найти.

После той встречи прошло совсем немного времени, и Алексей снова появился. Зайдя в комнату Марийки, он произнёс:

— Марийка, я с первого взгляда полюбил тебя, ты мне часто снилась ночами. Я не могу больше без тебя жить и предлагаю тебе руку и сердце.

Вскоре деревня Добринка узнала о предстоящей свадьбе Алёши и Марийки. Узнал об этом и Васька, местный житель по прозвищу Баламут, который повсюду преследовал Марийку, предлагая выйти за него замуж. Однажды Марийка поздно вечером пошла за водой на речку, Баламут подкрался к ней и, схватив за руки, сказал:

— Вот, ты теперь от меня никуда не денешься, станешь моей женой. Будешь для меня вышивать, а я буду продавать, и заживём мы с тобой, Марийка, богато и счастливо! Я люблю тебя, ты ведь об этом знаешь!

— Никогда этого не будет, я люблю другого и выхожу за него замуж, и ты об этом тоже прекрасно знаешь! Отпусти меня, прошу тебя!

— Никуда ты не денешься! — зло сквозь зубы сказал Баламут. Он зажал Марийке рот, силой притащил к себе домой и закрыл на замок в бане.

— Поживёшь в темноте да на воде с кусочком хлеба, сама придёшь!

— Никогда! Я лучше умру, но твоей женой никогда не буду, запомни это! — ответила Марийка.

— Посмотрим! — зло и глухо прошипел Баламут и решил Марийку взять на измор, принося ей в день кусочек хлеба и воду.

Потеряли покой дед Максим и бабушка Анисья: плакали, разыскивали. Весть об исчезновении Марийки дошла и до Алексея. Они прилагали все усилия, чтобы разыскать любимицу Марийку. Но она как в воду канула, находясь под строгим контролем Баламута.

Однажды Марийка сказала:

— Принеси мне свечку, нитки разных цветов да иголку, я буду вышивать, а ты продавать. Не могу я сидеть без дела.

Согласился Баламут. Марийка сидела днём и ночью при свече, вышивая одновременно две работы, чтобы не заподозрил Баламут. Она очень торопилась и мало спала. А когда работы были готовы, спрятав надёжно одну из них, Марийка сказала:

— Продай эту картину, а мне разреши выходить во двор подышать свежим воздухом: я задыхаюсь в бане.

— Согласен. Только рот буду закрывать тебе платком, а руки буду связывать.

Марийка согласно кивнула. Несколько раз выходила Марийка во двор в сопровождении Баламута, и каждый раз слышала, как пробежал, повизгивая, у ворот пёс Верный. Когда бдительность Баламута ослабла, и он отлучился, Марийка, изловчившись, освободила руки и бросила свёрток с картиной пробегающему мимо двора псу Верному, скомандовав:

— Домой, Верный!

Подошедший Баламут удивлённо заметил:

— Как ты смогла развязать руки?

— Ты сам слабо завязал, а я хотела поправить волосы и только приподняла руки, как верёвка развязалась. — ответила ему Марийка.

Однажды старики увидели у бегущего Верного в зубах свёрток. Развернув его, дед Максим произнёс от радости:

— Анисюшка, Марийка-то наша жива, её вышитую работу принёс Верный!

Сообщили сразу старики Алексею, который не прекращал поисков Марийки. Когда Алексей рассмотрел рисунок картины, то нашёл на кромках вышитые буквы, незаметные для постороннего глаза, где было указано место нахождения Марийки.

В тот же день Марийка была освобождена. Измождённую, болезненную привёз Алёша Марийку к старикам. Все радовались и плакали, что Марийка жива, и вместе со всеми домочадцами радовался пёс Верный, не отходя от Марийки.

Прошло немного времени, и Марийка с Алёшей поженились. А дед Максим и бабушка Анисья дождались внуков. Жили вместе все дружно и счастливо. Марийка прославилась на всю округу. Она продолжала вышивать очень красивые картины, которые пользовались большим спросом. Рядом с Марийкой был всегда волшебный ларчик, который помог ей найти счастье, радость и любовь.

г. Копейск

Николай Банных

На Крутояре

пьеса в трех действиях

Действующие лица:

Мальшев Валерий Александрович, 42 лет.

Филатов Петр Иванович, 44 лет, друг Мальшева.

Смирнова Татьяна Сергеевна, 42 лет.

Смирнова Лена, её дочь, 20 лет.

Серебрякова Анна Ивановна, 68 лет, мать Т. С. Смирновой

Юноша и девушка, оба лет 20.

Прохожие, отдыхающие около реки.

Небольшой провинциальный уральский город.

Высокий берег местной реки. Июль месяц, жаркий день. 4 часа пополудни.

Действие I

За кулисами слышны голоса купающихся. Усиливающийся шум моторной лодки. Затем возмущенные крики: «Что вы творите! Хулиганье!» Минуты через две появляются Мальшев и юноша, которые ведут под руки испуганную Лену. За ними идёт девушка, которая несёт платье, шляпку и босоножки Лены. Наглотавшаяся воды Лена откашливается. Её усаживают на скамейку. Мальшев садится рядом.

Девушка (обращаясь к Лене): Я принесла Ваши вещи и положу их на скамейку.

Лена: Спасибо.

Юноша: Я вижу, с Вами всё в порядке. Мы пойдём обратно к речке.

Лена: Вам тоже большое спасибо.

Юноша и девушка уходят.

Мальшев: Обнаглели парни, на моторной лодке гоняют рядом с купающимися.

Лена: Большое Вам спасибо. Как только вынырнула, волна от моторки захлестнула меня. Я наглоталась воды. Хорошо, что Вы оказались рядом и спасли меня.

Мальшев: Какой я спасатель, и плаваю-то не очень. Вы бы и сами выбрались, там же неглубоко.

Лена: Нет-нет, я благодарна Вам. Мне бы самой не выбраться, Уж очень я испугалась.

Мальшев: Слава богу, наконец-то Вы успокоились... Мне необходимо одеться. Я схожу за своими вещами.

Лена: Да, конечно, идите.

*Мальшев уходит. Лена одевается и снова садится на скамейку.
Через некоторое время появляется Мальшев и садится рядом с Леной.*

Мальшев: Вы впервые купались на Крутояре?

Лена: Что значит на Крутояре?

Мальшев: В детстве мы это место называли Крутояром. Видите, какой обрывистый берег? Мы с ребятами любили здесь купаться.

Лена: Правда я не знала, как называется это место, но частенько прихожу сюда. Мне нравится здесь не только купаться, но и просто сидеть, смотреть на речку. Вот кто-то тут соорудил скамеечку.

Мальшев: Мы даже не познакомились. Меня зовут Валерий... Валерий Александрович.

Лена: А меня — Лена... Лена Смирнова.

Мальшев: Чем же занимается Лена Смирнова в свободное от купания в реке время?

Лена (*внимательно посмотрев на Мальшева и выдержав паузу*): Вообще-то я студентка педагогического университета. Перешла на четвертый курс. В этот город приехала на каникулы к бабушке. А кто Вы по профессии? Уж не спасатель ли?

Мальшев (*смеясь*): Нет, я не спасатель. Я всю жизнь занимаюсь разными работами. Одним словом — разнорабочий.

Лена: Что-то Вы не похожи на разнорабочего... Вы постоянно проживаете в этом городе?

Мальшев: Что Вы, Лена! Я не был здесь двадцать четыре года.

Лена: А я вначале подумала, что Вы местный. То-то я Вас никогда не встречала. Городок небольшой, а я здесь бываю почти каждое лето. Чаще одна приезжаю к бабушке, иногда с мамой. Мама родом из этих мест.

Появляется Филатов.

Мальшев: Петя?! Здравствуй!

Филатов: Здорово, Валера! (*Обнимаются*) Что же ты сбежал, жена сказала, что, как только прибыл к нам и сразу на Крутояр.

Мальшев: Я решил до твоего прихода с работы сходить на наше любимое место отдыха... Леночка, извините, познакомьтесь, это мой друг Пётр, жили когда-то в одном дворе. Долго не виделись.

(*Обращаясь к Петру*) Это очаровательная девушка Лена, мы только что с нею познакомились. (*Лена и Пётр пожимают друг другу руки*)

Лена (*обращаясь к Петру*): А как Вас по отчеству?

Филатов: Можете называть меня Петей, а вообще-то я Иванович. (*Засмеявшись*) Леночка, опасайтесь этого ловеласа. Он, наверно, уже и стихи свои Вам читал?

Лена: А что, Валерий Александрович стихи пишет?

Мальшев: Не слушайте его, Лена, он всегда был шутником.

Филатов: А про нашу церковь писал, забыл? Я вот что-то помню.

При въезде в город утром рано,
Как великана голова,
Вдруг вырастает из тумана
Родная церковь Покрова.

Валера, извини, я же сразу с работы. Сейчас искупнусь в родной реченьке, а потом пойдём ко мне. Леночка, извините тоже.

Филатов уходит к реке.

Лена: Какой это церкви декламировал сейчас Ваш друг?

Мальшев: Видите там, вдаль, на самом берегу реки стоит полуразрушенный храм. Это наша церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Её закрыли в 30-х годах прошлого столетия. С её купола сняли кресты, сбросили колокола, и церковь постепенно разрушалась. Но, как я узнал, её хотят восстановить. Она была видна из окон нашего дома. В детстве в ясную

летнюю погоду, просыпаясь под брызги лучей солнца, я, радостный, подбегал к окну и смотрел вдаль и там, вдали, видел нашу церковь, которая словно плыла по реке. Из моей груди вырывался восторженный крик. Этот крик являлся для меня, мальчишки, гимном радости жизни при виде восходящего солнца, бирюзового неба и плывущей куда-то вниз по реке нашей красавицы церкви.

Лена: Вы так восторженно говорите об этом храме, а мне кажется, что это обыкновенная церковь.

Мальшев: Лена, неужели Вы не рассмотрели её?

Лена: Я как-то не обращала на неё особого внимания.

Мальшев: Как Вы можете так говорить. Я немного расскажу о нашей церкви. Её строили наши предки в начале XIX века. Храм решили возвести на высоком берегу реки, но и это им показалось мало. Они доставляли туда грунт, и ещё выше поднимали холм. Более того, рядом с холмом протекал ручей, впадающий в реку. Ширина ручья была увеличена, и таким образом храм оказался возведенным как бы на полуострове. Через ручей был выстроен мост, а от него высокая лестница, ведущая к центральному входу нашей красавицы. Её ведь показывали уже по центральному телевидению. Я с восторгом глядел тогда в экран телевизора, находясь за тысячи километров отсюда. А какие на звоннице были колокола!

Подходит Филатов, надевая на ходу рубашку.

Филатов: Колокола обычные, как на всех церквях.

Мальшев: Звуки колоколов распространялись вверх и вниз по течению реки, достигая до ближайших сёл и деревень. И часто с замиранием сердца слушали люди не только нашего города, но и всех окрестных сёл малиновый звон колоколов этой церкви.

Филатов: Да никакой он не малиновый, не сиреневый, не вишнёвый. Звон, он и есть звон.

Лена: А правда, откуда Вы это знаете?

Мальшев: Я слышал это от старожилков, но мне кажется, что я и сам слышал эти чарующие звуки. И каждый раз, когда я подхожу к церкви, у меня в ушах раздаётся этот звон колоколов. Он и сейчас раздаётся. Прислушайтесь. Слышите, Лена?

Лена: Нет, я ничего не слышу.

Мальшев: Ну как же, Вы и представить не можете?

Лена: Нет.

Мальшев: Вы хорошенько прислушайтесь... Слышите? Бим-бом-бам...

Лена: Вот теперь, кажется, что-то слышу. Во всяком случае, могу представить.

Мальшев: Да Вы, Леночка, просто умница.

Филатов (с улыбкой): Может, ты и меня научишь слышать твой малиновый звон.

Мальшев: У тебя, Петя, уши мхом заросли, да ещё медведь потоптался. Не то правда, не то легенда, но люди, которые сбросили кресты и колокола, жестоко поплатились за это. Один, не удержавшись, сорвался с купола, упал с высоты, и вскоре в муках умер. Жена заболела, а дети ходили по городу, прося милостыню. Другой же зимой пьяным замёрз на улице.

Лена: Как это ужасно!

Филатов: Валера, хватит этих ужастиков, совсем расстроил девушку. Идём домой, Валентина заждалась нас.

Мальшев: Леночка, с Вами так приятно общаться, но нам необходимо идти. Мы с Петром давным-давно не виделись, нам есть о чём поговорить. Извините, что покидаем Вас. Надеюсь, что встретимся ещё. До свидания, желаю хорошего отдыха.

Филатов: До свидания, Лена.

Лена: До свидания, Валерий Александрович и Пётр Иванович.

Мальшев и Филатов уходят.

Через несколько минут появляется Татьяна Сергеевна.

Татьяна Сергеевна: Как, Леночка, отдыхается?

Лена: Ой, мама, со мной такое произошло!

Татьяна Сергеевна (взволнованно): Что, что произошло?

Лена: Успокойся, мама. Просто, купаясь, я наглоталась воды. Мне показалось, что я теряю сознание. Рядом оказался мужчина, который помог мне выбраться на берег.

Татьяна Сергеевна: Господи! Как ты сначала меня напугала. Хорошо, что рядом оказался этот молодой человек. Ты хоть его поблагодарила?

Лена: Конечно. Однако он совсем не молодой. Мне, кажется, он будет постарше тебя.

Татьяна Сергеевна: Да, среди людей нашего поколения много настоящих мужчин, не то что нынешние парни. Уж какие-то они инфантильные. Физической работы боятся, многие

хвастаются тем, что сумели «откосить» от армии. Я уж не хочу говорить об употреблении наркотиков.

Лена: Мама, ты как-то однобоко смотришь на нынешнее поколение. А ты вспомни зигзаги своей жизни. Разве мой отец не твой ровесник. Ты развелась с ним, когда мне не было и шести лет, потому что он злоупотреблял спиртными напитками. Когда я о нем вспоминаю, ты называешь его законченным алкоголиком. А ты не забыла о том молодом человеке, твоём ровеснике? О нем ты мне несколько раз рассказывала. Он был влюблен в тебя, и ты была к нему равнодушна. Но стоило ему бросить институт и уйти в армию, как твоя симпатия испарилась. Ты мечтала выйти замуж за инженера, а не за солдата.

Наступила пауза.

Татьяна Сергеевна: Как ты можешь судить о том, чего не знаешь? Наслушалась бабушкиных сказок. Она очень хотела видеть меня замужем за этим моим одноклассником. И я ведь тоже любила его, однако жизнь — это не школьная тетрадь, где можно заполнить клеточку как ты пожелаешь, по своему усмотрению. А если же ты что-то напутала и желаешь исправить, бери в руки ластик и действуй... *(После небольшой паузы)* Когда я встретила твоего отца, мне показалось, что вот только теперь ко мне пришла настоящая любовь. Но практически сразу после замужества я поняла, что это было глубокое заблуждение. Моя первая любовь, наверное, так и останется в сердце навсегда.

Лена: Извини меня, мама. Я не подумала, что мои слова тебя могут так обидеть. *(После небольшой паузы)* Ты что-то знаешь о своем однокласснике? Где он, что с ним?

Татьяна Сергеевна: Слышала от кого-то, что он живет в Новосибирске, а больше ничего не знаю.

Лена: Я устала и пойду к бабушке. Ты идешь со мной?

Татьяна Сергеевна: Ты, доча, иди, я хочу здесь остаться одна. Разговор с тобой и этот берег о многом мне напомнили.

Лена уходит.

Татьяна Сергеевна встает со скамейки, взглядывается вдаль в направлении реки.

Звучит музыка.

Занавес.

Действие 2

Лена сидит на скамейке, напевает какую-то мелодию. Появляется Мальшев.

Мальшев: Здравствуйте, Лена. Вот и опять мы с Вами встретились.

Лена: Здравствуйте, Валерий Александрович. У меня было предчувствие, что Вы сегодня придете на Крутояр.

Мальшев: Вы даже запомнили, как мы называли это место.

Лена: Я на память не жалуюсь.

Мальшев: А я вот хочу пожаловаться. Стал забывать окрестные горы, озера и леса. В свое время с ребятами пешком, иногда на велосипедах облазили все вокруг. Вы знаете, сколько озер на Южном Урале? Куда там Карелии. Видели Увильды, Тургояк, Каслинские озёра?

Лена: Я была только на Тургояке, когда ездила с однокурсницей в Миасс. Действительно, это прекрасное озеро, просто жемчужина.

Мальшев: Я и хочу вновь увидеть те уголки Урала, которые я созерцал в детстве и юношестве.

Лена: Вы с таким восторгом стали говорить об Урале, расскажите о том, что созерцали более четверти века тому назад?

Мальшев: Всего, Лена, не расскажешь, да и многое, как я уже говорил, позабылось. Но вот один поход помню хорошо. В летние каникулы мы втроём: Пётр, Ришат и я — на велосипедах поехали путешествовать по окрестностям на целую неделю. Нам в первую очередь хотелось полазить по горам, почувствовать себя чуть ли не альпинистами. Конечно, наши горы не Кавказские, но зато какие красоты! Там, где крутизна не позволяла подняться на великах, мы, как нам казалось, надёжно прятали их, а сами карабкались к вершинам. В одном месте подошли к огромному камню весом, видимо, в несколько тонн. Когда я попытался забраться на него, камень зашевелился. Я в ужасе отскочил. Потом стали осматривать эту глыбу. Оказалось, что камень стоит всего на трёх небольших опорах. Вода, ветер и, конечно, века сделали своё дело. И я, воздействуя одной рукой, мог расшатать этот исполин. Казалось, ещё чуть-чуть, и он сорвётся вниз, сметая всё на своём пути.

Лена: Да, тоже хотелось бы взглянуть на эту глыбу.

Мальшев (продолжая): В другом месте увидели ещё одно чудо природы — это осина. Ствол её в процессе своего роста делал вертикальную петлю диаметром в полметра и вновь устремлялся вверх к солнцу.

Лена: Чем же вы питались целую неделю?

Мальшев: Кое-что взяли с собой, а потом брали всё возможное у природы. Собирали ягоды, ловили в озёрах раков и варили их в котелке.

Лена: А диких животных вы видели?

Мальшев: Конечно, видели, но немного. В большинстве своём встречался с лесными братьями нашими меньшими зимой. Я часто на лыжах уходил в глубь леса. Вот тогда-то я видел лосей, косуль, лис, зайцев и даже волков.

Лена: Ой, как интересно!

Мальшев (с иронией): Очень даже интересно. Особенно когда встречаешься с бегущими в твою сторону лосями. По лесу разносится такой треск попадающихся у них на пути сучьев замороженных деревьев, что хочется быстро взлететь на какую-нибудь ближайшую берёзу или стремглав утекать подальше, хотя то и другое невозможно. Прислонись к какому-нибудь дереву с одним лишь желанием, чтоб тебя не заметили.

Другое дело увидеть косуль. Однажды я стоял рядом с высокой сосной. Вокруг были заросли высокой высохшей травы, запорошенной снегом. На меня с подветренной стороны шли, поедая траву, несколько косуль. Я стоял как вкопанный, не шевеля даже пальцем. Одна из них, не замечая меня, подошла настолько близко, что я, протянув руку, попытался погладить её по мордочке. Косуля сначала глянула на меня, не понимая, кто перед ней. В следующее мгновение я увидел в её глазах дикий ужас. Она отскочила в сторону и помчалась прочь. Остальные косули на несколько секунд замерли, а затем весь этот табунок грациозных животных бросился вслед за первой, высоко выпрыгивая из засохшей травы.

Лена, я, наверно, уже надоел вам своими воспоминаниями?

Лена: Валерий Александрович, что Вы, мне всё очень интересно. Расскажите ещё о чём-нибудь.

Мальшев: Ладно, уговорили. Расскажу, как я однажды спас зайца от лисьих зубов. Остановился я возле огромно поляны. Увидел бегущего зайца, а в нескольких десятках метров — бегущую за ним лису. Причём лиса бежала за зайцем, как бы не видя его. Она перебирала лапами, уткнувшись носом в следы косога. Зайчишка обогнул поляну около противоположной от меня опушки и быстро поскакал обратно, практически на меня. Он проскочил от меня буквально в метрах двадцать. Когда лиса поравнялась со мной, я свистнул. Лиса подняла голову, но меня не увидела. Тогда я ещё раз свистнул. Вот тут уже рыжая бестия, увидев меня, бросилась наутёк от меня и зайца.

Лена: Вы действительно спасатель. Спасаете не только людей, но и животных. (Оба смеются) Расскажите ещё о встрече с волками.

Мальшев: Лена, давайте уж в следующий раз.

Лена: А он будет, следующий раз?

Мальшев: Ну сегодня мы же встретились.

Лена: В прошлый раз Вы сказали, что 24 года не были на родине. Где же Вы сейчас живёте?

Мальшев: Далеко, Леночка, аж в Приморском крае.

Лена: Вам нравятся уголки Вашего нынешнего ПМЖ?

Мальшев: Россия — самая большая страна в мире. И поверьте, Леночка, в каждой её дали — помните Твардовского «За далью даль» — есть свои прелести, хоть на Кавказе, хоть в тундре, хоть на Дальнем Востоке. Я объехал практически всю страну, и в настоящее время нет для меня милее места, чем моё нынешнее, как Вы выразились, ПМЖ. Вы были когда-нибудь на Дальнем Востоке?

Лена: Никогда.

Мальшев: Жаль. А как Вы относитесь к кошкам?

Лена: У меня у бабушки породистый пушистый кот. Он очень ласковый. Мы с ним дружим.

Мальшев: А в Приморье семейство кошачьих включает четыре вида: тигра, леопарда, рыси и дикого кота. Кроме того, там обитает крупнейший бурый медведь Европы и Азии.

Лена: Я вот слышала о багульнике, который красив своими цветами, даже в песнях воспевается это растение. Вы наверняка видели багульник, можете рассказать о нём?

Мальшев: Природа Дальнего Востока уникальна. Во флоре насчитывается более двух тысяч растений. Что касается багульника, то жители Сибири и Дальнего часто называют багульником кустарник с нежными сиренево-розовыми цветами. Это один из видов рододендронов, так называемый даурский. Когда этот кустарник цветёт, то невозможно налю-

боваться этими нежными цветами. Это чудо природы надо просто видеть и наслаждаться. Однако кроме уникальности животного и растительного мира Приморье богато и залежами полезных ископаемых. У нас добываются уголь, олово, а также медь и серебро. Кроме того, в Приморском крае находится крупнейшее в России месторождение бора.

Лена: А Вы случайно не геолог?

Мальшев: На этот раз ваша интуиция вас подвела. Я окончил юридический факультет, но сейчас работаю корреспондентом в газете.

Лена: Как интересно. Я никогда так запросто не общалась с людьми вашей профессии. Вы правда журналист?

Мальшев: Могу показать удостоверение. Сегодня оно как раз оказалось со мною. (*Показывает удостоверение*)

Лена: Я всегда завидовала людям, умеющим писать. Я в школе не любила писать сочинения, мне это давалось с таким трудом, аж жуть. Нелегко перенести на чистый лист бумаги что-либо увиденное либо пережитое тобою. Вот журналисты и писатели могут видеть мир во всём его многообразии, а затем все это с легкостью раскрыть и донести до читателя.

Мальшев: Ну, Лена, это уж Вы хватили. Ни о каком многообразии мира я лично не пишу, у меня есть своя рубрика в газете, и пишу я там на узко определенную тематику. Я и сам завидую некоторым писателям, которые могут очень просто и в то же время с таким изяществом изложить суть некоторых явлений. Например, Паустовский в своей книге «Бросок на юг» так описывает воздух Главного хребта Кавказа: «...воздух чист, а по ночам ещё и так холоден, что звенит при каждом движении, будто вокруг разбиваются тонкие льдинки...» Я сразу и навсегда запомнил это описание. Как точно и образно написано.

Лена: Валерий Александрович, как я поняла, Вы пишете стихи? А может быть, даже повести или романы?

Мальшев: Пытаюсь писать прозу, но пока времени свободного нет, чтобы плотно засесть за неё. А стихи писал только в юности. Они были посвящены в основном одной прелестной девушке. Я забрасывал её своими виршами. Однажды, когда мы готовились к выпускному экзамену по истории, я незаметно вложил в её книгу несколько своих стишков. В последнем я как бы подводил итог своим посланиям. Этот последний стих я, кажется, помню.

Я посвятил тебе стихи.
Ты не суди их очень строго,
Быть может, и не так плохи,
Тебе понравятся немного.
А если что-то и не так,
Прости меня ты, бога ради,
Ведь я совсем не Пастернак
И далеко мне до Саади.
Меня не бог вдруг озарил,
На это ты же вдохновила,
Вернее, так я полюбил,
Что авторучка застрочила.
Летят слова на чистый лист,
Ну а в груди пожар таёжный,
И, как мне кажется, горнист
Уж подаёт сигнал тревожный.
Но, если я услышу «Нет!»
И я сгорю в пожаре этом,
В любви спылаю как поэт,
Хоть не родился я поэтом.

Это было баловство и ничего путного из этих посланий моей даме сердца не получилось.

Лена: Нет, нет, я считаю, что это хорошие стихи, они наверняка понравились Вашей возлюбленной.

Мальшев (*с иронией*): Спасибо за столь высокое признание моего «творчества». (*После небольшой паузы*) К сожалению, Лена, мне нужно уходить, завтра с утра поеду осматривать подзабытые места наших походов. Хочется вновь увидеть красоты наших гор, озёр, лесов.

Лена (*шутливо*): Вы поедете опять на велосипеде?

Мальшев: Почему же я должен ехать на двуногом коне, у меня есть конь о четырёх ногах — автомобиль. Пётр одолжил мне на время свою старенькую «девятку».

Лена: А Вы едете один или с товарищем, а может, с женой?

Мальшев: Товарищ, к сожалению, работает, а жены у меня нет. Я давно в разводе. (*После небольшой паузы*) Вот если бы Вы, Лена, составили мне компанию, но вряд ли Вас отпустит бабушка с малознакомым человеком?

Лена: Вообще-то я у бабушки разрешения сейчас не спрашиваю. Мама гостит вместе со мной, а она действительно не отпустит меня с малознакомым мужчиной.

Мальшев: Тогда пригласим и маму.

Лена: О нет, мама ни за что не согласится. Раз уж Вы мой спаситель, то поеду с Вами. Я ведь считаю Вас порядочным человеком.

Мальшев: Спасибо.

Лена: С мамой я как-нибудь решу этот вопрос.

Мальшев: У Вас есть сотовый телефон?

Лена: Да, есть.

Мальшев: Давайте обменяемся номерами. Завтра я Вам позвоню. (*Обмениваются номерами*) Выезжать будем рано, около шести утра. Встретимся около школы имени Бажова. Вы знаете, где она находится?

Лена: Конечно, знаю.

Мальшев: Тогда я пошел, необходимо подготовить «девятку» к походу. До завтра, Лена.

Лена: До свидания, Валерий Александрович.

Мальшев уходит. Через несколько минут появляется Татьяна Сергеевна.

Татьяна Сергеевна: Леночка, ты сегодня, как я вижу, даже не купалась.

Лена: Да, мама, не купалась, зато я общалась с интересным человеком.

Татьяна Сергеевна: Ты что, каждый день стала знакомиться с интересными людьми? И кто же на этот раз?

Лена: Это старый знакомый, мой недавний спаситель.

Татьяна Сергеевна: Ты что, не можешь найти для общения молодого человека? Взять хотя бы Сергея, бабушкиного соседа, нынче окончил экономический факультет. Ты заметила, как он засматривается на тебя?

Лена: Мама, не говори больше о нём, он мне совершенно не интересен.

Татьяна Сергеевна: Чем же тебе интересен этот мужчина? По твоим же словам, он тебе в отцы годится.

Лена: Мама, он действительно интересный человек, он много видел, много знает, он хороший рассказчик. И в этот раз он мне показался намного моложе, чем в прошлый раз.

Татьяна Сергеевна: Я заметила, что у тебя глаза заблестели. Смотри, доченька, не потеряй голову, в молодости это запросто может случиться. (*После небольшой паузы*) Кто хоть он? Может, бабушка его знает?

Лена: Нет, мама, он не здешний, приехал из Владивостока. Там работает в газете. Зовут его...

Татьяна Сергеевна (*перебивая*): Ой, не нужна мне его биография. А вот и бабушка идёт, ждалась нас.

Появляется Анна Ивановна.

Лена (*подбегая к бабушке*): Не думала, что ты придёшь сюда. (*Берет бабушку за руки и кружит её*)

Анна Ивановна: Что-то ты сегодня, внученька, слишком весёлая.

Татьяна Сергеевна: Закружил тут ей голову один тип. До сих пор не может успокоиться.

Анна Ивановна: Ох и утомила ты меня, проказница. Пойдёмте домой.

Все уходят.

Занавес.

Действие третье

То же место действия.

Мальшев и Филатов после купания выходят к скамейке Крутояра.

Мальшев: Как хорошо, Петя, здесь, на родине.

Филатов: Хорошо-то хорошо, да ничего хорошего.

Мальшев: Ты это о чём?

Филатов: Твоём походе с той молодой девушкой.

Мальшев: Ну что же здесь плохого?

Филатов: По твоему же рассказу догадываюсь, что вскружил ты ей голову. Не дай бог ещё влюбится в тебя, дурака.

Мальшев: Не вижу здесь ничего зазорного. У меня самого голова кругом идёт, скорее, это она на меня большее влияние оказала.

Филатов: Ты же старше её намного. Надо выбирать, кого любить, а кого не стоит.

Мальшев: Послушай, Петя, что я тебе скажу. Любовь, как и родителей, не выбирают. Она приходит независимо от нашего желания, а иногда неожиданно и сразу наполняет всё твоё существо этим величайшим чувством, без которого нельзя жить и творить в этом мире. Это чувство дается нам богом, и никуда от этого не деться. Без любви можно лишь прозябать на этой грешной земле... Уж я-то это знаю, испытал. А вот сейчас я ощущаю в себе внутреннюю способность заняться творчеством. Меня переполняет желание писать стихи, рассказы и даже романы.

Филатов: Убедил, оратор. Идём домой.

Мальшев: Иди, Петя, я останусь здесь.

Филатов: Ладно, чёрт с тобой. Жди.

Филатов уходит.

Мальшев садится на скамейку. Появляется Лена. Оба улыбаются.

Лена подбегает к Мальшеву, и они берутся за руки.

Мальшев: Здравствуй, Леночка.

Лена: Здравствуйте, Валерий Александрович.

Мальшев: Лена, мы с тобой пили на брудершафт и обязались обращаться друг к другу на «ты».

Лена: Ну не могу я пока перебороть себя. Не давите на меня.

Мальшев: Ладно, бог с ними, с условностями. Как тебе эти трое суток по родному Уралу?

Лена: Обалденно, клёво, просто замечательно! Просто хочется петь.

Мальшев: Не поверишь, мне тоже хочется петь. Как прекрасно пел тот парень под гитару, который отдыхал со своими друзьями на Тальковом Камне.

Лена: Я даже запомнила, как его зовут, — Дима Тестов. Как он замечательно исполнял песни Визбора, Митяева, Розенбаума.

Мальшев: Тогда споём.

Звучит музыка. Оба поют. После окончания песни — небольшая пауза.

Мальшев: Как отреагировала мама на твой рассказ о походе?

Лена: Что Вы, я ей пока ничего не рассказывала. Вы же знаете, я ей сказала, что поеду к подружке в Копейск погостить и, возможно, познакомлюсь с молодым человеком, знакомым подружки. Маме очень хочется, чтобы у меня появился друг.

Мальшев: Я чувствую себя неловко, так как, сама понимаешь, считаю себя причастным к этому обману.

Лена: Ничего, Валерий Александрович, я как-нибудь разрулю эту ситуацию, а мама меня поймёт. *(После небольшой паузы)* Сегодня очень жарко, так пить хочется.

Мальшев: Примерно в полукилометре отсюда я видел палатку, торгующую прохладительными напитками. Я сейчас схожу туда и что-нибудь принесу.

Лена: Не надо, Валерий Александрович, я пойду искупаюсь, и жажда пройдёт.

Мальшев: Леночка, не беспокойся, я быстро.

Мальшев уходит. Через некоторое время появляется Татьяна Сергеевна.

Татьяна Сергеевна: Ты опять здесь, тебя так и тянет к этому месту. Не дожидаясь ли ты вновь своего «спасителя»?

Лена: Да, мама, я его уже встретила. Он ненадолго ушёл, но вскоре придёт. Я тебя наконец познакомлю с ним.

Татьяна Сергеевна: Была нужда знакомиться с каждым встречным.

Лена: Мама, я хочу сказать кое-что. Надеюсь, ты поймешь меня правильно.

Татьяна Сергеевна: Ну, ну, что ты хочешь мне сообщить?

Лена: Я с этим человеком три дня провела в походах по горам, лесам и озёрам.

Татьяна Сергеевна: Подожди, ты сказала мне, что поедешь погостить к Алёнке, а ты провела эти дни с каким-то проходимцем! Да меня сейчас хватит удар!

Лена: Мама, успокойся, никакой он не проходимец, а журналист. Я сама видела его документы.

Татьяна Сергеевна хватается за голову.

Лена подбегает к ней, берёт за талию, подводит к скамейке и усаживает на неё.

Лена: Мама, он порядочный человек. Он столько мне показал, мы были на Вишнёвых горах, это около Вишневогорска. Ты бы видела, как там склоны гор заросли кустарниками дикой вишни. Послушай, мама, мы были в самом озёрном краю Южного Урала — это окрестности Каслей. Знаешь, какая там цепь проточных озёр: Силач, Сунгуль, Большие Касли, Иртяш. Общая протяженность водоёмов более двадцати километров. Мы катались по этим озёрам на моторной лодке. Отдыхали на одном из островов. Мы назвали его Борнео. Это было так чудесно! Мы посетили Каслинский историко-художественный музей. Там находится уникальная коллекция чугунных отливок Каслинского завода. Потом мы посетили красивейшее место — Тальков Камень. Это озеро в Сысертском районе Свердловской области. Озеро образовалось после затопления водами заброшенного талькового рудника, оно находится в очень живописном месте. Правда, оно небольшое, но зато глубина более тридцати метров. Мамулечка, я раньше никогда не была в таких походах! Он мне подарил такой мир, о котором я даже не догадывалась. Мы даже ночевали на острове. Когда наступила ночь, мы развели костёр. Под треск горевших сучьев и рассыпающихся искр делились впечатлениями об увиденном. Потом улеглись около затухающего костра.

Татьяна Сергеевна: Господи, ты могла бы сгореть!

Лена: Мама, всё же в порядке, не перебивай меня. Мне показалось, что он заснул, а я, лёжа на спине, долго всматривалась в безоблачное звёздное небо. Мне чудилось, что я вижу движение далёких звёзд. Сразу вспомнился Лермонтов: «Звезда с звездой говорит» А потом я полетела, падая в этот мерцающий и манящий к себе мир. Мы ведь с тобой не бывали в походах, ходили в театры, кино да в парк. Даже когда мы жили в Саратове, я помню, посещали лишь горсад «Липки». Я думаю, ты поймешь и простишь меня.

Татьяна Сергеевна: Господи, неужели вы так близко сошлись, что, наверное, целовались?

Лена: Всего-то два раза. Первый раз, когда выпили по чуть-чуть, на брудершафт, а второй раз, когда мы после похода подъехали вечером к бабушкиному дому. Я поцеловала его в щечку в знак благодарности. Я еще раз хочу повторить, что Валерий Александрович благородный человек.

Татьяна Сергеевна: Какой ещё Валерий Александрович!?

Лена: Тот, с кем я была в походе. Он очень трепетно относится к женщинам. Одной из них в юности он посвящал стихи. Они мне понравились, хотя, как он выразился, они не произвели впечатления на его возлюбленную. Я даже запомнила одно из четверостиший:

Я посвятил тебе стихи
Ты не суди их очень строго.
Быть может, и не так плохи,
Тебе понравятся немного...

и так далее.

Татьяна Сергеевна (*перебивая Лену*): Постой, эти стихи были написаны мне. О каком Валерии ты говоришь, уж не о Малышеве ли?

Лена (*испуганно*): Да, о Малышеве Валерии Александровиче. Это что, тот самый твой одноклассник?

Татьяна Сергеевна (*не в состоянии отвечать, закрывает лицо руками и только бормочет*): Это он! Это он! (*После небольшой паузы*) Каков подлец! Он понял, что это моя дочь, и решил отомстить.

Лена подходит к матери и обнимает её. Появляется Малышев.

Малышев: Здравствуйте. А вот и прохладненькая водичка.

Татьяна Сергеевна поворачивает голову в его сторону и пронизывает его взглядом.

Малышев (*удивлённо*): Таня?!

Татьяна Сергеевна (*оттолкнув Лену*): А ты кого хотел увидеть здесь? Молодую неопытную девушку, мою дочь? Ты захотел посмеяться над ней, а заодно и надо мной? Мало тебе того, что ты уже когда-то испортил мою жизнь?

Малышев: Я испортил тебе жизнь? А не хочешь ли ты свалить все с больной головы на здоровую? Я влюбился в тебя ещё в школе, даже не смогу сейчас вспомнить, в каком это было возрасте. В девятом и десятом классах я писал тебе стихи, в которых говорилось только о любви к тебе. После окончания школы ты поступила в педагогический институт, а я — в горный, который находился в другом городе. Но я три первой возможности приезжал в наш городок на выходные и праздники, но почти никогда не заставал тебя. Однако я посылал

тебе открытки и письма. Ты же отвечала редко. В последний раз мы встретились на вечере встречи. В отличие от школьных вечеров, где ты со мною общалась, в общем-то, надменно, в тот раз была благосклонна ко мне. Мы даже целовались с тобой. В тот вечер ты даже сказала, что тоже любишь меня.

Татьяна Сергеевна (обращаясь к Лене, с надрывом): Лена, я прошу тебя уйти отсюда. Мы разберёмся в твоё отсутствие.

Мальшев: Лена, я прошу тебя остаться.

Лена (с болью в голосе): Разбирайтесь в своих отношениях без меня (убегает).

Мальшев: Ну, тогда продолжим наш разговор. Я не любил специальность, по которой учился в институте. Возможно, повлияло и то, что мы были удалены друг от друга. Если бы мы учились в одном городе... (После небольшой паузы) Я бросил институт и вскоре меня призвали в армию. Служил я в Забайкалье. Я писал тебе со службы письма, но ни на одно не получил ответа. Я был в отчаянии. Ребята мне писали, что ты дружишь с каким-то своим однокурсником и даже собираешься выйти за него замуж. Я не верил этому, уже был готов бежать из армии, чтобы встретиться с тобой. В это время ко мне в часть приехали мать с отцом. Они тогда переехали на постоянное место жительства в Новосибирск, отец был родом из Алтайского края и хотел под старость быть ближе к родным местам. Они рассказали о том, что ты вышла замуж. После этого я поклялся, что никогда не приеду в свой родной город. Потом я узнал, что вы уехали куда-то на Волгу. Теперь, когда я знаю, что Лена — твоя дочь, понимаю, что ты в разводе.

Татьяна Сергеевна: Ну и как ты живешь сейчас?

Мальшев: После армии я закончил юридический факультет. Сначала три года работал следователем прокуратуры, затем пять лет — адвокатом. Ни там, ни там не понравилось. Сейчас работаю в городской газете, пишу на криминальные темы. Кроме того, я защитил кандидатскую диссертацию и в одном из вузов преподаю уголовный процесс. После того, как узнал, что ты вышла замуж, пять лет на что-то надеялся, ждал о тебе весточки. Если бы ты каким-то образом намекнула, я бросился бы к тебе, вот как с этого Крутояра. Но время шло, и все оставалось по-прежнему. Потом я женился, конечно, не по любви. Нас с женой ничего не удерживало. После того, как она потеряла неродившегося ребенка, через полгода мы разбежались.

Татьяна Сергеевна: И что, ты до сих пор не женился?

Мальшев: Не женился, не встретил такую, как ты. Но потом я вырвал тебя из своего сердца, с болью, остервенением, со слезами. И позабыл тебя, как свою любовь, навеки.

Татьяна Сергеевна: А если бы я призналась, что любила только тебя? Это я поняла сразу после замужества. Как ты думаешь, могли бы сейчас наладиться между нами прежние отношения?

Мальшев: Прости, Татьяна, но всё ушло безвозвратно.

Татьяна Сергеевна (всё более распаяясь): Ты думаешь, что теперь я отдам тебе свою дочь? Я воспитывала её с пяти лет одна. Работая учителем, я занималась воспитанием чужих детей. Чуть не упустила свою дочь. Слава богу, все закончилось благополучно. Ни за что ты не получишь мою кровинушку. Ты уверен, что она без памяти влюбилась в тебя? Это глубокое заблуждение с твоей стороны. Она росла без отца, не видела его ласки, вот и прониклась к тебе именно этим чувством, дочери к отцу. А ты возомнил бог знает что! Я требую, чтобы ты немедленно уезжал из этого города. Я пойду на всё ради спокойствия и счастья Леночки. Не доводи меня до крайности.

Мальшев: Я уеду, но не из-за твоих слов. Если у Лены ко мне нет никаких чувств, значит, всё обойдется без драм. Но если Лена пожелает встретиться со мной, она знает, как найти меня, я не остановлюсь ни перед чем. И в считанные часы буду рядом с нею. Ты, надеюсь, меня знаешь.

Мальшев уходит. Через некоторое время появляется заплаканная Лена.

Лена: Мама, где Валерий Александрович?

Татьяна Сергеевна: Сбежал, как трус, как заяц от орла.

Лена: Это неправда, это ты его прогнала.

Появляется Анна Ивановна.

Анна Ивановна: Что у вас произошло?

Лена: Мама прогнала Мальшева.

Анна Ивановна: Это, видимо, его я видела сейчас. Он шёл мне навстречу, был очень взволнован. Мы не узнали друг друга. Теперь-то я понимаю, что это был Валерий.

Татьяна Сергеевна: Мальшев ушёл из нашей жизни навсегда. Он пообещал мне, что никогда не появится в наших краях. Забудь, Лена, о нём, не пара он тебе.

Лена: Вот, что я скажу тебе, мама. Ты живёшь своей жизнью. Я же хочу прожить свою, как я того желаю. Никто не посмеет мне указывать. Я сейчас чувствую себя стоящей на Крутояре, на этой круче. Если только Валерий сообщит каким-то образом, что я ему нужна, я брошусь к нему не раздумывая, как с этой стремнины.

Лена разбегается и бросается с Крутояра.

Татьяна Сергеевна: Лена, доченька, ты с ума сошла, могла бы разбиться. (Обращаясь к Анне Ивановне) Что мне делать, хоть ты мне, мама, подскажи?

Анна Ивановна: Таня, за всё в жизни надо платить. В своё время ты предала Валерия, вот и пришла расплата.

Обе садятся на скамейку. Татьяна Сергеевна плача прижимается к груди Анны Ивановны. Звучит музыка «Эхо любви».

Занавес.

с. Еткуль

Ольга Кучерюк

Машенька

(документальный рассказ)

Машенька крепко сжимала в своих маленьких ручках большой свёрток из ткани, в котором была её одежда. На ней были голубенькое платьице и сандалии, прорезанные спереди. Из дыр вылезали пальчики, серые от дорожной пыли. Они с отцом долго шли пешком. Она очень устала, но в свои шесть лет уже понимала, что не стоит приставать к отцу с вопросами, и послушно молча шла рядом. После смерти Машиной мамы он стал неразговорчивым и хмурым, уже не брал её к себе на коленки, не рассказывал разные истории, не гладил по голове и не целовал.

Они остановились у маленького дома. Отец открыл калитку. На крыльце стояла женщина, очень похожая на её маму. Машенька смотрела, не отводя глаз. Отец подошёл к женщине и начал что-то говорить, а Машенька так и стояла около калитки. Женщина молча слушала, опустив голову. Разговаривали они недолго. Отец подошёл к Маше, поцеловал её в лоб, погладил по растрёпанным волосам, отдал ей валенки, которые он зачем-то взял с собой, и просто ушёл, а Маша так и осталась стоять со свёртком и валенками в руках. Так Машенька в шесть лет осталась круглой сиротой. Говорят, отец её вновь женился, но вскоре повесился.

Тётка Вера была родной сестрой её мамы. Она с первого дня невзлюбила свою племянницу. Семья у неё была большая, и ей совсем не хотелось кормить еще один рот. Тётка выкинула её старенькие сандалии и вместо них дала обрезанные валенки, которые стали теперь единственной обувкой Машеньки. Машу заставляли много работать, и не только в их доме, но и у чужих людей. С семи лет она уже начала зарабатывать.

Маше очень хотелось учиться. Тётка Вера не разрешала ей ходить в школу. А когда она украдкой туда убегала, Машу наказывали, её даже били книгой по голове, чтобы выбить все мысли об учёбе. Маша почти смирилась с тем, что так и не научится читать и писать. Но случилось маленькое чудо. Тётка Вера отправила её к одной учительнице, которой нужна была няня для двухгодовалого ребёнка. Маша сама была ещё ребёнком, учительница пожалела её и взяла к себе.

Так у неё началась другая жизнь. И эта жизнь у чужих людей ей больше нравилась, чем у родной тётки. Четыре года она прожила в семье учительницы. Научилась немного писать и считать (вечерами учительница иногда занималась с ней). Потом было ещё несколько лет скитания по чужим людям, у которых она работала за проживание и еду.

Когда Марии исполнилось семнадцать лет, она попала в одну богатую семью, где встретила свою первую и единственную любовь. Его звали Фёдор, он был сыном хозяев. В этой семье к ней относились хорошо. Они видели, что девушка очень трудолюбивая и воспитанная. Фёдор сделал предложение Марии выйти за него замуж. Он очень любил её. Два месяца, ровно два месяца длилось это счастье, два месяца весны 1941 года. Началась война. Фёдора забрали на фронт. Он так и не узнал, что его любимая ждала ребёнка. Она не получила от него ни одной весточки, ни одного письма, ничего. Он пропал без вести. Без Фёдора Машенька стала чужой в его семье. Мать была убита горем.

В январе 1942 года у Марии родился мальчик. Хорошенький, здоровенький и очень похожий на Фёдора. Она назвала его Ванечкой. Как только ребёнку исполнилось три месяца, Марии пришлось устроиться на шахту. Сначала с Ванечкой сидела мама Фёдора, но вскоре

она тяжело заболела и умерла. Тогда Марии пришлось оставлять своего ребёнка в детском доме на неделю. На выходные она забирала его домой.

Когда Ванечке исполнилось два годика, Мария решила в выходные сделать фотографию. Она всё надеялась, что получит от Фёдора весточку с обратным адресом. И тогда пошлёт ему фотографию Ванечки. Ведь он не знает, что у него есть сын. Снимок получился хорошим. Ванечка всё больше походил на Фёдора. Этот снимок согревал ей душу, пока она целыми неделями не виделась с сыном.

Однажды в пятницу после дневной смены она, как всегда, пришла в детский дом за сыном. Но воспитатель не выводила ребенка. Приходили другие женщины, забирали своих детей. А ей говорили, чтобы она немного подождала. Мария сидела и ждала. Её сердце бешено билось, а ноги стали ватными, она понимала, что что-то случилось. Вышла воспитатель и подала ей свёрточек с одеждой Ванечки и серенькие валенки. Мария встала, не чувствуя ног. Она стояла и смотрела в глаза воспитателя и ждала, что та скажет: «Ваш ребенок просто немного приболел и останется под присмотром врача». Но воспитатель молчала. И это был плохой знак. К ним подошла женщина в белом халате и тихо сказала: «Ваш ребёнок неделю болел, была высокая температура, и, к сожалению, он умер». Воспитатель и женщина в белом халате ушли. А Мария осталась стоять, прижимая к груди маленькие серенькие валеночки. Ей не верилось, что всё это происходит с ней. Она вдруг вспомнила тот день, когда так же стояла, прижимала к груди свои валенки, а отец ушёл и бросил её.

Мария стала требовать, умолять, чтобы ей показали сына. Женщина в белом халате провела её в маленькую комнатку. Там было холодно и темно. Когда включили свет, перед глазами была ужасающая картина. В углу на холодном полу лежали маленькие тельца детей. Мария бросилась туда и увидела своего Ванечку. Она упала на колени и нежно взяла его на руки, как будто он спал, а она боялась его разбудить. Она крепко прижала его к груди, пытаясь согреть холодное тельце. Она не помнила, как Ванечку у неё забрали, как вывели из этой ужасной комнаты, как дошла до дома.

Мария ещё долго стояла возле двери, прижимая к груди валеночки и свёрточек с одеждой сына. Ей было страшно заходить в дом: там стояла пустая кровать. Казалось, что жизнь закончилась, вот именно сегодня, сейчас она потеряла всякий смысл. Мария вдруг с ужасом подумала, что она скажет Фёдору, когда закончится война и он придёт домой. Что она не уберегла их ребёнка, его сына. Только фотография, единственный снимок — всё, что осталось у Марии от Ванечки.

Фёдор не вернулся с войны, он так и не узнал, что у него был сын. А Ванечка ни разу так и не увидел своего папу. Но Мария знала, что у неё была семья. Были любимый муж и сын.

Через несколько лет она вышла замуж за нелюбимого и родила ещё четверых детей, которых очень любила. Но до последнего своего вздоха помнила Фёдора и Ванечку.

г. Челябинск

Наталья Дубровина

Гульцины. Клавдея

*Посвящается нашему деду
Никифору Семеновичу Гульцину*

Мужчина шел по проулку, прихрамывая на правую ногу.

Двенадцатилетняя Клава видела его. Она рвала траву поросьятам в садке, так в семье называли загороженный участок земли перед домом.

Спускаясь с пригорка, незнакомец спросил о чем-то проходящую мимо местную женщину. Та оглянулась и указала на дом Гульциных.

Мужчина открыл калитку. Клава съезжилась. Остороженько, на корточках, передвинулась ближе к малине и к кустам сирени. С недавних времен девчонка боялась чужих людей, после того как внезапно объявились родственники их Троицка. Желая помочь многодетной матери, предложили отдать им на воспитание Клаву. Перепуганная насмерть Клава вцепилась за юбку матери так, что никто бы не смог разжать ее посиневшие от натуги кулачки. Не заплакала, а завyla, пряча лицо: «Не отдавай меня, мама! Я буду еще лучше все делать и помогать тебе... Не отдавай!..»

Попытки нежданных гостей объяснить, что у них ей будет лучше, только усилили истерику. У супругов не было своих детей. Не помогли обещания накопить обновки и игрушки.

Рев не прекращался. Он еще удвоился. Младшая сестричка Стюра топала ногами, приговаривая: «Не отдам няню! Моя няня...» Несостоявшиеся опекуны удалились и больше о себе не напоминали.

С чем пожаловал этот дядька, Клавдея не знала, любопытство взяло верх. Тихонько прокрадись к приоткрытому окну, стала слушать.

— Добрый день, хозяйюшка!

— Здравствуйте!

— Гульцины здесь живут?

— Здесь. Проходите. Присаживайтесь к столу. С чем пожаловали?

— Я Николай Батурин. Друг вашего Никифора.

Услышав имя отца, Клава пулей влетела в дом, радостно улыбаясь. Успела заметить, как порозовели мамины щеки от такого сообщения. Все трое не скрывали волнения.

Незнакомец заговорил первым:

— Я обещался Семеновичу навестить его. Где он? В поле?

Вопрос обескуражил женщину. Она побледнела и мешковато осела на табурет.

Клава недоуменно переводила взгляд с матери на дядю и обратно. Мать не реагировала ни на нее, ни на гостя.

Батурин не мог понять, в чем дело. Видно, не рады ему? И в ночлеге откажут, выставят за дверь до прихода хозяина. Чтобы разрядить как-то затянувшуюся паузу, спросил:

— А это и есть папкина зазноба Клавдея? Подь сюда! — Сунул в руки бумажный кулек с гостинцами.

Прийдя немного в себя, Антонина потухшим, дрожащим голосом произнесла:

— Нет его. Не возвращался он...

Теперь замолчал Николай. Он перебирал в памяти детали того дня, когда Никифора и других, у которых закончился срок заключения, вроде бы в торжественной обстановке, даже под звуки духового оркестра отправили машинами на вокзал. Что случилось?

Клавдию с мамой память вернула в 1933 год.

Отца забрали в этом году. Накануне в доме были гости. Уехали до рассвета. А на следующий день и арестовали его, Никифора Семеновича Гульцына, и еще двоих односельчан.

Клава ничего не могла понять, почему ее папку, самого лучшего, доброго и сильного, увезли в район?

Мама с няней Марусей весь день плакали, а старшие братишки Ваня и Степа то и дело терли кулаками глаза. Капризничала и хныкала годовалая Стюра. Но Клаве казалось, что ее горе гораздо больше.

Девочке исполнилось недавно пять лет, она еще нуждалась сама в постоянном внимании и заботе матери. Но в семье появилась младшенькая сестричка, слабенькая здоровьем. И мать уделяла ей больше времени, чем Клаве. А Клавдея находилась под неусыпным контролем старших детей. Но вечерами, после ужина, отец брал ее на руки, гладил по головке, то сказку рассказывал, то шуточную песенку пел, то загадки загадывал, а то просто укачивал.

Дождавшись, пока его любимица уснет, уносил на кровать. Когда девчушка плакала, приговаривал: «Ну, хватит, Клавдея! Ты у нас уже большая. Не плачь, казак! Атаманом будешь!»

Затем ставил дочурку к себе на колени, поднимал вверх ее ручонки, показывая, что она выше его головы. Клавдея обхватывала руками шею отца, изо всех силенок прижималась к нему. Недостигающие любовь и ласку матери восполнял отец.

Прошло несколько дней. Клава на кухне подслушала разговор старших о том, что завтра папу Никишу повезут куда-то мимо их деревни.

Чуть свет убежала из дому на край села, ничего никому не сказав, чтобы хоть одним глазком посмотреть на отца. Иван, Мария и Степан за день несколько раз прочесали деревню вдоль и поперек в поисках беглянки. Вернулась Клава вечером сама, голодная, зареванная, с грязными следами от слез и пыли на крохотном лице. Ее, намытую, накормленную, уложили спать. Она продолжала всхлипывать, содрогаясь всем тельцем и причитать: «Папка, папка...»

Осужден был Никифор Семенович на 10 лет. Наказание отбывал в Дмитлаге, где год шел за два. В 1938 году надеялся вернуться к семье.

За эти пять лет ежегодно ездила на свиданку к брату сестра Александра, пользовавшаяся льготным проездом на железнодорожном транспорте. За несколько месяцев до предполагаемого освобождения Александра привезла посылку от Никифора: красивые платя девочки. Они были на седьмом небе от счастья! А также передала наказ Никифора Антонине: «Пусть Тоня ко мне не собирается, не бросает детей одних. Скоро сам буду! У меня все нормально, я расконвоирован, свободно перемещаюсь по городу».

Данное сообщение привело всех в неописуемый восторг! Но дни стали казаться очень длинными. Счет велся сначала месяцами, затем неделями, днями и часами. Но он не возвращался.

Устав находиться в неведении, отправилась мать Клавдии Антонина Ивановна в Челябинск узнать причину задержки. Вернулась измученной, уставшей, обессиленной, постаревшей в одночасье, с серым, каменным лицом. Ответ был таков: «Угнан в северные лагеря без права переписки».

Клавдея крутилась на кухне. Ей хотелось поведать гостю, что недавно призвали в армию старшего брата Ивана. Со своим годом не брали, как неблагонадежного. Но он писал письмо в Москву. Ему пришел ответ из самого Кремля: «Сын за отца не отвечает».

Теперь Степка бредит армией. После проводов брата стал важничать. Один в доме мужик остался. Клава уже открыла рот, но мать ее приструнила: «Что тут вертишься, взрослые разговоры слушаешь? Иди телянка напой лучше!» Клавдея ушла.

Антонина угощала Николая молодой картошкой, салом, густым сладким молоком и ароматным домашним хлебом. И все спрашивала, и спрашивала о Никифоре. Батурин отвечал сначала, а потом предупредил, что никто об этом знать не должен, кроме нее. Ради же ее блага.

А когда узнал, что Никифор угнан «в северные лагеря без права переписки», понял все, значение этой фразы он знал хорошо... Но женщине разъяснить смысл не стал. Тоня продолжала ждать супруга. Пояснил только: «Я твоему Никифору жизнью обязан. Если бы не он, быть мне без ноги. Травмировал ее сильно. Лечить нечем. Семенович твой вылечил солью и спиртом муравьиным, твоим рецептом. Человек он с большой буквы и мужик стоящий, настоящий!» Утром Николай попрощался и уехал.

Долгие годы ни жене, ни детям не удавалось выяснить никаких подробностей о дальнейшей судьбе мужа и отца. Первой узнала кое-что именно Клавдея, точнее Клавдия Никифоровна, в свои семьдесят пять лет, в 2003 году, за шесть лет до своей кончины, из справки о реабилитации: «Репрессирован, расстрелян, реабилитирован».

Не был «врагом народа» ее любимый отец! Не был. Реабилитирован через 66 лет после ареста.

Горькая правда. Не суждено было дождаться его жене, А. И. Гульцыной, умерла она в 1977 году в возрасте семидесяти девяти лет, не дожив до реабилитации 22 года. Возможно, это к лучшему. То, что нашли в Интернете впоследствии ее внуки о Дмитлаге и Бутовском полигоне, не укладывается ни в какие человеческие рамки понимания. Их дед, которого они никогда не видели, стал одним из миллионов безвинно погибших при строительстве нового социалистического общества, нового государства из-за чудовищного представления главы государства о том, что «врагов народа» надо искать в самом народе.

п. Увельский

Татьяна Киселева

«Маленький человек, что же дальше?»

Трафикан № 3(39) - 2019 106

«МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК, ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?» — шесть рассказов о простом человеке, стоящем в стороне от политики и денежных потоков Он зарабатывает себе на жизнь трудом. Это может быть работник предприятия, сферы обслуживания, добытчик нефти и газа на севере страны или труженик полей на юге родины, школьный учитель. Маленький винтик огромного государственного механизма. Он незаметен, но именно он создаёт богатства своего государства, в котором ему суждено было родиться. В данных рассказах воспитывает и учит детей, будущих граждан своей страны. Марина, героиня рассказов — собирательный образ учительницы общеобразовательной школы. Начало её трудовой деятельности выпало на 70-е годы прошлого века, самое благополучное десятилетие советской власти. Затем следуют переломные 1980-е, затем сложные 1990-е годы. Пройдя через них, Марина из не опытного, неуверенного в своих силах человека становится стойкой, сильной личностью, вынесшей на своих плечах все невзгоды доставшихся на её долю непростых лет. Она верна своей профессии, проявляет творческий подход в работе и любовь к детям. Ей не чужды проблемы города, в котором живёт, проблемы образования. Она скромна и не любит громких слов в свой адрес. Но именно её провожают аплодисментами при расставании её ученики.

Вперёд в будущее

Сквозь сомкнутые веки Марина почувствовала какую-то странность: ни лязга проезжавшего мимо окон общежития трамвая, ни шума проснувшегося города. «Я дома», — подумала она. окончательно, пробудившись Через приоткрытое окно старого родительского дома вливались потоки свежего июньского воздуха, напоённого запахами распустившихся цветов в саду. Марина слышала щебетание порхающих с ветки на ветку воробьёв за окном, до её слуха доносился слабый звук проезжающей где-то машины. «Пора вставать», — громко сказала Марина, стараясь до конца стряхнуть сонное оцепенение. В памяти всплывали события прошедшего дня недолгое прощание с надоевшим городом, приезд в родительский дом. Она поискала глазами свой тяжёлый неуклюжий чемодан. Вот он стоит перед диваном, товарищ пятилетних скитаний по общежитиям. Как будто вчера они с мамой шли по улице, стараясь обойти знакомых, избегая вопросов, столь неуместных в этой ситуации, шли к поезду, передавая друг другу этот чемодан. Он был набит экзаменационными билетами по разным предметам, учебными пособиями да другим нехитрым багажом Сегодня он полон материалами, необходимыми ей для будущей работы в школе. В чемодане было ещё кое-что очень важное для неё: диплом и значок к нему об окончании педагогического вуза, паспорт со штампом о заключении брака.

Шёл конец июня 1970-го года. Ей, Марине, предстояло начать свою трудовую деятельность в первый год лучшего десятилетия XX века без войн и смены политического курса. Много значимых событий ждёт её, многому предстоит научиться, ко многому приспособиться. Но молодость не любит тёмных красок. Она будет стойким оловянным солдатиком эпохи пустых обещаний. Марина искренне будет считать, что её деятельность нужна не только сегодня, но и в будущем, что её работа будет всегда уважаема. Марина всё будет принимать на веру, не подвергать оценке и проверке. Каждый учебный год будет ознаменован поездкой на картошку. Вместе с шумной ватагой старшеклассников она будет выкапывать корнеплоды из сухой земли, а иногда с трудом выворачивать их из иссиня-чёрного липкого чернозёма. Ей предстоит работать в две смены с одним выходным днём, обязательно участвовать в производственных, профсоюзных, открытых партийных собраниях. Марину ждёт сбор макулатуры и металлолома, участие в апрельских субботниках, ремонт учебных кабинетов и туристический поход в конце учебного года. Выход на демонстрацию с кумачовыми флагами 1 Мая; выход на демонстрацию в День Великой Октябрьской социалистической революции 7 ноября; обязательное присутствие на митинге в честь Дня Победы 9 Мая будут окрашены последующим весельем в кругу друзей за празднично накрытым столом, к которому каждый участник общего застолья принесёт свои запасы. А заканчиваться праздничный день будет танцами под музыку, рвущуюся с катушечного магнитофона. Но особенно радостным праздником для неё будет очередная встреча Нового года. Деликатесы, выстраданные в очередях, соленья, варенье и компоты, из собранных летом семьёй ягод — всё сгодится для

праздничного стола. Встретив Новый год и прослушав поздравления с голубого экрана, шумной молодёжной компанией в немыслимых новогодних костюмах и масках они волютуют в пёстрый и весёлый хоровод вокруг новогодней ёлки. До утра она будет смотреть «Голубой огонёк» и последующие после него «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады».

В 1970-е годы заметно возрастёт интерес к телеэкрану. В начале десятилетия появятся несколько блестящих эстрадных циклов, ставших подлинным украшением тогдашней телевизионной жизни. Основным проектом будет являться «Песня года». Впервые эта программа появится 1 января 1972 года и станет основной выставкой страны, где композиторы, поэты и исполнители будут отчитываться перед народом о своей работе на песенной ниве. В это десятилетие выйдут фильмы на основе романов исторической тематики: «Тени исчезают в полдень», «Вечный зов» В. А. Краснопольского и В. И. Ускова, «Семнадцать мгновений весны» Т. М. Лиозновой. Из Останкинского телецентра появится космическая телетрансляция с помощью спутников «Молния», «Радуга», системы «Интерспутник».

В начале десятилетия в семье Марины появится первенец, Семья будет жить в небольшой благоустроенной квартире, которую они получают на правах бесплатной пожизненной аренды у государства с небольшой коммунальной платой, ездить на новеньких «жигулях». Их ребёнок будет посещать детский сад. Летние отпуска будут проводить на природе или в домах отдыха. Несколько раз отправятся на отдых по туристической путёвке, которую можно было приобрести в любой организации на разные сроки отдыха. Впоследствии Марина будет вспоминать атмосферу уверенности во всём, взаимоуважения и внутреннего спокойствия, осознания жизненных целей, царящую в эти годы. Центральное телевидение, перешедшее на круглосуточное вещание с 1 января 1976 года, добавит праздника в сердца людей.

У голубого экрана

В вихре будней, забот и тревог промчалось десять лет. 1980 год был встречен шумно и весело под бой курантов и звон бокалов. «Голубой огонёк» и «Песню года» семья Марины смотрела с большого экрана цветного телевизора. В свободное от работы время вся семья устраивалась у телевизора, узнавая о событиях в стране, просматривая фильмы. А посмотреть было что:

«Пышное, яркое событие произошло летом 1980-го года в Москве, Таллине, Киеве, Ленинграде и Минске. В июле этого года были открыты в столице СССР первые в истории социалистической страны XXII Олимпийские игры, на которых присутствовали представители 80 государств. Открывал их Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. Красочное открытие и закрытие игр, парусная регата в Таллине, футбольные турниры в Киеве, Минске и Ленинграде, соревнования по пулевой стрельбе на стрельбище «Динамо» в подмосковных Мытищах транслировались на технически высококом уровне. Миллионы телезрителей вновь и вновь видели зажжение Олимпийского факела, слышали звуки Олимпийского гимна, трогательное прощание с символом Олимпиады, «олимпийским мишкой».

С 1 января 1982 года была введена в действие вторая общесоюзная программа. Расширился спектр передаваемых передач. В этом же году был основан Союз композиторов СССР, который стал главным организационным и главным цензурным органом советской музыки. Население страны познакомилось со звёздами зарубежной эстрады: Дином Ридом, Карлом Готтом, Мирей Матье, Джо Дассеном. Появились в продаже пластинки очень популярных мелодий из репертуара зарубежных эстрадных групп. Жители столицы могли посетить концерты зарубежных знаменитостей. В сентябре 1982 года население страны увидело «Телемост СССР — США», молодёжный музыкальный фестиваль в Лос-Анджелесе. В начале января 1982 большой популярностью у зрителей и телезрителей пользовался «Новогодний аттракцион». Миллионы людей могли наблюдать все действия этого циркового представления с участием звёзд отечественной и зарубежной эстрады, артистов кино, театра и цирковой группы с ведущими А. Пугачёвой, С. Мишулиным, И. Кио. В эти годы расцвёл талант эстрадных певцов Аллы Пугачёвой, Льва Лещенко, Вадима Мулермана, Эдиты Пьехи, Филиппа Киркорова, Сергея Захарова, Иосифа Кобзона, Эдуарда Хила, Вячеслава Добрынина, Софии Ротару. В 1981 году россияне восхитили композиция «Миллион алых роз» в исполнении Аллы Пугачёвой, которая была написана в содружестве с композитором Раймондом Паулсом. До сего дня она завоевывает своих слушателей. С композицией «Арлекино» Алла Пугачёва выступила на фестивале «Золотой Орфей» с ВИА «Весёлые ребята», а «Рождественские встречи» с её участием пользовались большой популярностью.

В июле 1984 года вся страна увидела и услышала трансляцию песенного фестиваля в Сан-Ремо с участием звёзд итальянской эстрады Тото Кутуньо, Пупо, Рикардо дель Турко. В стране началось увлечение итальянской эстрадной песней, продолжавшееся вплоть до 1990-х годов. Вечером пустели улицы городка, население тянулось к телеэкрану.

Смена курса

На 80-е годы прошлого века приходится самый сложный период в жизни огромного государства — Союза Советских Социалистических Республик. Итогом десятилетия явился практически полный распад СССР. С 1982 по 1985 год ушли из жизни единовластные руководители государства. В ноябре 1982 года щемящие звуки реквиема возвестили о кончине Леонида Ильича Брежнева. Его преемником становится Юрий Владимирович Андропов. Короткий срок правления Ю. В. Андропова закончился в феврале 1984 года. Константин Устинович Черненко, мягкий и больной человек, пришедший на смену, пробыл у власти всего год, не успев осуществить задуманные реформы. В марте 1985 года Пленум ЦК КПСС избрал Генеральным секретарём Михаила Сергеевича Горбачёва. К приходу к власти М. С. Горбачева значительно окрепла экономика СССР, увеличился национальный доход, люди стали жить богаче. В этом же 1985 году на апрельском пленуме был провозглашен курс на ускорение развития страны и перестройку. Михаил Сергеевич назвал гласность одним из основных условий успеха предстоящих преобразований. Можно было говорить в печати о недостатках общества, не затрагивая основ советского строя, личностей членов Политбюро. У народа возник интерес к печатным изданиям. Следующим шагом главы государства была антиалкогольная реформа. Был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР о борьбе с пьянством и алкоголизмом. Алкоголь вышел на 3-е место в стране в ряду причин смертности населения. Но результат борьбы за трезвость был печален. Часть дохода от алкоголя ушла в теневой сектор, были вырублены виноградники, бюджет лишился огромных доходов. В этом же 1985 году произошла встреча М. С. Горбачева с Рональдом Рейганом. Результатом встречи был договор о ликвидации химического и ядерного оружия, улучшение отношений с Америкой. Был ликвидирован «железный занавес». В 1987—1988 годах были приняты важные законы о государственном предприятии и о кооперации в СССР. К приходу к власти М. С. Горбачёва на улицах городов появились новые лозунги, призывающие к гласности, перестройке, ускорению. Население страны получило свободу, духовно и политически раскрепостилось, а также получило возможность свободного выезда за границу. Перестройка гуляла по просторам большой страны, увлечённой гласностью. Страшное событие в ночь на 26 апреля 1986 года потрясло всю страну. Произошла крупнейшая за всю историю техногенная катастрофа на украинской Чернобыльской АЭС. Неконтролируемый рост мощности реактора на четвёртом энергоблоке, готовившемся к ремонту, привёл к взрывам и разрушению. На телевидении долго обсуждалась эта катастрофа и причины, вызвавшие её. В 1987 году началась массовая реабилитация жертв сталинских репрессий, «кулаков», участников оппозиций. Выходили из тюрем политзаключённые, появились острые публицистические передачи на телевидении, такие как «Взгляд», «Пятое колесо». Полным откровением для Марины стала правда о взрыве на Чернобыльской АЭС в апреле 1986 года, о войне в Афганистане, начавшейся в 1979 году, о межнациональных проблемах, рассказанная ведущими передачи журналистами Дмитрием Захаровым, Владиславом Листьевым, Александром Любимовым и Игорем Кирилловым. Но жизнь к лучшему не менялась. Антиалкогольная реформа не имела успеха и одобрения у населения страны, преобразования в экономике так и не начались. Продолжались перебои с продуктами питания. В декабре 1988 года Верховный Совет одобрил создание Совета народных депутатов в качестве нового законодательного органа Советского Союза, приняв соответствующие поправки к Конституции. Выборы прошли в марте, апреле 1989 года по всей стране. III Съезд народных депутатов в марте 1990 года избрал М. С. Горбачева Президентом СССР.

Вторая половина десятилетия внесла много перемен в жизни семьи Марины. В семье появился ещё один член. Выйдя из декретного отпуска, она снова окунулась в рабочие будни. Летом семья превращалась в агрономов, выращивая овощи, заготавливая корм для скота, осваивая навыки ведения фермерского хозяйства из-за частого отсутствия продуктов питания в магазинах, а также из-за частой смены ценников. Провозглашённая в 1983 году реформа школы свелась к незначительному повышению зарплаты учителей и внедрению трудового воспитания, следствием чего стало изменение школьной программы, а также учебников. Накапливалась усталость. На работе у Марины тоже появились проблемы. К концу 1980-х происходит разгосударствление образования. Но процесс реформирования сдерживался создавшимися условиями, главным из которых было отсутствие средств. В обществе падал престиж педагогического труда, слабела тяга к получению знаний. Полное среднее образование перестало быть всеобщим, обязательным. Пытаясь выжить, школы отказывались от обязательного госминимума предметов, появилось множество скороспелых программ, учебников, что нарушало преемственность средней и высшей школы, снизило уровень подготовки школьников. Спасал систему образования героический самоотверженный труд большинства педагогов. Работая в условиях фактического отсутствия финанси-

вания, «полунищенской» заработной платы, которая ещё и задерживалась, учителя обновляли образовательную деятельность, формируя и реализуя инновационные проекты.

«За чем стоим?»

Большой центральный гастроном города. Запыхавшаяся Марина открывает дверь и упирается в спины впереди стоящих людей. «За чем стоим?» — задаёт она вопрос, обращаясь к спине впереди стоящего мужчины. Повернув голову в её сторону, мужчина ответил: «Молоко, колбаса по талонам и сливочное масло тоже по талонам». Очередь чуть продвинулась вперёд, и Марина смогла поставить свою вторую ногу за порог магазина. «Часа два, не меньше», — подумала она. Люди стояли в очереди, молча привычно и терпеливо. Иногда кто-то наводил порядок зычным голосом: «Вы стояли?» «Надо было зайти сюда сразу после работы, — сожалела Марина. — Но я не купила бы хлеба», — возражала она себе. Путь к прилавку оказался не столь длинным. Она была почти у цели, когда её плеча коснулась чья-то рука. Рядом с ней оказался её бывший учитель, пожилой пенсионер, ветеран войны. «Марина, можно я с тобой встану?» — его глаза вопросительно глядели на Марину. «Конечно, Фёдор Иванович», — только и смогла ответить отчего-то смутившаяся женщина. Марина вышла из магазина уже в сумерках. В её авоське был внушительный кусок колбасы, две бутылки молока и кусочек сливочного масла. Довольная собой, быстрой походкой она шла к дому.

«Что-то не клеится в Датском королевстве, — думала она по пути. — Всё так хорошо начиналось. Получили квартиру, купили мебель, машину, ковры, даже пылесос. Место в детском саду получили без проблем», — рассуждала Марина.

Но что-то незримо сломалось. Она видела, что на работе уже не ставили на вид опоздания и пропуска совещаний, не вывешивали позорных списков с фамилиями прогульщиков. Во время работы люди стояли в очередях. Находясь во время летнего отдыха в Москве в 1983 году, она наблюдала обеспокоенность людей в продовольственных магазинах. (Не разрешалось в рабочее время уходить с рабочих мест.) Всегда носила паспорт во время прогулок по городу. Особенно ей был неприятен эпизод с ветераном войны. «Видимо хорошо, что мой отец не дожил до этого позора, до этих очередей, до продуктовых наборов», — с горечью рассуждала она.

Борьба за власть

Не дай вам бог жить в эпоху перемен.
Конфуций

Промчалось десятилетие. Под звон курантов начался 1990 год. С тревогой и надеждой вслушивалось население страны в поздравительную речь Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Михаила Сергеевича Горбачёва. Он говорил о трудностях прошедшего 1989 года, о международных отношениях, о прошедших первом и втором Съездах народных депутатов, о гуманном демократическом социализме, о терпении и надежде на лучшее. Но никто ещё не понимал, что буквально через несколько месяцев Союз Советских Социалистических Республик прекратит своё существование. Народу страны, разваливающейся на куски, пригодится не только терпение, но и доля мужества, и сила духа.

С начала 1990 года начался спад гражданской активности, вызванный перестройкой. Появилось зримое подтверждение того, что страна идёт курсом на углубление неравенства. Население страны, привыкшее надеяться на государственную поддержку, осталось один на один со своими проблемами. Люди, измученные безденежьем, добывающие на кусок хлеба для семьи, меньше обращали внимания на детей, для которых улица казалась привлекательней. Часть населения спивалась, употребляя суррогаты и дешёвый импортный продукт вместо качественной водки. От алкоголя погибало в эти годы до 700 тысяч человек ежегодно, сокращая численность населения страны. В эти годы в России насчитывалось до 2 млн беспризорных детей, детей-сирот, чьи родители погибли в международных войнах. За перестройку изменился сам человек по причине невиданного товарного дефицита, спекуляции, вседозволенности. Гласность коснулась и школы. Ряд школьных предметов подвергались критике со стороны родителей и учащихся. В начале 1990-х годов, согласно Конституции, всем гражданам обеспечивалось получение девятилетнего образования, но не гарантировалось бесплатного полного. Каждый 10-й школьник оказался вне форм обучения. Росла преступность среди несовершеннолетних. Это были тяжкие годы для учительства. Учителя со стажем работы в школе, к которым относилась и Марина, понимали, что школа

теряет свои позиции, свой авторитет. Нужны перемены. Потерян и авторитет учителя, оказавшегося на самом низу социальной лестницы. Педагоги, воспитанные в духе командной педагогики, неспособные к саморазвитию, не выдерживали и уходили из школы. Работа в таких условиях требовала большого морального напряжения.

Прошёл год. Ни новогоднее телепоздравление, ни последующие события 1991 года не вселяли оптимизма. Шли военные действия в бывших союзных республиках, затем начался процесс их отделения. Союз Советских Социалистических Республик прекращал своё существование. Исчезли из свободной продажи практически все товары. Страна погрузилась в глубокий кризис власти. Народ страны по-прежнему доверял телеэкрану. К началу 1990-х годов была создана Российская телерадиокомпания из сотен частных телекомпаний. Областные центры тоже стали иметь свои каналы. 1991 год стал переломным в жизни страны. С января начался обмен рублёвых купюр. В марте вся страна участвовала во всесоюзном референдуме, обсуждавшем вопрос о сохранении СССР как основной федерации равноправных суверенных республик. 71 % населения страны сказал «Да». 12 июня впервые в РСФСР прошли президентские выборы. Страна узнала имя Президента РСФСР Бориса Николаевича Ельцина. В стране создалось двоевластие. События шли быстро, одно за другим. Включая телевизор, Марина видела то стучащих касками голодных шахтёров, то голодные митинги, то марши матерей, не желавших отправлять сыновей в горячие точки страны. В августе на экране появились танки. В Москву были введены войска. В сентябре XXII съезд ВЛКСМ объявил историческую роль ВЛКСМ исчерпанной. Со слезами на глазах слушали бывшие комсомольцы это сообщение. В ноябре Съезд народных депутатов утвердил новый флаг РСФСР. В декабре — Беловежское соглашение, создание СНГ. М. С. Горбачёв, избранный Президентом СССР в 1990 году объявил о прекращении своей деятельности. После Беловежского соглашения требовалось принять конституцию суверенного независимого государства. Реформа проходила в условиях борьбы между Президентом и парламентом. Высшая законодательная власть в России в начале 1990-х годов была представлена Съездом народных депутатов и двухпалатным Верховным Советом. Исполнительная власть принадлежала Президенту, избранному всенародным голосованием. В начале января 1992 года народ страны услышал о Егоре Гайдаре, члене Правительства с 1991 года, его реформах, принятых на Съезде народных депутатов РСФСР. Власть поставила перед собой задачу избавить страну от коммунистического прошлого. Для этого нужны были радикальные перемены в экономике, существовавшей в виде планового хозяйства. Правительство провело либерализацию цен, реорганизовало налоговую систему, создало новую систему внешней торговли. Резкие перемены были названы «шоковой терапией». В январе 1992 года начался «рыночный штурм» с Указа «О свободе торговли». Началась приватизация. Государственная собственность раздавалась. Летом 1992 года население страны получило на руки ваучеры стоимостью 25 рублей, которые можно было использовать для закрытой подписки на акции предприятия, либо участвовать в чековом аукционе, либо купить акции чекового аукциона, либо продать их. Номинальная стоимость ваучера составляла 10 тысяч рублей. Ваучеры были изданы согласно оценке стоимости имущества предприятий — 1400 млрд рублей. И на эту сумму были изданы. Такой порядок приватизации давал преимущества руководителям предприятий, которые старались захватить предприятия, став хозяевами. Большинство населения не поняло, что делать с ваучерами, и продавали их активизировавшимся скупщикам. Семья Марины продала их перекупщикам за небольшую сумму, стремясь избавиться, так же как и сотни других людей. В результате основная часть национального достояния оказалась в руках 10 % населения. В России был установлен беспошлинный ввоз товаров в Россию. С запада и востока на поездах, самолётах, автобусах дальнего следования хлынули товары в страну. Женщины неопределённого возраста тащили на себе огромные китайские сумки и баулы. За короткий срок страна превратилась в сплошной рынок. Появились новые русские: правящий класс из бывших партийных, комсомольских работников, директоров и предпринимателей. Появились и новые проблемы — наркотики. Их везли не только в китайских сумках, но и в ящиках с фруктами. Первый удар на себя приняла северная столица. Не имея опыта борьбы с этой напастью, врачи оказывались бессильными. От наркотиков погибала молодёжь.

Новый 1993 год изменил российскую историю. Страна устояла от хаоса и гражданской войны. Двоевластие, длившееся вплоть до 4 октября 1993 года, завершилось тремя залпами по Белому дому, где находились депутаты Верховного Совета во главе с Русланом Хасбулатовым и вице-президентом Александром Руцким. Впоследствии страна узнала о противостоянии на улицах Москвы, о штурме мэрии и Останкино, о баррикадах.

«Что же дальше?»

Что же делать простому человеку в такой ситуации? Человеку, не влияющему ни на политику, ни на денежный поток, уплывающий полноводной рекой за рубеж, оседающий в швейцарских банках и в карманах, дипломатах, мешках лиц, приближенных к денежному потоку. За период 1992—2005 годы за рубежом осело от 350 до 500 млрд долларов. Человеку, чьи дети горели в танках, умирали в узилищах Афганистана, затем Чечни. Человеку, чьих детей, попавших в плен, продавали в качестве рабов или требовали с их родителей огромный, неподъёмный выкуп. Человеку, чьих сыновей привозили на родину «грузом 200», которым посчастливилось лежать в родной земле. Человеку, чьи дети на глазах их матерей погибали от наркотиков, распространявшихся почти свободно. В такой обстановке распались семьи, члены которых были вынуждены искать источники дохода за рубежом. Особенно с 1993 года, когда вступил в силу закон о свободе выезда и въезда для всех граждан России. Одни уезжали ради куска хлеба, другие спасали свои капиталы. В 1990-е годы Россия утратила треть своего интеллектуального потенциала, и эти потери продолжают нарастать. Евреи выезжали в Израиль, этнические немцы — в Германию. Происходит до сих пор «утечка» молодых умов, студентов старших курсов ведущих вузов страны. Россия, Украина, Казахстан дали основную часть мигрантов, выехавшую из стран СНГ. Оставшаяся часть населения выживала, как могла, уже в другой стране без государственной защиты. Что стало с семьёй Марины? Семья устояла и выжила без потерь благодаря огромным усилиям. Марина всё так же работала в общеобразовательной, но уже другой школе. Были отменены одинаковые коричневые формы для девочек как символ тотальной унификации и подавления личности. Ведь школе предстояло готовить не «убеждённого строителя коммунизма», живущего за «железным занавесом», а гражданина открытого общества, способного к саморазвитию. Одежда в школах 1990-х отличалась крикливостью, была несурзадной. Макияж, украшения, агрессивное поведение учащихся становятся нормой. Меняется мировоззрение учащихся. Учитель потерял авторитет. Образование в СССР было тесно связано с воспитанием высокой нравственности, советского патриотизма. После распада СССР система образования независимой России подвергалась реформированию.

Демократизация захлестнула школу, уничтожая не только пережитки тоталитарного общества, но и ценный опыт, традиции качественного образования. В начале 1990-х годов был отменён обязательный государственный минимум предметов. Школам предоставлялось право выбора учебников и программ, которые плодились с завидной скоростью. В образовании царил хаос. В школьных библиотеках пылились новые, но уже не нужные учебники, не рекомендуемые для работы в данном учебном году. Была нарушена преемственность средней и высшей школы, резко упал уровень подготовки учащихся. Зарплата учителя выплачивалась с интервалами 3—6 месяцев. Начался «кадровый голод» в школах. К 1995 году в школах России не хватало 13,5 тысяч учителей. В новой редакции закона «Об образовании» 1996 года записано, что полное среднее образование остаётся бесплатным и доступным. К этому времени возросла престижность и понимание необходимости образования. Появились гимназии и лицеи, профильные классы. В школах появились советы школ, попечительские советы, а также и негосударственные школы. Появилась надежда у учителей и руководителей школ на перемены к лучшему. Но экономика страны не становилась лучше. Свирепствовала безработица. В стране упало производство промышленной и сельскохозяйственной продукции, цены на нефть и сырьё на мировом рынке резко упали по причине кризиса, что послужило причиной объявления в России дефолта в августе 1998 года.

Включив телевизор 17 августа, Марина услышала это слово — «дефолт». «Что же будет дальше?» — задумалась женщина.

г. Нязепетровск

Людмила Бычкова

Котик с картинки

112

Графамин № 3(39) - 2019

* * *
Котик с картинки
В красных ботинках
На пригорке пляшет,
Хвостиком машет.

* * *
Мармеладный кот
Выпил мой компот
И теперь вот, вот
У нас болит живот.

* * *
Мурзик — мой
Любимый кот,
На Запрудной
Он живёт,
Мясо ест,
Зефир жуёт,
Очень весело
Живёт.

* * *
Котику, коточку
Купили мы носочки,
Будет котик щеголять
И обновкой щеголять.

* * *
Абхазия моя,
Страна души моей.
Абхазия родная,
Когда к тебе вернусь,
Сегодня я не знаю.
Скучаю по тебе,
Домой я улетаю.
Живи и процветай,
Абхазия родная!

* * *
Море синее,
Ты море Чёрное,
И глубокое,
И бездонное,
Грозное ты
И спокойное.
Сердце ты мое,
Море Чёрное.

г. Нязепетровск

Баллада об Урале*

Мне не надо
Москвы
и не Питера,
мне не надо
Казахских степей,
я не против,
скататься
по литеру¹,
лишь вернуться
к Уралу
скорей.

Я родился
и вырос
в Челябинске —
металлургов страна —
Танкоград,
здесь народ весь
с душой
христианскою,
что не житель
то истинный клад.

И добрее народа
не сыщешь,
но упрямый
и стоек в бою.
Он природой
Уральской
очищен.
Об уральцах
балладу пою.

Он — опорный всегда —
край державы —
наш Урал —
человек —
монолит
и оваян
бессмертною
славой,

днём и ночью
на страже
стоит.

Я люблю
наш Урал —
свою Родину,
где рождаются
в горах облака,
где в лесах
очень много
смородины
и у дома
струится
река.

Утром выйдешь
из дома
над речкою,
из криницы
напьёшься
воды,
из хатёнок дымочек
колечками
и везде
расцветают
сады.

Так сердечко
заходится песнею,
что душа
улетает в поля.
Ах! Сторонка
моя
расчудесная!
Эх! Уральская
наша
земля!

с. Долгодеревенское

* Публикуется в авторской редакции.

¹ Литер — бесплатный билет на транспорт (словарь Ушакова). Прим. авт.: Выдаётся инвалидам, командировочным и т. д.

Надежда Лысанова

Пророки живут мудрее*

114

Трафимов № 3(39) - 2019

Александра Исаевича Солженицына (1918—2008) жизнь не баловала: был он и студентом, солдатом и боевым офицером, зэком, школьным учителем, борцом с властью, политическим изгнанником. Вошёл в литературу, открыв другую дверь, свою. «На самом деле, уже с 18-летнего возраста я задумал описать и объяснить в полном объеме — историю российской революции 1917 года, — таким он видел свой приход в литературу. — Уже по этой коренной причине мне не пришлось бы развиваться путем лояльного советского писателя».

Споры о книгах «Архипелаг ГУЛАГ», «В круге первом», «Раковый корпус», «Бодался телёнок с дубом»... не утихают. О произведениях, которые выходят за рамки обычных правил и восприятий, всегда спорят. Книги, которые будоражат память и совесть, являются раздражителем, когда в обществе присутствует нераспознанная ложь, падает культура, становится беспокойно.

Не все выдерживают Солженицына. Начинают читать и бросают: грустно, скучно, страшно, длинно... Читать тяжело. Перечитывать тяжелее, глубже проникаешь в мысли автора. Часто Солженицына обвиняют в недостоверных описаниях исторических событий. Писатель имеет право на вымысел. Он выстраивает произведение, как задумал, он хочет донести суть до читателя, а не скрупулезную описательную достоверность.

Произведения Солженицына изучают в старших классах. В семье же писателя сыновья знакомилась с творчеством отца рано. Наверное, им было страшно. «Самостоятельно дети начали читать книги отца лет в девять, и это был их свободный выбор, — рассказывала в 2002 году жена писателя Наталия Дмитриевна Солженицына. — Никогда никто из нас им этого не предлагал. Напротив, мы опасались что-либо им навязывать. «Ивана Денисовича», я думаю, каждый из сыновей прочитал не позже, чем в девять лет, а в одиннадцать-двенадцать — «Архипелаг ГУЛАГ». А многие из нас до сих пор книг его не прочли, но рассуждают о них.

Впервые страна узнала имя Александра Солженицына в 1962 году, 17 ноября вышел в свет «Новый мир» с рассказом «Один день Ивана Денисовича». Ни одна публикация времён «оттепели» не имела такого резонанса. «Матрёнин двор» увидел свет в «Новом мире» в январе 1963 года. Известно, что автор радовался Матрёне больше. Вот что Анна Ахматова сообщала об этом: «Удивительно, как могли напечатать... Это пострашнее «Ивана Денисовича»... Там можно всё на культ спихнуть, а тут... Ведь у него не Матрёна, а вся русская деревня под паровоз попала и вдребезги...» Но скоро рассказы стали называть в центральных газетах «злостным очернительством», а журнал — «сточной канавой».

22 февраля 1967 года Александр Солженицын закончил работу над первой редакцией книги «Архипелаг ГУЛАГ». А костёр вокруг него разгорался. В 1967 он опубликовал открытое письмо, в котором призывал покончить с цензурой. В 1970 стал нобелевским лауреатом. В 1971 были конфискованы его рукописи, уничтожены издания. В 1974 Солженицына лишили советского гражданства. Но в журналах «Новый мир», которые разошлись по всей стране, он остался. В моей семье читали «Новый мир». Я знала, куда отец прятал журналы с Солженицыным.

Только в 1990 писателю вернули гражданство. Российское. За это время в стране сложилось своё отношение к автору «Архипелага». «Эта книга сконцентрировала огромную энергию, ощущение возможности прорыва к справедливости и свободе, — скажет Владимир Лукин (2007), уполномоченный по правам человека в России. — Для того времени — гнилого, циничного — она была уникальным явлением. «Архипелаг» стал одновременно и анализом Системы, и следственным делом против неё, и приговором...»

Вернулся Александр Солженицын в Россию писателем с мировым именем. Мы ждали его. Радовались. Но вернулся ли он вообще после 20-летнего отсутствия к нам, именно к нам? Было ли у него опасение, что останется непонятым? Наверное, было. «Александр Исаевич не боится, что русский народ его не услышит, — говорила его жена. — Наоборот, он хочет, чтобы этот народ хоть немножко понимали на Западе. ...Солженицын — патриот, и ему очень больно наблюдать за тем, как Россию выставляют в дурном свете».

Он смело отстаивал свои художественные и общественно-политические взгляды. Одни перед ним преклонялись, а другие смертельно ненавидели. С ним боролись. Не только советский режим, но и левые либералы. Но он верил в возрождение русской культуры. Ему

* Публикуется в авторской редакции.

нравилась провинциальная жизнь, он считал, что в ней зарождаются, развиваются основы гражданского общества, духовной, а не рыночной культуры.

Писатель никогда не аплодировал власти и не освистывал её. О сегодняшнем президенте России сказал: «Путину досталась по наследству страна, разграбленная и сшибленная с ног, с деморализованным и обнищавшим большинством народа. И он принялся за возможное — заметим, постепенное, медленное — восстановление её...»

Александр Исаевич осуществил то, что задумал в 18 лет. «Десять томов “Красного колеса” охватывают лишь Февральскую революцию 1917, — комментировал он. — Я постарался проследить и всю социальную подготовленность к ней в России — но и необычное стечение обстоятельств самого февраля 1917, без которых революция бы не разразилась». Слыл он глубоко верующим человеком, потому, объясняя историю революции, говорил: «Бог никогда не лишал нас однажды дарованной свободы выбора. Мы творим свою историю сами, сами загоняем себя в ямы...»

Писатель получил в дар свыше — долголетие. Секрет его долголетия был прост — каждодневный труд. Последнее интервью он дал Даниэлю Кельману для журнала «Сисего» в 2006 году. Скончался Солженицын в Москве. Прощались с ним в полном безмолвии, без ритуальных речей. В последний путь 6 августа его провожали жена, три сына, внуки и вся страна! Похороны состоялись на кладбище московского Донского монастыря. Александр Исаевич просил патриарха Алексия об этом в 2003 году и получил благословение.

И тут вновь на какое-то время произошёл сильный всплеск интереса к нему, а его уже пытались убрать в дальний угол. Но ведь все, что он говорил об обустройстве России, о земстве, о сбережении народа, — всё важно и сегодня. Сейчас вновь наблюдаются попытки убрать его из нашей памяти. Но совсем забыть не получится. Есть его книги, есть литературная премия Александра Солженицына. Она финансируется из семейного бюджета писателя за счет его мировых гонораров за «Архипелаг ГУЛАГ». Лауреатами её стали Валентин Распутин, Инна Лиснянская, Евгений Носов, Леонид Бородин, Александр Панарин, Борис Екимов...

Вот несколько предложений из высказывания Бориса Екимова, который был знаком с Солженицыным: «У него — счастливая семья. Он смог обрести свой дом только под конец жизни. А может быть, я и не прав. И его жизнь — та прежняя трудная, непростая — и есть самая счастливая». Может, и не прав. Солженицына уже нет, а мы его до сих пор возвращаем, потому что пророки живут мудрее.

Он оставил нам завещание — публицистическую работу «Жить не по лжи!» (1974). Эту мысль он пронёс через всю жизнь, с нею обратился к человечеству: «...пусть каждый выберет: остаётся ли он сознательно слугою лжи... или пришла ему пора отряхнуться честным человеком...»

г. Челябинск

Виктор Калугин

Былое и думы о Римме Дышаленковой

Девятого июля минуло три года, как Римма Андрияновна Дышаленкова обрела новый мир — мир предков. Теперь, когда в моей памяти всплывают многочисленные эпизоды наших встреч, поездок, бесед, что-то большое и тёплое накатывает, заполняя всю мою сущность, и я, подобно аквалангисту, погружаюсь в духовный мир Риммы Дышаленковой.

Прежде всего это мир Слова. Слова живого, органичного, как сама природа, связанного невидимыми нитями-лучиками с другими волшебными словами.

Написал «мир Слова», а моё сознание сработало так же, по-дышаленковски: имя Римма в арабском или этрусском обратном прочтении означает — Мир. Совпадение — возможно. Но надо знать Римму, чтобы понять и увидеть множество «случайных совпадений» в её жизни.

Помимо того, что она прекрасная поэтесса, прозаик, публицист и драматург, Римма Андрияновна — глубокий исследователь всех религиозных конфессий и маститый эзотерик. Это очень соотносится со значением её имени — Мир в самом масштабном смысле.

Все мы, конечно, помним представление о мироустройстве наших древних предков: Земля покоится на трёх слонах, а они, в свою очередь, на огромной черепахе (не потому ли самый крупный вид черепах называют — слоновой?) Так вот, не все знают, что родовая фамилия Риммы — Черепанова. Становится совершенно очевидно: с эзотерической точки зрения полное имя её звучит — Черепаха Мира. Вот и второе совпадение.

Теперь очевидна и понятна её нерастраченная материнская любовь к людям, планете, её рубашка жизни и бесписьменная цивилизация. Она каждой клеткой своего тела чувствовала дыхание земли-матери.

Всякий раз, когда мы приезжали на лоно природы в сказочные пределы Башкирии, Римма Андрияновна, выйдя из машины, становилась на колени и целовала землю:

— Надо земле поклониться, — приговаривала она.

В такие моменты я уходил, чтобы не мешать таинству общения. Однажды в одну из таких вылазок Римма устроила мне «экзамен». Мы стояли на лесной полянке у подножия Крыкты-Тау и пили чай в окружении белоствольных берёз. Вдруг она хитро прищурилась и говорит, указывая на берёзу:

— Это мальчик или девочка?

— Мальчик, — нисколько не растерявшись, ответил я.

— А это? — не унималась Римма.

— Это девочка.

— Откуда знаешь? — хрипло выдохнула она, прихлебывая горячий чай из походной кружки, пылливо глядя на меня снизу-вверх.

— Не знаю, просто вижу. У мальчика узкий ствол-бёдра и прямые ветви-ноги, а у девочки наоборот: штамп широкий, округлый, а ветви-ноги утончённые, да и бугорок в известном месте выдаёт девочку. — Римма расплылась в довольной улыбке:

— Значит, природа доверяет тебе.

Весьма ободрённый её словами, я выпалил:

— А я знаю дерево, которое растёт корнями вверх, а ветвями вниз. Елена Блаватская в одном из своих трудов пишет, что кто найдёт это дерево, тот познает мироустройство.

— Спасибо, друг мой, — зачем-то сказала она и с нескрываемым любопытством спросила: — И что же это за дерево?

— Вы же знаете!

— Нет, конечно! — радостно отозвалась она и застыла в ожидании ответа.

— Это — Человек.

Римма Андрияновна расплылась в довольной улыбке, выдав этим себя. Я же продолжил:

— Души ушедших предков (корни наши) живут на небе, а мы, дети, внуки наши — ветки того дерева на земле. Мне берёза этот ответ подсказала...

Но вернёмся к «случайным совпадениям» в жизни Дышаленковой.

Римма Андрияновна своего сына нарекла космическим именем Артур. (В созвездии Волопаса самая яркая звезда носит похожее имя — Арктур.) Тем самым предопределив всю дальнейшую судьбу сына. Артур стал авиаконструктором, участником успешных проектов.

Однажды зимним вечером мы с женой забежали к Римме Андрияновне. Расположившись вокруг небольшого журнального столика, мы стали извлекать из сумок и пакетов конфет, фрукты и прочие вкусности. Римма всплеснула руками:

— Какое царство-богатство! Вы это всё съедите? — радостно воскликнула она.

Мы были немало обескуражены, а она уже сочувственно продолжила:

— Детёшки мои, голодные, вы же с работы, целый день «сталь варили»...

— Сегодня 30 января, мой день рождения, — пояснил я.

— Ой, как замечательно! — восхитилась хозяйка, — А у меня Артур родился тридцатого, только в сентябре шестьдесят второго года. — И, задумавшись о чём-то, продолжила:

— У тебя первый месяц, а у Артура девятый — это же детородный период. Сын мой, я тебя теперь по полному праву могу так называть. Ты не возражаешь?

Я не возражал, я был счастлив...

Однажды в разговоре с ней на вечные темы, я обронил фразу, что все люди похожи на разных животных: кто на птицу, кто на медведя, а иные на кошек. Римма сразу же оживилась, глаза её заблестели, и она вкрадчивым, слегка хрипловатым голосом спросила:

— А я на кого, по-твоему, похожа?

— На черепаху, мудрую черепаху Тортилу, — не задумываясь, выпалил я.

— Это правда, меня в детстве подружки звали Черепашкой, по фамилии — Черепанова.

А я почему-то тогда сказал:

— Черепахе везде хорошо, куда бы судьба ни забросила, потому что её дом всегда с ней.

— Это, верно, мне и в Челябинске было хорошо, и в Магнитке...

Потому-то я уверен: Римма Дышаленкова уже нашла своё достойное место в том мире, как нашла его в этом — в нашей памяти и сердцах.

Римма Дышаленкова
За камнем

Иду по лунному лучу,
припал он к моему плечу.
Вот видишь, я уже крылата,
лечу по горному ручью.
Крылом цепляясь за Урал,
я вижу, что на дне ущелья

алмазный камень засверкал.
Он чист, как горная река,
и неподвижен, как века,
ложится на него без страха
моя крылатая рука.
Тот камень я возьму с собой,
и закляну его мольбой:
Ты — мой кристалл харизматический,
Урал ведический ты мой.

г. Магнитогорск

Галина Козлова

Утаенная любовь Александра Сергеевича Пушкина

эссе

Да простит меня Александр Сергеевич Пушкин за мою дерзость, что я решила в качестве эссе взять очень болезненный эпизод из его юности. (Но думаю, что Александр Сергеевич в обиде на меня не будет.) Правда, одна из читательниц упрекнула меня в том, что я «лезу» в постель великого Пушкина. Посмею ей возразить, в этом эпизоде никакой «постели» не было и быть не могло. Считаю, что, напротив, рассказав об этом эпизоде из жизни Пушкина, раскрою его широкую, глубокую и прекрасную душу. Кроме того, поспорю со многими пушкинистами, которые считали Александра Пушкина «ветреным повесой». Речь пойдет об огромной, глубокой самой первой любви молодого Пушкина к Екатерине Андреевне Карамзиной, которую он пронес через всю свою жизнь. Трагедия заключалась в том, что Екатерина Андреевна была на 19 лет старше Саши Пушкина и была женой человека великого, мудрого, пятидесятилетнего Николая Михайловича Карамзина, писателя, поэта, историографа, советника царя.

После написания «Истории государства Российского» (8 томов) Карамзины, в ожидании издания, вынуждены были жить (по приглашению царя) в Китайской деревне Царского Села, недалеко от лица. В их доме часто бывали гости, частенько заглядывали и лицеисты.

В спокойствие Катерины Андреевны, в внимание ее серых красивых глаз Пушкин влюбился сразу. Карамзин замечал взгляды Пушкина, которыми тот встречал его жену. Взгляд этого юноши-мальчика был немой и умоляющий, значение которого стареющий историограф прекрасно понимал. А Саша в ее присутствии оживал, зажигался, в нем вспыхивало красноречие, он тянул ее внимание на себя, не желая делиться ни с кем. Друзья в таких случаях не узнавали своего Пушкина, который обычно был скучающим дичком. Замечала все это и жена Карамзина. Он был в ее понятии дичком, юнцом, с отрывистым смехом и страстным горящим взглядом небольших коричневых глаз, и, чтобы не рассердиться на него, она начинала смеяться. И все же ей был лестен этот взгляд — для этого отчаянного юнца словно не существовало ее тридцати шести лет, что придавало и ей ощущение молодости. А Карамзин думал: «Бог с ними, с лицейскими юными повесами! Катерина Андреевна придает мальчику значение, которого у него нет, — смеется над ними и вместе с тем любит всю эту фанфаронаду».

Выходит, не зря Александр Сергеевич заметил внимательность глаз, взгляда: Екатерина Андреевна раньше своего мудрого, знаменитого мужа заметила гениальность Пушкина, пусть в будущем, но все-таки гениальность!

А молодой лицеист мучился. Все, что он писал теперь, писал с тайной надеждой, что стихи попадут в Ее руки. Он понимал, что не может и дня прожить без этой женщины, но надо молчать, молчать всю жизнь, бояться самого себя, чтобы никто не догадался. Она была женой великого человека, мудреца и учителя; недостижима, неприкосновенна. А его (Пушкина, как ему казалось) считала школяром и больше никем. Он чертил на песке вензель «NN», это был теперь ее вензель. Он искал на земле узкий след ее ног, чтобы его целовать. Он вдруг возненавидел всякую мудрость и спокойствие. И однажды утром девушка подала Екатерине Андреевне письмо, которое принес дворник. Конверт не подписан. Вскрыла конверт, и враз покраснели лицо, шея, плечи, грудь. Бросила конверт на стол и строго приказала девушке: ни у кого, ничего, никогда не брать без разрешения. Заломила пальцы и протянула письмо мужу. В письме было написано: «В 6 часов у театра», и все. Тактичный муж понял все сразу, понял, что так назначают свидания, но рассмеялся над глупым дворником и глупой девушкой, которые все напутали и занесли не туда это письмо. Посмеялась вместе с ними и Катерина,

потом задумалась, кто же автор записки? И вдруг Николай Михайлович произнес: «Пушкин!» Но, чтобы не обидеть жену, он как историк стал рассуждать: мальчишка (Пушкин) написал какой-то своей деве, а дворник не понял и принес сюда. Екатерина Андреевна, привыкшая соглашаться с мужем и доверять ему, решила, что все объяснилось. Но тут же спокойно сказала: «Надо его наказать». И Николай Михайлович согласился: «Да, мальчишку следует проучить».

Об этой истории я узнала из 2-й книги Юрия Николаевича Тынянова «Пушкин»¹ («Лицей», «Юность».)

Я бы не осмелилась выносить этот эпизод на обсуждение, если б обнаружила его только в одном источнике. Ведь ошибаются все, а некоторые способны на преувеличения, есть и такие, которые не прочь и приврать. Но о тех же событиях прочла в книге Н. Эйдельмана о Карамзине «Последний летописец»², где белым по черному: «Но вдруг семнадцатилетний Пушкин пишет любовное послание тридцатилетней Екатерине Андреевне Карамзиной...» «Анна Петровна Керн считала жену Карамзина первой любовью юного гения...» «Блудов любил вспоминать, что Карамзин показывал ему в царскосельском китайском доме место, облитое слезами Пушкина...» П. И. Бертенев со слов друзей Пушкина: «Пушкину вдруг задумалось приволокнуться за женой Карамзина. Он даже написал ей любовную записку» и т. д.

Напоминаю, чувства Александра Сергеевича были настолько глубокими, что он ни словом не обмолвился о них даже с лучшим другом Иваном Пущиным.

Далее автор «Последнего летописца» вопрошает: «Какие же слова нашел втрое старший знаменитый писатель, чтобы такой «внук» так сильно плакал, но при этом не обиделся, не разъярился от собственной неправоты или чужой морали... Мало того, в письмах Пушкина с юга постоянный мотив: «Где, что Карамзины? Это почтенное семейство ужасно не достает моему сердцу». И Эйдельман сетует далее: «Какое же слово знал Карамзин, чтобы в столь невыносимом, щекотливом положении сохранить дружбу и любовь молодого гения? Ах, если б угадать!» Вскользь он указывает на Тынянова и на его гипотезу, что именно к этой женщине (жене Карамзина) Пушкин питал потаенную возвышенную любовь и пронес ее через всю свою жизнь, и даже, будучи смертельно раненым, «велел прежде всех других послать за Карамзиной». Итак, Эйдельман восклицает: «Ах, если бы узнать!»... А узнавать и угадывать было бы нечего, если бы писатели интересовались и внимательно читали произведения друг друга. Именно у Тынянова, на творчество которого ссылается Эйдельман, описано все подробно. Читаем: «Пушкин пришел (к Карамзиным). Он сидел в их китайском зале, круглом, маленьком, чужом. Пусть посидит. Она стала спокойна и ровна, прислушивалась. Николай Михайлович тоже не торопился. Пушкин быстро ходил, останавливался, срывался. Зайдя в зал, Карамзин протянул записку Пушкину. Он побледнел. В это время зашла к ним и она. Пушкин побледнел еще больше. Карамзин взял его за руку и подвел к дивану. Он весь смирился, стал жалок, смешон, на них не смотрел. Николай Михайлович заговорил без злобы, без холода, говорил так, как говорил бы отец с сыном. Забрал из его рук записку и стал разбирать: «Краткость записки говорит, что это не впервой. Но, если уже были свидания, как мог быть таким неосторожным, не ценить своей страсти? Что могут подумать о той, которой эта записка предназначена? Безымянная, стремительная? А может быть, никому и не предназначалась? И все кипение страстей впустую, как пишутся многие твои стихи?» Карамзин сказал, что его заступничеству Пушкин обязан уже тем, что сидит на диване, а не поставлен в угол, что заслужил в полной мере. Он говорил, что здесь встречали его стихи с гостеприимством, как надежду на стихи более лучшие. И что самое смешное — это его годы, его возраст. «Вот она немецкая слобода, где юные петиметры (щеголи), молодые люди начинают распутствовать, думая, что они в Европе»... и т. д., и т. п. Пушкин все еще держал в руках эту записку. Катерине от этого стало смешно, и она рассмеялась. Наконец он поднял голову и посмотрел на нее с удивлением. Она рассмеялась еще громче. Он понял, что ничего нет и не будет, все осмеяно. И совершенно неожиданно для самого себя заплакал неудержимо. Так он не плакал даже в детстве. Слезы не капали, а струились и прыгали. Темно-зеленая кожаная ручка дивана блестела, как омытая дождем. Карамзин вышел. Он такого не ожидал. Саша поднялся с дивана и, не глядя на нее, убежал широкими, слепыми шагами, как убегают навсегда.

Через восемь дней он забыл про свои слезы. А если бы не забыл, жить бы не мог. Он привыкал властвовать собой и увидел ясно: он несчастен. Счастье невозможно, и написал: «Счастлив, кто в страсти сам себе // Без ужаса сознаться смеет».

¹ Тынянов Ю. Н. Пушкин. М. : Книга, 1983.

² Эйдельман Н. Я. Последний летописец. М. : Книга, 1983.

Через некоторое время после этого случая Карамзин получил злодейские, «истинно разбойничьи» эпиграммы. Что это? Мечь? Карамзин себя почувствовал «преданным со стороны... мальчика». В душе был недоволен и женой, считая, что она ведет себя — странно сказать это о ней — моложе своих лет, но виду не подавал. (Кстати будет сказано, что Екатерина Андреевна никому не позволяла фотографировать себя или писать ее портрет только потому, что муж был старше ее, чтоб не травмировать.)

Однажды вечером Николай Михайлович, увидев в окно Пушкина, позвал к себе домой и положил перед ним эпиграммы. Как он побледнел! Теперь он не плакал, но так побледнел, что стал белым. Карамзин сухо кратко сказал, чтоб больше не бывал здесь, на первых порах пусть соблюдает расстояние между собой и этим китайским домом.

К ней теперь Саша пойти не мог, ходил по парку то там, то здесь, на седьмой день стал задыхаться. И вдруг однажды в парке, вдали от домиков, они нечаянно, случайно встретились. Пушкин, увидев ее, рванулся к ней, как конь, стиснутый шпорой. Она обрадовалась ему немного сильнее, чем сама ожидала. Он, задыхаясь, обняв ее стан, стал опускаться и вдруг упал к ее ногам, как подкошенный, прижался губами к ее узкой стопе. Она закрыла глаза и не нашлась, что и как ему сказать. Он тоже ничего не говорил, лежал у ее ног, обняв их.

Она ничего не сказала своему мужу. Его покой был слишком дорог ей, а Пушкин — безумный мальчик. Ей было жаль его.

В своей любви Александр Пушкин был абсолютно одинок. У всех родных были свои проблемы, и никому из них даже в голову такое не могло прийти. Никто не догадывался, как он мучился, не догадывались о любви, упавшей на него и пронзившей, как пуля. Он не знал, что ему предпринять, и посоветоваться было не с кем. Тайна этой любви тяготила его, как вечная, неоплатная, не дающая разрешения ни на час, ни на миг.

Он не мог смириться с тем, что она так глубоко любит старика.

Однажды друг Пушкина Чаадаев вспомнил Карамзиных и сказал, что в их доме есть достоинства, которые трудно переоценить... тон, воздух. Красота хозяйки удивительна, разговор ее удивляет ровностью, знаниями, уверенностью в истине. Она прекрасна! Пушкин побледнел и тут же густо покраснел. «Что с Вами, друг мой?» — спросил Чаадаев. Пушкин не нашелся, что ответить, сбивался, путался, был жалок. Если бы Чаадаев спрашивал его дальше, Пушкин бы вновь расплакался, но друг (понял или нет, неизвестно) налил чашку благоуханного кофе, полученного им из Англии, и молча обнял.

Так хочется успокоить молодого, неопытного Сашеньку Пушкина! Крикнуть ему: «Остановись, дорогой! Это — не твое! Это чужое! Она другому отдана, успокойся! У тебя все еще впереди. Ведь во всем он такой неуправляемый, в том числе и со своими эпиграммами. Не лучше ли приостановить коней своей крови, взнуздать себя? А то вот решается уже вопрос о высылке такого молодого, неопытного, горячего. Только не могут выбрать куда? Фотий — в Соловецкий монастырь. Аракчеев — в Петропавловскую крепость или в солдаты навечно. Князь Голицын — в Испанию.

Но скачет его друг Чаадаев, чтоб попросить Карамзина вмешаться, его поддерживает, набравшись смелости, Екатерина Андреевна: «Ну не погибать же гению!?» Николай Михайлович обращается к императору. Император помнит, что у Карамзина милая жена Екатерина, улыбнулся краешком губ и сказал: «Хорошо. Ионов». А это юг, Екатеринослав.

Мне очень жаль молодого Александра Сергеевича Пушкина. Боже! Какой невыносимо трудной оказалась его первая любовь! Как он мучился! Даже представить страшно.

Может быть, я не права, но считаю, что Екатерина Андреевна (с учетом ее возраста) могла отнестись к Александру по-матерински. Ну, например, могла объяснить и мужу, и Пушкину, что у нее четверо детей, пусть Саша будет пятым, старшим. Ведь можно было и самой вести себя посерьезнее. Быть приветливой, внимательной, соблюдая материнскую дистанцию. Наверно, есть и такая. Они же оба (Карамзины) были мудрыми. Пусть бы приходил, внутренне восхищался, делился творчеством. Ведь могла бы она вести себя посерьезнее, повзрослее и не смеяться на каждом шагу, как девочка. Может быть, тогда все обошлось бы без такой душевной боли, или я ошибаюсь? Как вы думаете? А теперь целесообразно присоединиться к мнению Тынянова, что Александр Сергеевич Пушкин не был таким беспечным, ветреным, легкомысленным повесой, каким его считали многие его современники, если он через всю свою жизнь пронес эту благородную, огромную «утаенную» любовь.

г. Чебаркуль

Вячеслав Тюнькин

Предтеча?

Сегодня при всём обилии книг на прилавках магазинов читать нечего. Детективы с незатейливыми сюжетами, написанные словно под копирку. Фэнтези, где неплохой сюжет, основанный на фольклоре, перенесён в несуществовавшие исторически страны. Боевики, написанные в стиле рапорта или протокола.

Может быть, просто я стал слишком придирчив? Когда есть выбор — хочется выбирать. Выручает Интернет.

С детства неравнодушен к мистике: влияние моего любимого писателя Н. В. Гоголя. В моём понимании настоящая мистика должна быть настолько близка к реальности, что в описанные события можно было поверить.

Итак, в поисках пищи для души наткнулся на незнакомого доселе мне автора — Николая Дмитриевича Карпова, давно и незаслуженно забытого. Господи! Давно не читал ничего лучшего. Какие вкусные рассказы! А стихи! Но самое поразительное: сюжеты, язык, стиль изложения, обороты речи — мои. Рядом кладу свой цикл «Шабаш» — впечатление, что писал один человек! Друзья не могут отличить. Вот это мистика: не только на бумаге, но и в реальности. Как тут не поверишь в переселение душ?

Н. Д. Карпов, 1887 — 1945 годы. Родился в Пензенской губернии, самоучкой выучился читать, учился в реальном, затем в коммерческом училище, затем — высшие сельскохозяйственные курсы — ничего из перечисленного не закончил. Бросил учёбу ради литературы. Его роман «Лучи смерти» опередил «Гиперболоид инженера Гарина» А. Н. Толстого.

К моему глубокому сожалению, не смог найти в продаже бумажный вариант (книга «Защититель змей» вышла в Украине).

Привожу ряд его стихов:

Призрак

Я не один в моих покоях:
Едва погаснет серый день,
За мною следом на обоях,
Кривляясь, пляшет чья-то тень.
Я оглянусь, но призрак чёрный
Поспешно прячется в углах
И лишь порою взор упорный
Блеснёт в холодных зеркалах.
И вижу я: в дали зеркальной
Стоит недвижно мой двойник,
Тревожен взор его печальный,
И странно бледен строгий лик.
Его уста всегда сомкнуты;
Заколот чёрный плащ всегда,
И бесконечные минуты
В час ночи длятся, как года.
Смотрю — и призрак не отводит
Стального взора от меня,
Иду — и он за мною бродит,
Молчанье жуткое храня.

Русалочья любовь

Иду, в нездешнее влюблённый,
К реке, затерянной в лесу.
Последний луч в траве зелёной
Зажёт вечернюю росу.
Я знаю: близок миг желанный —
В реке запляшет лунный диск,
И сквозь полночные туманы
Увижу взлёт жемчужных брызг.
По тихим шелестам гадая,
Смотрю на лоно тихих вод —
Ко мне русалка молодая
На сонный берег приплывёт.
Увижу блеск очей зелёных
И плечи — белые снега,
В кудрях, луной посеребрённых,
Холодной влаги жемчуга.
Но а на травы сядет рядом,
Молчанье вечное храня,
Заворожит горящим взглядом
И смехом ласковым меня.
Усну, покорный дивной страсти,
На травах навсегда усну,
Но ни её губящей страсти,
Ни диких ласк — не прокляну.

Прозу не привожу из-за объёма. Интересно? Интернет вам в руки. Ищите и обращайтесь. Но, если найдёте бумажный вариант, — куплю.

г. Коркино

Рассказы моей мамы*

Детям Великой Отечественной Войны посвящается!

Мытарства

Сентябрь 1943 года

Никто из нас не знал тогда, что один из тёплых сентябрьских дней был последним, когда немцы принуждали нас копать противотанковые окопы. Копали окопы всем населением деревни. В доме оставались тяжело больные взрослые да малые дети.

Каждый должен был выкопать норму: два метра в глубину и два в ширину. Проверяли немцы выполнение работ очень строго. Ходят с автоматами рядом, смотрят на нас сурово. Окопы копать очень тяжело. Надрываешься, а передохнуть не дают.

Вот копаем мы противотанковые окопы. Рядом возле нас ходит наблюдающий за нами немец. Видно, что ему скучно. Сытый... Играет на гармошке и вяло, стараясь привлечь наше внимание, говорит: «Сегодняна ваш зольдат припользаль. Сказаль, что сьегодна русские будут бом-бом, а немцы погоньят вас в Германи!» Не поняли мы тогда смысла его слов, но было в них что-то роковое. На душе появилось недоброе предчувствие.

Пришли домой на обед. Только сели кушать во дворе, как из лесу начала бить тяжёлая артиллерия... Нам казалось, что стреляли где-то рядом. Стало тревожно!

Жили мы тогда одним днём. Информации правдивой не имели. Не знали мы многого, не ведали главного. Немцы внушали нам, что Красную Армию они разбили, Москву уже взяли, что скоро поймут Сталина и Левитана. Особенно они ненавидели Левитана. Детей пугали, рассказывали им, что поймут наших руководителей и сразу в печку их кинут. Было нам жутко и непонятно, за что немцы готовят хорошим людям такую страшную казнь.

В этот длинный сентябрьский день 1943 года населению деревни Алешенка было приказано, как можно скорее, собраться для отъезда в Германию. Для всех нас это было полной неожиданностью.

Времени на сборы дали мало. Отец запряг нашего коня и прицепил к нему повозку. Мы спешно укладывали на неё всё самое необходимое. Прошло немного времени, и на повозке уже была гора вещей, с которыми так трудно было расставаться. Отец был недоволен нашей нерасторопностью, но не успел он сделать нам замечание, как снова ударила тяжёлая артиллерия.

Теперь нам казалось, что снаряды бьют прицельно по деревне. Они взрывались уже совсем близко. Отец закричал нам: «Всем бежать в окоп! Быстро!» Мы бросили всё, что было в руках. Забыли о коне, о повозке с вещами, и бросились бежать в окоп, который был вырыт по проекту отца заблаговременно и для особого случая. Отец прошёл две войны и знал цену окопам. Едва он успел привязать к забору коня и укрыться вместе с нами, как один из снарядов прилетел в наш двор. Раздался оглушительной силы взрыв! Мне казалось, что нас больше нет...

За плотной пеленой взвеси земли ничего не было видно. Мы все очень испугались. Я перестала видеть и слышать. Немцы в это время побежали в наш подвал. Это было их убежище.

Спрятаться удалось не всем немцам. Не повезло одному несчастному с рыжей шевелюрой. Он бежал последним, но не успел спуститься в подвал. Его голову так и снесло, оторвало.

Взрыв был такой силы, что почти засыпал наш окоп. Испуганный конь дико закричал. Сорвав привязь, рванулся он вместе с нашей повозкой вперёд, роняя и разбрасывая по сторонам наши скромные пожитки, семейные фотографии и самовар, с которым так не хотелось расставаться. «До сих пор всё где-то летает», — горестно вспоминает об этом мама.

Когда дым и взорванная земля немного рассеялись, мы в ужасе замерли. Разорвавшийся во дворе снаряд разворотил половину нашей хаты, а двор было не узнать, его просто взорвало на части. На всё это было страшно смотреть! Мама запричитала. Все мы долго плакали навзрыд.

Наш конь

Коня на месте не было. Мы думали, что его убил снаряд. Но отец не поверил в это и пошёл искать коня. К великой нашей радости, он привёл его вместе с повозкой. Испугавшись взрыва снаряда, обезумевший от страха конь беспорядочно бежал, затем где-то зацепился настолько, что вынужден был принудительно остановиться. Большая часть нашей поклажи была потеряна.

Но много ли нужно несчастным людям, чтобы надежда вновь посетила наши души!? Конь был с нами, и мы понимали, что сможем теперь передвигаться всей семьёй дальше! Но самым главным было то, что все мы остались живы! Это вселяло в нас радость, веру и надежду в то, что теперь мы обязательно преодолеем все трудности и мытарства.

А конь у нас был особенный! Был он очень умный, сильный и на редкость красивый. Отец подобрал его, раненого в ногу, на лугу в начале войны. Никто точно не знал судьбу этого коня. Откуда он и чей? Отец был убеждён, что это конь военный. Возможно, когда отступала наша конница, то коня ранило в ногу.

Когда отец увидел его впервые, конь был очень слабый. Лежал он на лугу с рваной раной ноги, не мог подняться. Раненое животное молча погибало, а из его умных глаз капали слёзы. Отец был у нас всегда жалостливым и очень добрым. С большим трудом он привёз едва живого коня домой. Помогли соседи и родственники.

Конюха и конюшни в нашей деревне уже не было. Новый немецкий порядок не предполагал организованно заниматься лошадьми. Лошади оставались беспризорными. И благо, что было лето! Они бродили, сбившись в стада по лугам и полям, добывая себе необходимое питание. Лучших коней забирали для себя немцы.

Отец долго выхаживал коня, кормил, лечил. Хромой и больной конь немцам был не нужен, поэтому они разрешили нашему отцу держать коня в качестве дополнительной рабочей силы. Когда конь выздоровел и окреп, то стал для нашей семьи кормильцем и надёжным помощником. Что бы мы без него делали в те тяжёлые для всех времена?!

Побег во рвы

Гонят нас немцы в Германию. Впереди наш хромой конь с повозкой. На повозке лежит то, что осталось после взрыва снаряда. Сверху сидят двое малых детей старшего брата Ивана, воевавшего в это время на фронте.

В беспорядочной толпе беженцев лошадей с подводами было не больше десяти повозок. Большинство односельчан в хозяйстве лошадей не имели, и вынуждены были идти с вещами пешком. Люди шли друг за другом целыми семьями.

Рядом с нами шли животные. Корову, нашу кормилицу, во время движения мы привязывали к повозке. Ей это нравилось. Она с удовольствием следовала за подводой, изредка встряхивая головой и посматривая на нас своими влажными умными глазами. За коровой равномерным и бойким шагом, шла наша худущая свинья с отвисшими до земли сосцами, а за ней вприпрыжку бежало двенадцать её смешных поросят. Казалось, что животные, почувшившие беду каким-то внутриутробным сознанием, оставшись без привязи и свободными, решили разделить судьбу своих хозяев!

Всё беспорядочно двигалось, дышало, пищало, кричало, куда-то спешило, спотыкалось, падало и поднималось... толпа оборванных, голодных, нищих людей продолжало своё движение. Но во всём этом просматривалось главное — чувство самосохранения. Было ещё одно, и, пожалуй, самое важное, что объединяло этих людей, — чувство самоуважения и взаимопомощи. Это были мужественные и сильные люди, которым нужно было выжить и победить!

Движущаяся толпа людей сосредоточенно бежала километров пятнадцать. Затем она резко свернула влево и оказалась во рвах. Рвы представляли собой глубокие и естественные укрытия, густо заросшие травой, кустарником и редкими с широкой кроной деревьями. Это место скрывало беженцев от чужих глаз и казалось им спасением. Люди растекались по ущелью и ловко прятались, кто где мог. Казалось, что сама природа приготовила эти места для укрытия измученных побегом людей, и долго ждала их, чтобы защитить и успокоить. Наш конь, подвода и не отстающая от нас живность тоже нашли места отдыха и покоя.

Дни сменяли ночи. В сентябре ночи были ещё тёплыми. Мы сидели во рву, тихо и чутко прислушиваясь к каждому шороху, к каждому звуку. Однажды мы слышали, как на лугу всё гудело от взрывов, выстрелов и передвижений. Отчётливо были слышны крики, которые потрясали нас до глубины души. Мы понимали, что это идёт наша освободительная Красная Армия. Некоторые из взрослых плакали, другие радовались. Все понимали, что наши наступают.

В деревне Исаевка

Во рвах мы просидели неделю. Немцы по доносу нашли нас, выгнали всех из укрытий, и снова продолжили гнать в Германию. Мы, измученные и голодные, проходили знакомые деревни, но редко где нам разрешалось останавливаться.

Пригнали нас в деревню Исаевка. Немцев в деревне было много. Все они были чем-то озабоченные и озлобленные. Вдруг мы заметили одного из знакомых нам немцев, проживавших в нашем доме в то время, когда в нём располагался немецкий штаб. Это был один из важных офицеров. Он нас тоже увидел. Осторожно подошёл к моему отцу и сказал ему: «Пан, вы добрый человек. Я вас уважаю. Вся ваша семья хорошо ко мне относилась. И я хочу помочь вам! Убегайте как можно скорее! Найдите такой момент, чтобы вас не заметили, и убегайте! Скоро... очень скоро вас всех бом-бом. На Германию вас не повезут». Я слышала этот разговор. Многие из него мне было не понятно. Но отец мой тогда понял всё! Этот немец соврать не мог.

И снова немцы продолжали гнать нас как скот. Мелькали населённые пункты. Останавливаться не разрешали. Мы были под неусыпным вниманием немцев-надсмотрщиков. Их количество становилось всё больше и больше.

Мы уже видели, что горят деревни. Понимали, что немцы оставляют их, а чтобы добро не досталось русской армии, поджигают всё, что только можно. Подживали стога сена, посева зерна, дома. Было очень страшно!

Я берегла тайну, подслушанного мной разговора немца с моим отцом и мучительно думала о том, что сбежать нам при такой охране просто невозможно. Посматривая на отца, удивлялась его спокойствию и выдержке.

Побег из Телеговки

Дело шло к ночи. Пригнали нас в небольшую деревню Телеговка. От усталости люди едва держались на ногах. Немцы приказали старосте деревни освободить самые большие дома, потребовали, чтобы нам, как беженцам, было выделено всё необходимое для отдыха. Местные жители повиновались, и вскоре у нас было то, о чём мы могли только мечтать. Такое отношение немцев к беженцам очень насторожило отца. Он не забывал советы знакомого нам немца.

Нашу семью и ещё несколько семей поселили в совершенно новый и просторный дом, выстроенный перед самой войной. Это был очень большой дом, но новосёлы не успели в него переселиться, так как началась война. Так они и остались жить в старом доме.

Разбросанные по разным домам и углам люди, измученные долгой и тяжёлой дорогой, бессонницей, голодом и промозглой сентябрьской погодой, быстро уснули в тепле и покое.

Поздно вечером немцы были сильно взволнованы. Они не спали, бегали, осуществляли какую-то непонятную для нас деятельность. К нам в дом ворвался один из них и начал на ломаном русском языке выяснять, сколько лет «панынке», указывая на меня пальцем. Мама обманула его. Она сказала, что мне всего 9 лет. Это происшествие сильно разволновало родителей. Они узнали у односельчан, что такой опрос немцы сделали у всех, кто имел дочерей-подростков. Нужно было спешить, так как немцы могли отобрать у родителей их детей.

Этой ночью наша семья не спала. Мы понимали, что знакомый немец сказал правду.

Отец позвал всех к себе поближе, тихо и твёрдо сказал, чтобы мы легли отдыхать. Во второй половине ночи наша семья должна уйти из деревни Телеговка. Предупредил, что если кто-нибудь из нас проявит непослушание или неосторожность и немцы нас увидят, поймут наши намерения, то мы все погибнем. Отец был участником двух последних русских войн и знал цену каждому слову.

Мы были готовы к побегу. Сердца каждого из нас так сильно стучали в ночи, что порой казалось: немцы могут услышать их биение.

Мы легли спать. Уснуть было невозможно. Не каждому из нас удалось уснуть в эту ночь. Мы напряжённо ждали знак, когда нам следует выходить из дома.

Вскоре мы услышали скрип входной двери и шёпот двух мужчин. Это был мой отец и дядя, наш родственник, который вместе со своей большой многодетной семьёй решил бежать вместе с нами. Отец заблаговременно предупредил его о побеге. Было решено бежать вместе. Но кроме нас, с Божьей помощью, собрались бежать ещё пять семей! У каждой семьи была лошадь с повозкой, малые дети и девочки-подростки.

Мы вышли в ночь. Зарево огня на горизонте! Было светло как днём! Горели дальние и ближние деревни!

Немцы не спали. Они бегали как сумасшедшие взад и вперед, отдавая друг другу какие-то распоряжения и команды. Воспользовавшись суматохой немцев и отсутствием их бдительности, нам удалось спокойно проехать по задкам деревенских домов.

Потом мы бежали в ночи по болоту. Под ногами всё двигалось, перемещалось, но ни одна повозка, с Божьей помощью, не утонула. Все остались живы... Мы долго перемещались по густо заросшему кустарнику, который рвал до крови наши худые тела и одежды. Выскочили на поле, затем бежали лугом... Спотыкались и падали, разбивались до крови, но не чувствовали этого. Поднимались и снова бежали. Откуда брались силы?! Это был ад... Но мы ещё были живы.

Ночь взрывало зарево огней на горизонте! Мы пугались света. Останавливались и замирали. Лишённые защиты на открытой местности от фашистской погони и случайностей, мы все бежали... бежали и молились, кто как мог. Спасала нас вера в Господа Бога нашего да молитвы ко Пресвятой Богородице!

Все наши животные бежали рядом с нами. Трудно понять до сих пор, почему эти божьи твари не оставляли нас ни днём, ни в ночи. Их молчание и сопение рядом помогали нам в жестокой борьбе за выживание.

В лесу

Пройдя с людьми, животными и повозками глубоко в лес, мы остановились. Понимали, что погони уже не будет. Теперь нужно было организовать свою жизнь так, чтобы мы были защищены от холода и голода.

Нашим спасением был благословенный Богом лес! Он нас кормил, лечил, защищал от дурного глаза, учил преодолевать трудности.

Оставалось только не выдать себя! Костры разводить было нельзя. По наличию дыма, огня и запаха нас сразу могли обнаружить. Мы были деревенскими жителями и понимали, что таким образом мы сможем продержаться недели две, не больше. Потом начнутся ночные и утренние заморозки. Тогда нужно будет что-то предпринимать.

Отец сказал, что нужно всем научиться хорошо маскироваться. Через несколько часов лагерь беженцев было не узнать. Замаскированы были не только люди, но и животные.

Живое детское восприятие оставило во мне глубокий след не только трагических событий, но и счастливых лирических воспоминаний.

Помню впечатления, как наша корова, замаскированная травой и лапами елей, тихо блуждает между деревьями, поедая чистую и сочную зелень... Вот её тайком выгуливают на защищённой лесом лужайке.

...Вечер в лесу. Мама, присев на пенёк, доит нашу бурёнку. Сколько жизней ты спасла, бурёночка наша! Тёплое молочко давали сначала детям, потом больным, реже молочко доставалось взрослым.

Люди ели ягоды, травы, грибы, доедали свои скромные запасы, взятые в дорогу. Скучная пища позволяла нам держаться на ногах. Верили, что скоро всё изменится, наступит освобождение!

Здесь же ходит наша свинья со своими поросятами. Она с удовольствием рвёт зубами какие-то коренья и поедает их. Большой зелёный пучок травы красуется у неё на голове. Спина свиньи ловко замаскирована мягкими ветками кустов. Двенадцать маленьких поросят тоже получают свой паёк тёплого парного молока. Они пристраиваются возле мамы, смешно подпрыгивая и мешая друг другу, фыркают и чавкают, с пристрастием наблюдая, как струйки молочка брызгают в подойник. Эта идиллия запомнилась мне на всю жизнь! Люди в лесу жили впроголодь, но ни у кого из них не возникло даже мысли предложить съесть крохотных живых созданий! Какого же качества были эти простые, измученные войной люди!

Ночевали мы на ворохе веток и сухой соломы, в наскоро приготовленных шалашах, тщательно замаскированных. Трудно сейчас сказать, сколько дней и ночей мы просидели в лесу, но наступило время, когда, несмотря на все наши худые одежды и укрытия, как-то утром мы увидели изморозь, которая начинала подтаивать под нами.

Отец сказал, что скоро могут начаться заморозки и нужно экстренно решать, как действовать дальше. После мужского совещания представителей разных семей было решено направить от нашей группы разведчиков. Их задачей было ползти замаскированными как можно дальше, чтобы узнать, что делается в округе.

Разведчики вернулись с хорошей вестью. Они слышали русскую речь. Немцев в ближайших деревнях уже не видно. Появилась надежда, что можно возвращаться домой!

Дорога домой

Отец знал, как добраться лесом до деревни Алешенка. Осторожность, считал он, никогда не помешает. Его дед и отец были помещиками, потомственными владельцами лесных угодий. Видимо, поэтому Андрей Никонорович хорошо знал и понимал лес, чувствовал себя в нём как дома. Беженцы присоединились к мнению отца, и мы начали наш долгий путь домой.

Была уже осень, и мы находили в лесу много съедобные грибов. Собирали их. Варили на костре грибную похлёбку. Это давало силы, и мы продвигались дальше. Задерживаться нам было нельзя.

Лес густо зарос растительностью и был непроезжим. Передвигаться было сложно. Двигались медленно, а ехать было ещё очень далеко.

Редко пересекали пустые дороги. На одной из них нашли подкрепление, — булку ржаного хлеба. Видимо, немцы потеряли, когда убегали к себе в Германию. Не думали мы тогда, что булка хлеба может быть отравленная. Разделили хлеб на всех по кусочку и съели с великим удовольствием.

Двигались осторожно, по тем же дорогам, но в обратном направлении. Проезжали деревню Телеговка. Не поверили своим глазам. Деревня была сожжена дотла! Торчали только обгорелые пни деревьев, да тлели и дымились сожжённые дома, постройки. Печи торчали, как фантастические животные чёрного цвета. На улицах мы видели сожженных до остова людей и животных.

По коже шли мурашки. Вот что нас ожидало в ту ночь, когда мы бежали из деревни Телеговка! Не в Германию нас готовили немцы, а к уничтожению! И те несчастные люди, которые в изнеможении уснули в ту ночь в деревне Телеговка, в этой жизни уже не проснулись.

Когда до деревни Алешенки оставалось километров двадцать, мы заметили вдалеке поле, а за ним трассу. Это была в то время одна из крупных дорожных магистралей. Мы видели издали всё, что происходило на дороге.

Победители

Мы вышли из лесу на поле, которое отделяло нас от большой дороги, и были потрясены тем, что представилось нашему зрению!

Как на большом экране просматривалось передвижение нашего фронта. Мы видели, что по трассе едут разные орудия: пулемёты, «катюши», «ванюши», самоходки, машины с солдатами и полевыми кухнями. Впереди идут сапёры и проверяют миноискателями состояние дороги, нет ли на ней мин.

Это не передать, что с нами произошло! Радости нашей не было конца! Мы кричали им что-то, махали руками, прыгали от восторга, спешили по полю навстречу освободителям.

Когда они нас заметили, то стали махать нам большим белым флагом. Это был знак, запрещающий движение. Мы поняли, что должны остановиться и ждать. Всё поле было заминировано.

Мы ждали недолго. Сапёры шли нам навстречу, освобождая путь для нашего проезда на трассу.

Когда наши повозки, люди, а за ними корова, свинья и двенадцать поросят прошли поле и вышли на дорогу, где стоял фронт победителей, случилось невероятное! Солдаты бросились к нам! Мы бежали к ним и плакали от радости! Были жаркие объятия, обрывки слов благодарности.

Слёзы радости и счастья затрудняли моё дыхание, ведь где-то здесь, а может быть, рядом, на другом фронте, вот точно также идут по дорогам войны и мои три брата-победителя: Иван, Алексей и Григорий!

Я видела, как наши солдатики брали на руки маленьких поросят, смеялись, обнимали их, целовали прямо в розовые пяточки! Они их целуют, а поросятки только «кряхают» от удовольствия. Кричат солдаты нам и свиноматке: «Надо же! Такое семя для жизни сохранили! Спасибо вам, родные вы наши! Мы же, кроме войны, ничего подобного годами не видели! Видели мы только “пыль да туман...” А вы там такой подарок сделали! Из-под врага оставили поросятков. Это же как в сказке!»

И смеются солдаты, радуются, зацеловывают поросячьих малышей! Свинья важничает, смотрит на всё человеческим умным взглядом. Не препятствует празднику. Всем солдатам, кто хотел подержать поросятков, разрешает обниматься с ними.

Потом ещё хлеще, ещё веселее! Откуда ни возьмись, прибежал фотокорреспондент. Всех нас вместе с животными фотографируют, особенно свинью с поросятами. Обещал

корреспондент написать заметку в газету о нашей встрече с армией наших освободителей! Домой возвращались в их сопровождении.

Прошло уже больше 75 лет, а я не могу забыть всего, что нам суждено было пережить. Помню всё до мелочей. Невозможно это забыть!

Пусть помнят об этой страшной войне наши дети и внуки! Пусть не забывают о нашей жизни. Вся жизнь была в больших трудностях: война, разруха, поднимали всё из руин, строили заново.

Пусть ваша память будет крепкой, а мысли будут светлыми! Мы выстояли и сохранили вам жизнь в самых тяжёлых испытаниях. Помните об этом! Не забывайте, что теперь уже мы с надеждой и гордостью смотрим на вас! Мы верим, что вы нас не подведёте!

Любите Россию: она у нас одна! В ней сосредоточено всё лучшее, что есть в нас! Любите нашу Родину, как любили её мы!

2-я часть.

Мама — дитя войны

Совесьть

I

Была ранняя весна 1944 года.

Ещё шла Великая Отечественная война, но Брянщина уже несколько месяцев назад была освобождена от фашистской оккупации. Зима бесповоротно ушла, и после кровопролитных сражений за свободу наступила первая весна.

Природа робко просыпалась от войны. Пахотные поля требовали к себе особого внимания. Землю нужно было готовить к посевной. По деревням не было ни коней, ни быков. Пахать было некому и не на чем... Люди начали копать землю вручную.

Колхозные поля копали «всем миром». Земля превратилась за время войны в настоящую целину. За четыре года войны она так заросла растительностью, что многое приходилось выкорчёвывать, вскапывать и лопатами, и кирками. Подготавливали поля для посева проса, жита, овса, гречихи, пшеницы, картофеля.

Весь труд тогда был только ручной. Истощённые голодом люди знали, что засеять землю необходимо. Ещё шла война, и нужно было кормить Красную Армию наших освободителей. «Где-то и мои три братика воюют, может, тоже голодают... Но им там ещё тяжелее!» — думала озабоченно Галя. Она знала, что работать сейчас нужно не жалея сил, много и добросовестно. Тогда обязательно придёт долгожданная победа над ненавистными фашистами, вернутся в семью её дорогие и любимые братья-герои Иван, Григорий и Алексей.

Для проведения посевной в разрушенную послевоенную деревню Алешенка из Трубчевска прислали председателя. Требования председателя, который единолично руководил людьми и организацией труда к посевной, были строгими и жёсткими. На работу нужно было приходиться всей семьёй рано утром. Освобождались от работы и могли оставаться дома только маленькие дети, старики и больные люди.

В нашей семье выходили на работу: мама — Огарпина Стефановна, моя старшая сестра Мария, невестка Настя — жена моего брата Ивана. Брали они с собой и меня, тринадцатилетнюю девочку, широкую в кости и выносливую, выглядевшую года на два старше своих сверстников.

II

Тяжело нам жилось после освобождения от немецко-фашистской оккупации. Мы были всегда голодными, а война за четыре года нечеловеческого страха и постоянного недоедания истощила все наши физические ресурсы.

За время войны наши заготовки дров были сожжены. Крыши сараев, подсобных помещений также были уничтожены. Всё ушло на сохранение тепла в доме да на приготовление скудной еды в печи.

В лес мирным жителям немцы ходить запрещали. Боялись фашисты наших связей с партизанами. Нередко за такие походы в лес немцы убивали мирных жителей. Так, троих мужчин из нашей деревни после сбора в лесу дров и хвороста немцы заставили копать ямы для собственных могил. Это были отец с сыном и их сосед. Девушку восемнадцати лет, которая вместе с ними собирала дрова, немцы отпустили, но, беснуясь и падая от хохота, стреляли ей в спину с криками: «Беги! Беги!». Для них это была весёлая игра, забава! Девушка спаслась, но стала очевидцем, как после вырытых тремя мужчинами могил немцы безжалостно их расстреляли и бросили тела в ямы.

Несчастливая приползла домой едва живая, а эта бесчеловечная история стала достоянием односельчан. С тех пор в лес за хворостом и дровами никто из нас старался не ходить.

III

Люди впервые начали ходить в лес и собирать драгоценные дрова и хворост только после освобождения мирных жителей от фашистского ига. Однако в лесу для населения существовала ещё одна смертельная опасность, о которой они могли не знать. Фашисты, покидая оккупированные земли, успевали их заминировать.

В это время погибло много наших односельчан. Наступая на мины, которые плохо просматривались на земле и в траве, они взрывались. Люди оставались калеками на всю жизнь или погибали на месте.

В один из таких дней, когда в нашем доме не было «ни дровиночки», чтобы протопить печь и приготовить для всей семьи скудную еду, мама послала меня в лес за хворостом. Мама сказала: «Галя, обязательно принеси хворост! Топить печь уже нечем. Мы будем всей семьёй копать поле, а тебя заберём на работу после обеда».

Было утро. Все дружно ушли на работу. Я взяла в руки тяжёлый отцовский топор и отправилась с ним за хворостом. Дорога была неблизкая, но я быстро её преодолела. Нарубила и наломала столько хворосту, сколько могла донести.

Возвращаюсь домой. Вдруг вижу, передо мной взвился конь, а верхом на коне наш председатель. Закричал он резко, отрывисто: «Почему ты не на работе? Кто за тебя копать будет?» Я ему отвечаю: «Все взрослые нашей семьи уже копают, а меня послали за хворостом. Топить печь больше нечем! Еду уже не на чем готовить...»

В руках председателя появился резиновый кнут-плётка. Он взмахнул им над моей головой и начал меня беспощадно сечь по плечам, голове, ногам. Я бросила от боли хворост и топор, присела на корточки, пряча голову от жестоких побоев. Было очень больно... Я плакала, звала на помощь. Закрывая лицо от побоев, кричала, что приду работать на поле после обеда вместе с семьёй.

Председателя ничто не останавливало. Он метался вокруг меня и долго бил меня плёткой. Казалось, что этому не будет конца. Захлёбываясь слезами, дрожа от боли и ужаса внезапно обрушившегося на меня гнева председателя, я находилась в беспомощности и, казалось, потеряла дар речи.

Удовлетворив свои дикие потребности варвара над ребёнком, герой умчался.

Очнувшись, я с большим трудом подняла тяжёлый топор, взвалила на свои больные плечи собранный мной хворост. Медленно побрела домой. Идти нужно было километров семь. Болело всё тело. Страдала душа...

Домой вернулась к обеду, когда все домашние пришли с общественных работ на поле. Не скрывая слёз, всё рассказала матери. Мама посмотрела на моё тело, и мы заплакали уже обе. «Немцы не били. Давали еду нам. Кормили нас. А это “свой” — сволочь! Что наделал!» — говорила и плакала мама.

IV

В это время трое моих братьев: Иван Андреевич, Григорий Андреевич и Алексей Андреевич — ещё сражались на разных фронтах за Великую Победу нашего Отечества.

Минский фронт стоял где-то недалеко от нашей деревни. На тот момент мой младший брат, капитан и профессиональный военный Алексей Андреевич вместе со своей фронтовой супругой Аней служил в одной из военных частей Минского гарнизона. За боевые заслуги перед Отечеством молодую пару военных отпускают на семь дней навестить своих родителей.

На попутках, используя своё служебное положение, они уже спустя сутки добрались до родных мест. В планах Алексея было забрать больного отца, Андрея Никоноровича, с собой. Алексей был осведомлён, что отцу требуется срочная операция, много раз предлагал ему приехать в госпиталь. У отца была грыжа, которая его сильно мучила и часто угрожала его жизни. Алексей же уже договорился об операции, но отец не ехал.

Продолжение этой истории было счастливым и волнительным, но развязку имело самую неожиданную.

V

Андрей Никонорович долго сомневался, ехать ему или нет на операцию в такую даль. Но в один из сильнейших приступов решил ехать к сыну. Спустя некоторое время мы собрали отца и отвезли его до станции Суземка, откуда ходил поезд до Минска. Там уже была недалеко и военная часть, где служили его сын и невестка.

Так случилось, что отец прибыл в военную часть в то время, когда Алексей с Аней уже выехали в Алешенку навестить родителей. Встреча не состоялась. Родные люди разминутись друг с другом.

Андрея Никоноровича радушно встретили в военной части товарищи Алексея и Ани. Накормили. Предложили отдохнуть и подождать до тех пор, пока его дети не вернутся обратно в часть.

Отец не стал ждать долгих семь дней! Поблагодарив друзей сына и администрацию военной части, решил возвращаться в деревню незамедлительно. Его снабдили продуктами питания на дорогу, дали попутку до станции.

Отцу понадобилось два дня, чтобы вернуться домой. Со слезами радости на глазах состоялась встреча сына с отцом. Будучи военным по своей основной профессии, Алексей шёл от одной войны к другой. Это была уже его третья война подряд. Одиннадцать лет он не видел родителей. Не знал ещё спокойного семейного счастья. До возвращения в свою часть Алексею оставалось всего три дня.

Болезнь отца волновала сейчас Алексея больше всего на свете, и он не терял надежды забрать отца с собой в госпиталь. Но Андрей Никонорович сказал сыну твёрдо: «Спасибо, сынок, за заботу! Госпиталь — дело хорошее, но возвращаться обратно, делать операцию я не буду. Ехал к тебе в часть только для того, чтобы увидеть тебя. Увиделись — и я счастливый человек! Теперь буду жить столько, сколько Бог даст!»

Осенью папы не стало.

VI

Событие, когда меня высек председатель, совпало с отъездом папы в военную часть к моему брату Алексею.

Мужчин в семье не было. Отец в дороге, а трое моих братьев были ещё на фронте, освободили родную землю от фашистской неволи. Так что жаловаться мне было некому.

Но когда спустя два дня в деревню прибыли Алексей с Аней, в семье стало веселее и радостнее. Нашу жизнь с мамой омрачало лишь событие, которое мы тщательно скрывали.

Шло время, побои давали о себе знать. Внутри у меня всё горело от чувства несправедливости и унижения. Вот мы с мамой и решили рассказать нашим защитникам историю, как председатель посёк меня кнутом. Только ждали для этого подходящий момент.

Было это так... В один из дней пребывания Алексея на непродолжительной побывке у родителей, моя гордость, мой младший брат, спросил у нашей мамы: «Мама, как к вам относились немцы во время оккупации?». Мама отвечала: «Сыночек, немцы нас не обижали, даже кормили. Хлеб давали. Другую еду тоже давали, когда она оставалась у них на кухне. Было видно, что жалели они нас, мирное население. А вот председатель нашей деревни, присланный восстанавливать разрушенное войной и поддерживать нас, плёткой сильно посёк твою младшую сестру Галю только за то, что она собрала в лесу немного хвороста, когда дома было уже нечем топить печь... Вот придёт Галя с работы, вы с Аней сами убедитесь, что не зря я об этом рассказываю».

Вернулась я домой с общественных работ, а мой брат Алексей уже с порога говорит мне: «Ну, сестричка моя дорогая и самая маленькая, покажи-ка мне, как тебя обидел наш деревенский защитник-председатель!». Я стеснялась, отказывалась показывать ему свои раны. Тогда мама подошла ко мне, подняла платице и говорит: «Смотри, сыночек!». На плечах, ногах, а также по всему телу были кроваво-синие удары от плётки. Трудно передать, что произошло с Алексеем, когда он смотрел на результаты избиения ребёнка. Он вздрогнул, сильно побледнел и закричал: «И это сделал “свой”, русский!!! В то время, когда мы воюем, защищаем свои семьи!».

Друзей у брата Алексея было много, некоторые из них находились тут же. Он выскочил к ним во двор. «Друзья мои, отведите меня к этому гаду, к председателю!» — кричал мой потрясённый брат.

Пришли они группой друзей в полуразрушенное здание конторы, где находился председатель. Друзья Алексея показали ему «героя»-председателя, который «воюет» с детьми Великой Отечественной войны. Алексей Андреевич Горелов, награждённый в трёх последних войнах за мужество и отвагу, мой любимый братик и защитник, моя гордость на всю жизнь, подошёл к председателю в военной форме капитана с орденами на груди, схватил его за шиворот, приподнял и хотел, как рассказывают очевидцы, пристрелить его. Но друзья не позволили это сделать, удержали! Тогда Алексей ему сказал: «Негодяй, немцы за три года оккупации не тронули мою сестру, не убили, а ты её посёк, напугал, унизил! Тебя надо бы убить, сволочь!»

Все последующие дни до отъезда в свою часть Алексей сильно страдал оттого, что меня так обидел и напугал председатель.

VII

Позже, когда Алексей с Аней уехали в свою часть добивать фашистов, к нашей матери как-то подошёл этот горе-председатель. «Я же не знал, Стефановна, что у тебя такие защитники, такие герои в семье!» — начал он оправдываться. А мама ему ответила: «А если некому уже защищать, так беззащитных детей бить можно? И за что ты бить этих беззащитных собрался?!»

Больше нечего было сказать председателю. Он молчал и думал... Было видно, что совесть его мучила! Видимо, всё, что в каждом из нас остаётся лучшего, — это наша совесть! И вот сейчас она одна плакала и страдала.

п. Северный, Сосновский район

Извинение

Редакция приносит извинения дружественному Геленджику и лично замечательному поэту Евгении Ивановой за допущенную ошибку: изменение имени автора, обнаруженное в публикации подборки стихов в «Графомане» № 2 (38) 2019 года.

Роман Яншчн

Это птицы покинули сад

Зимовать

А в перцовых баллончиках
 Слезы Христа.
 Одинокие лётчики
 Лают с моста.
 Синтезировав водочку
 Из вчерашнего дня,
 Показала мне мордочку
 Сволочь одна.

Как девчонка со сдобой
 Будка стоит,
 Из неё мне одобрили
 Стеклотарный кредит.
 Я возьму его радостно
 И пойду зимовать,
 Я умею пить градусы
 И слова рифмовать.

Кроты

В твоих глазах надменные кроты.

Алексей Шмелёв

Зачем крадут кроты
 Корявые морковки?
 Когда черны их рты
 От вечной голодовки.

Что им нашепчет мох
 С неведомых погостов,
 Отчизны закровов —
 Запасов девяностых.

Зачем они поют
 В земле холодной песни,
 Когда вокальный труд
 Братве не интересен?

Зачем родит их тьма
 Из мёртвых декадентов?
 Похоже, тьма сама
 Не даст ответ на енто.

Я думаю о них
 Не чаще, чем о дыме
 Из трубок костяных
 И чем о кокаине.

Говорящий

Куст ли я горящий-говорящий?
 С уст ли я сорвавшийся упрёк?
 Плотник ли, нечаянно доставший
 Из молитвы чёрный молоток?

Разобьются, как воспоминанья,
 Пчелы, мёда полные, — в стекло.
 А потом сбегутся есть молчанье
 Тараканы изо всех углов.

А потом талифа-кум на крышу,
 Чтоб глазеть, как Лазарь, на зарю.
 Почему же ты меня не слышишь?
 Или с кем во сне я говорю?

В саду

Я увидел синицу и пил три недели.
 Вот такой впечатлительный я.
 И когда наконец завязал еле-еле,
 Как назло, повстречал снегиря.

О за что мне, Господь, эти райские птицы?
 Эти твари небесных кровей?
 Почему ты решил, выпуская синицу
 Из своих пожелтевших бровей,

Что не будет вреда от неё никакого?
 Что она станет просто летать,
 Будто самое первое пробное слово,
 Никого не заставит страдать?

Почему, нацедив снегиря из пореза
 О бумагу священной руки,
 Не подумал, что будет он горче железа —
 Переносчик смертельной тоски?

Почему я кричу? Всё кричу безголосо?
 Или перьями рот мой набит?
 Или горло моё поросло купоросом,
 А язык закрутило в кульбит?
 Или ангелы мне тишиной отвечают?
 Или черти в отместку молчат?

Это просто опять я вернулся в начало.
 Это птицы покинули сад.

Одна из тысяч

Александровка. Тысячи Александровок разбросаны по просторам России. В Челябинской области их восемь, в Октябрьском районе — две. Речь пойдет об Александровке Никольского поселения.

* * *

Всякий, кто приезжает в Александровку, обращает внимание на речь местных жителей. Она отличается необычностью выговора. Вместо «веревка» здесь говорят «вяровка», вместо «жеребенок» — «жарябенок». Раскатистый трескучий звук «р» соседствует с мягким глуховатым «г». Может быть, отсюда и пошло прозвище александровцев — «хохлы», тем более, что они сами не отрицали своей принадлежности к Украине. Сохранилось даже предание, как в стародавние времена черниговский помещик проиграл свою деревню в карты, и по воле судьбы их предки оказались на Урале.

Возможно, такой случай и имел место, но вызывает недоумение тот факт, что среди коренных жителей Александровки не нашлось ни одной украинской фамилии. Напротив, в деревне, как на подбор, распространены исконно русские фамилии: Медведевы, Гончаровы, Дегтяревы, Щербаковы, Ярцевы. Да и местный диалект не соответствует украинской речи. Он больше напоминает белорусский говор. В действительности так оно и есть. На сотни километров Черниговщина граничит с братской Белорусью. В подтверждении у В. И. Даля находим: «Сильное участие белорусского языка слышно в Черниговской, Орловской, Калужской губерниях».

Знакомимся ближе с дореволюционной Черниговской губернией и отмечаем, что четыре северных уезда заселены преимущественно русскими. Вот и объяснение русскоязычных фамилий. Уже теплее... Но откуда александровцы? Скорее всего, из одноименной деревни. Переселенцы любят сохранять привычные названия. Но таких на интересующей территории несколько. А может быть, их родная деревня вовсе не Александровка? И, пожалуй, не Александровка. С какой стати один край деревни жители называют «калдыки», а другой — «манюки». Не иначе это как-то связано с их родными местами.

С «калдыками» определились сразу. Так в нашей местности называют людей, которые неправильно выговаривают слово «когда». Как правило, это вятичи, костромичи, самарцы. А вот «манюки»! Не без труда, но отыскались и они... на территории Брянской области. Вот те раз! А как же с утверждением о Черниговской губернии?

Внимательно изучаю историю Брянщины. К своему удовлетворению выясняю, что до революции часть области относилась к Черниговской губернии. Как раз та территория, где распространен диалект северных уездов. В науке он известен как северско-белорусский, в честь бытовавшего здесь в стародавние времена славянского племени северян (севарян). Вот это уже маленькое открытие.

Выходит, александровские хохлы вовсе не хохлы. В деревню Манюки Новозыбковского района отправляется запрос. Там с пониманием отнеслись к просьбе, переправив письмо в Новозыбковский краеведческий музей. Скоро оттуда пришел ответ, подготовленный научным сотрудником Г. В. Мартыновской.

Село Манюки по изгнанию поляков принадлежало к числу ратушных сел до 1708 года, когда гетманом Скоропадским по разрешению Мазепы было отдано полковому хорунжему Федору Скоробогатому. Хорунжий укрепил село, построил на реке греблю и мельницу, но впоследствии вынужден был уступить земли стародубскому атаману Григорию Велинскому.

После этого имение еще не раз меняло своих хозяев, пока не попало в руки графу Г. К. Разумовскому, последнему гетману Украины. Генерал-фельдмаршал имел на Черниговщине громадные земельные наделы.

Но, как это часто бывает, после смерти графа кто-то из наследников действительно проиграл в карты часть северских земель. В выигрыше оказался Николай Демидов, сын известного уральского заводчика, владелец Тагильских заводов. Он перевел работоспособных крестьян на Урал.

Переведенцы, так называли крестьян, шли до завода своим ходом. Перевод осуществлялся в два приема. Так в 1825 году Черниговские крестьяне оказались на Тагильском заводе. Можно предположить, что украинских крестьян на завод попало немало, иначе

не родилась бы поговорка: «Небо украшено звездами, земля — цветами, Петербург — городами, Москва — церквями, а Нижний Тагил — хохлами».

До сегодняшнего дня потомки черниговских переведенцев проживают в рабочих поселках Гальянка, Шиловка, Николо-Павловка и других близ Нижнего Тагила.

Приписанные в XIX веке к заводу крестьяне доставляли к печам руду, жженный уголь, стояли у парового молота, вывозили по рекам на барках железную продукцию. Были и такие, кто трудился на золотых промыслах, на платиновых рудниках.

Но не могла крестьянская душа привыкнуть к камню, металлу, чуждому ремеслу. Вот почему, когда появилась возможность (в связи с отменой крепостного права), на территорию Зауралья усилился поток заводских переселенцев. В нашем районе есть выходцы из Каслинского, Кыштымского, Симского, Мотовилихинского, Катавского, Юрюзанского, Белорецкого заводов.

Осела в районе группа заводчан-односельчан из Манюков, сохранившая память о далекой родине в названии улицы.

Полтора столетия стоит на Южном Урале Александровка, названная в честь российского царя-освободителя Александра II, давшего крепостным крестьянам свободу. Ни время, ни превратности судьбы не смогли стереть самобытность жителей, хотя, конечно же, многое было потеряно безвозвратно.

Тысячи Александровок разбросаны по просторам России, и за каждой из них своя жизнь, своя судьба, своя история.

с. Чудиново

Я лежал у разбитого камня

Юность шестидесятых

Красоту уносят годы,
Доброту не унесут.
Мало денег, плохо вроде,
Если много — давит «СКРУТ».

Корка хлеба из голанки
Вкусно пахнет за столом.
За столом кадрили тальянки
Пробежала с ветерком.

Наша юность под гармошку,
Под нелёгкий ратный труд .
Танцевали под ладошку
И не знали слово «СКРУТ».

Красоту уносят годы.
Доброту не унесут.
Мы по пояс знамя броды
И Михеича хомут.

Не боялись вечерами —
Знамя дружбы победит
С разноцветными шарами
На магнитный сталинит.

Шли, страхуясь от паденья,
Крепко за руки держась.
Были в юности мгновенья,
Была выправка и статья.

В данный час — пенсионеры,
Быстро молодость прошла.
Без ансамблей и фанеры
Наша юность прожила...

Сказка об острове Буяне

И на море-океане
Слышно было, как стреляли.
Пушки извергали смерч,
Била по борту картечь.

Князь в подзорную трубу,
Обгоняя прочь хулу,
Подзывает капитана
Родом с острова Буяна.

И на ухо говорит,
Что сея судьба сулит:
Победим или утонем,
Разлагаясь в затоне.

Что ты, батька! Устоим!
Помереть повременим.
Щас шрапнелью как ударим!
За столом врагов помянем.

И на север поплывём,
На Буяне заживём.
Свадьбу дочери сыграем,
Сыты будем караваем.

Вольность, смуту пресекать
Разом, чтоб не оплошать.
Все опричники на взводе,
Силу мерют на природе.

Казни всяки хороши
Всем придворным для души.
Неудобным же для тела
Не допустим беспредела.

Бородаты мужики
Точат вострые ножи.
Называются бояре
Душу тешат незмёями!

Только Пётр применил
И всем бороды обрил.
Взгляды зоркие и злые.
Времена прошли былые.

Русь родную укреплять
И без дела не хворать.
Пётр Первый за Отчизну,
Как Никита к коммунизму,

Призывали присягать
И казну не воровать.
Только этот, блин, закон
До сих пор не побеждён...

Степь да степь

Степь да степь с ковылями
Всех влюбляет по-новому
С трудовыми полями
Да на буйную голову.

Зацветёт, заколышется
Колосистая житница.
Вдалеке песня слышится,
К нам по-тихому близится.

Мы со степью повенчаны
Молодыми с приветами.

С ручейком — наша Сенчина
Пела песни куплетами.

Были вздохи любовные,
Были разочарования.
Но богатства духовные
Шли во благо — кристальные.

Луна

Распустились ветви рябины,
Ветерком по лицу щекоча.
Я твой образ леплю из глины
Тёмным вечером у огня.

А луна полным кругом по небу
Освещает ночной горизонт.
В эту ночь под луною я не был,
Не смотрел на зелёный газон.

В эту ночь наша рота в Шатое
Приняла в окружении бой.
Нас осталось в живых только двое,
Да и то с перебитой ногой.

Я лежал у разбитого камня,
Поседевший, но всё же живой.
Полковое десантное знамя
Гордо нёс легендарный майор.

На суровом лице были слёзы:
Полегло столько крепких ребят.
И над нами небесные звёзды
Молчаливо на небе горят.

Из ущелья Басаев выкрикнул:
«Честь и слава десантным войскам!»
Этой ночью «Аллах Акбар» не слышно,
Даже враг отдал дань пацанам.

Хватит крови, невысказанной лести,
Отодвинуть обиды назад.
Ненамного, лет эдак на двести,
Чтобы снова едиными стать.

К 220-летию со дня рождения А. С. Пушкина

Его великая натура.
Талант сразила пуля-дура.
Онегин с пышной головой
Летел дорогой столбовой.

Никто не верил: нет поэта!
Лишь молчаливая карета
Его везла с дуэли бой.
Да, ветер с матушкой пургой.

В последний путь сопровождали
Без радости, во всей печали.
Вампир достоин порицанья,
Но никакого покаянья.

Дантес во фраке на балу
Вновь начал грязную игру.
Все молчаливо осуждали.
Придворные лишь ликовали.

Для всех всегда один конец:
Кому-то — дёрн, кому — венец.
Великий Пушкин до сих дней
Для всех кумир и чародей.

День Победы 9 мая 2019

*К 74-й годовщине окончания
Великой Отечественной войны
(1945—2019 гг.)*

Память о войне, как во сне.
Там, за океаном, не окончен бой.
Поредевший строй — в тишине
Голос диктора громовой.

Заиграл оркестр духовой.
На ветру платок с синевой
Не сползал с опущенных плеч.
Слышно громкую диктора речь.

На глаза навернулась слеза,
Вспоминали фронттовую дорогу.
Салютует столица Москва
Ветеранам седым понемногу.

Пусть всегда будет мирный Парад.
Пусть всегда будет чистое небо.
Пусть сердца ветеранов стучат.
Пусть всегда будет досыта хлеба.

Тишина окружила умы —
Вся страна с минутой молчанья.
С каждым годом всё реже ряды,
С сорок пятого тише признанья.

Русский воин фашизм победил
Под знамёнами красного флага.
На рейхстаге табличку прибил
Победитель — герой, а не шняга.

К 75-летию снятия блокады с Ленинграда

Ленинград, окружённый врагами,
Был настолько собой одержим —
Самолёты летали кругами,
Заводской нарушая режим.

Голод, холод людей не сломили,
Началась блокадная жизнь.
Всё гремело, живые любили,
Ненавидя проклятый фашизм.

На заводе мальчишки стояли
У токарных железных станков.
Штабелями снаряды лежали,
Выточенные руками юнцов.

Тайну хлеба у сердца держали,
Согревали в трескучий мороз.
Дома мамы с сестрѐнками ждали
Долгожданный недельный обоз.

А по ладожской скользкой дороге
Отправляли больных и детей.
Умереть суждено было многим
У закрытых дырявых дверей.

Девятьсот дней, ночей ленинградцы
Не отдали свой город врагам.
Умирали не раз и не дважды,
Прижимая икону к сердцам.

Синева

Над Таганаем синева
Хребет Уральский укрывает.
Медведь у липы не спеша
Мѐд дикий стоя уплетает.

Природой надо дорожить,
Она ошибок не прощает,
Костры на отдыхе тушить.
Пожар безжалостно сметает.

Идѐт лавиной на тайгу.
Сгорают сосны и берѐзы.
Дым поглощает синеву,
Как крещенские морозы.

Возьмѐмся за руки, друзья.
Замрѐм у леса на мгновенье,
Чтобы послушать глухаря
В очередное воскресенье.

с. Чесма

Оксана Карташѐва

Проходит все, но не бесследно

Что значит жить?

Жить — это значит верить?
Жить — это быть самим собой?
Я вновь открываю двери души своей настежь...
Постой!.. Мой неожиданный путник.
Постой!.. Мой незванный гость.
Быть может, именно здесь ты
Обретешь любовь и покой...

Я вновь открываю двери,
Пытаюсь быть нужной, живой.
Пройдя через муки потери,
Рождаюсь для жизни иной.

Любовь расширяет границы,
Ведет, согревая кровь.
Земным уж душа не прельстится,
Когда торжествует ЛЮБОВЬ!

Я верю, я чувствую, знаю,
Здесь и сейчас, не потом!
Я жизнь обрету, умирая
Для прошлого, ничуть не жалея о том.

Жить — это просто верить
В радость, счастье, добро,
Дарить людям свет и надежду.
И будет сердцу легко!..

Посвящение любимому хореографу

Любовь и свет, душа и танец слились
в единое...
Оно... несется ввысь!.. Зовет и тает
в незримых грезах
Мысль... Одна, заветная, святая:
«Я здесь для вас, для жизни, для любви».
О красота движенья, песня танца —
Мир тела дивной чистоты...

Проходит все, но не бесследно.
Живем мы долго в тех мечтах,
Далеких, светлых, сокровенных:
Увидеть жизнь в иных мирах.

Но ваша тайна неизменно влечет за вами,
Как платья шлейф.
Вы с нами вечно и не с нами...
Вы выше нас!..
И камень с плеч смахнув,
Летим за вами в бесконечность
Той радости любви, искусства, света,
И творческого вдохновенья,
Что возрождают мир из пепла.

Мы вроде те же и не те же.
Мы легче стали и добрей.
Искусство никогда не угнетает.
Оно растит, возносит, делает мудрей.

с. Тарутино Чесменского района

Евгений Хамович

Жизнь без войн прожить на планете

Внучке Катьоше

Песня

Милая Катьоша,
прошу тебя, послушай
своего дедулю,
сражённого, как пулей,
болячками земными
и доживающего с ними.

Срок отведённый свой
с одной мечтой большой —
быть с тобою рядом,
чтоб ласки твоих взглядов
пленили мою душу,
а ты была послушной.

Судьбы дороги сложены,
но изменить их можно,
наметив в жизни путь,
не смей с него свернуть.

Иди настырно прямо
и покоряй программу
в том жизненном пути,
не смей с него сойти!

Я очень рад, родная,
что ты, так поступая,
умножишь свои знания,
придашь себе признанья.
Судьба к нам повернётся,
нам встретиться придётся.
И от её награды
мы будем очень рады.

Я в Россию влюблён,
красотой покорён,
данной Господом ей в этом свете.
Здесь Алтай и Урал,
чудотворный Байкал
маяками плывут по планете.

Вековая тайга,
есть дожди и снега,
гладь озер и бурлящие реки.
Воздух чист здесь и свеж,
дарит столько надежд
жизнь без войн прожить на планете.

До чего ж хороша
ненаглядная Русь,
ничего нет на свете красивей.
А какая душа
даже у малыша,
Богоданная здесь — на России.

Я тобою горжусь,
несравненная Русь,
для тебя жизни не пожалею.
А твоя теплота
и твоя доброта
мне и сердце согреют.

г. Челябинск

Фунштейн А. М. Наше время : сборник стихотворений 2013—2018 годов. — Челябинск : Издательский центр «Павлин» Челябинской областной писательской организации ООО «Союз писателей России», 2019. — 112 с.

В книгу Александра Фунштейна «Наше время» вошли стихи, написанные в 2013—2018 годах. Поэт лёгок на подъём: он пишет много, не обходя вниманием памятные даты и события. Предметом его анализа стали, например, падение челябинского метеорита, День Победы, а также 21 декабря 2012 года, когда, по версии некоторых предсказателей, должен был состояться конец света.

Эти стихи, кажется, выловлены Александром Фунштейном из самого воздуха: так они просты, ненавязчивы, свободны. Вот обращение автора «К читателю»: *К простоте я стремлюсь, / Я боюсь суеты, / И — я верю — добьюсь, / Что поймёшь меня ты.* Да, всё просто и понятно. Но это поистине народная, высокая простота, простота человека, немало прожившего и много повидавшего. Например, отвечая на вопрос, за что поэт любит свой город, он сначала обходится банальной фразой: *Я здесь вырос, все улицы знаю.* Но следом появляется ошеломляющее своей правдивой простотой наблюдение, что «здесь не бояться тяжёлой работы».

И так — практически в каждом тексте: всегда найдётся особенная характеристика, строчка-украшение, неожиданный зигзаг мысли. Да и технически автор подкован совсем не плохо: пользуется несколькими метрами и размерами, работает с твёрдой стихотворной формой (сонет, мадригал, акrostих), в его арсенале — самобытные метафоры и сравнения, а один текст построен на анафоре. Кроме того, в книге есть стихи с эпиграфами из Вячеслава Богданова и Алевтины Терпуговой, достойное место занимает и посвящение литературному клубу «Светунец». Эта система «родственных» связей если и не является системообразующей для Александра Фунштейна, то, во всяком случае, очень для него важна. Ему необходима среда, в которой он — свой среди своих.

Но ситуация, когда сочинительство поставлено на поток, чревата выдачей на-гора не-обязательных произведений. Автор, работающий в таком режиме, просто-напросто может «прозевать» слабое стихотворение, что и случилось с текстом «Как много в мире красоты!» Приходится обращаться к памятке для начинающих стихотворцев: наделяй предметы и явления теми признаками, которые известны тебе одному. В противном случае ты создашь холст, лишённый красок, запахов и звуков. Ты создашь *рутину*. Что же мы видим? *Какие травы и цветы / Под синевой небес!* — восклицает автор. Какие же? Никакие. Безликие. Далее мысль пульсирует и вовсе только в рамках клише, как у «журналиста» школьной газеты: мол, Земля переполнена оружием, мир хрупок и раним. Да, это так, но думается, что на современников подобный вывод не произведёт ни малейшего впечатления. Потому что в борьбе за мир тоже необходимо изобретать креативные ходы.

Фунтики — шуточные миниатюры, написанные Александром Фунштейном. В них, может быть, больше, чем в других текстах книги, чувствуется недоюжинный талант автора, его неповторимое умение на коротком дыхании преобразовать бытовую ситуацию в парадоксальное, ёмкое, смешное высказывание. *Спросили старого еврея: / — Кем хочешь стать, ответь скорее? / Ответил, глаз сощуриив узко: / — Я стать желаю новым русским.* Сказано коротко, остроумно, с подключением так называемой игры слов «старый — новый». Bravo!

Самая известная современная итальянская поэтесса Мария Луиза Спацциани (1922—2014) как-то сказала, что очень ценит, если автор похож на свои тексты. Этот несколько шуточный тезис, кажется, мог появиться после наблюдения за манерой Александра Фунштейна держаться в быту и одновременного чтения его стихов. Автор и его тексты совпадают! Эти строчки мог написать именно он: невысокий, седой, плотный, почти лишённый шевелюры человек с гитарой и в очках.

Да, гитара всегда при авторе книги «Наше время», даже на обложке она запечатлена. Поэт пишет мелодичные стихи, кладёт их на музыку и с удовольствием поёт товарищам по литературному цеху: *В этих песнях и явь, и мечты, / И глубокая боль за Отчизну, / Эти песни полны доброты / Той, что так не хватает нам в жизни. // Гитарист, отдохнуть не спеши, / Пусть добро наполняет нам души. / Эти песни — услада души, / Очень хочется петь их и слушать.*

Козлова Г. М. Всем миром. — Чебаркуль, 2019.

«В новой книге Галины Козловой, — читаем в аннотации к сборнику «Всем миром», — представлены воспоминания и лирические раздумья о природе и любви, размышления о поисках своего места в жизни, о судьбах и характерах современников». Видно, что книга сделана полукустарным способом: нет выходных данных, использован разный шрифт, после некоторых заголовков поставлены точки и тд. Наверное, в другом случае это можно было бы отнести к большим минусам. Но каким-то чудом за этой небрежностью проглядывается тепло и любовь, с которыми составлялась книга.

Галина Козлова — яркий представитель непрофессиональной поэзии. Непрофессионализм в данном случае — это не обвинение и не упрёк, а синоним слова «народность». Сопереживание, открытость, лёгкость, широта души — основные черты русского характера. Ему под стать и стихи сборника «Всем миром». Даже названия некоторых текстов будто записаны студентами в фольклорной экспедиции: «Люблю вселенную я всю», «Цветы, как люди, нравиться хотят», «Ты богиней её назови», «Кто скажет, правды не тая?» Такие певучие заголовки подразумевают музыкальность самих текстов. И действительно, некоторые стихи Галины Козловой положены на музыку. Представляется, что эти произведения стилизованы под русскую народную песню.

«Всем миром» — центральный текст стостраничного сборника. Автору в полной мере удалось передать и атрибутику деревенской жизни, и безоглядность молодости. Но при этом постоянно происходит сбой ритма, возникают серьёзные проблемы с рифмой (кукуруза — нужно), что не может не огорчать читателя.

Всепрощение и смирение — главный мотив стихотворения «О любви»: *Держать тебя не стану я. / Сама люблю и понимаю: / С любовью спорить нам нельзя, / Тебя к любимой отпущая. / Полна искренности и восторга героиня, вышедшая на берег в стихотворении «Расплескалась речка звонкая»: Речка быстрая волнуется — / Хочет что-то мне сказать. / Ветви с волнами целуются / И расходятся опять. Грусть и надежда звучат с первых же строк текста «Любовь от нас не зависит»: Любовь от нас не зависит: / Любим чаще не тех. / В белом цветении вишня, / Счастья весеннего смех. Проникновенная интонация и настоящее чувство свойственны всем стихам Галины Козловой, но изумляет её равнодушное отношение к точным рифмам. Это может восприниматься как неуважение к тому, кто открыл книгу. Действительно, поэтесса употребляет такие рифмы, как «чайки — чудачки», «воде — песке», «явь — парят», «нужно — разумно».*

Галина Козлова то и дело признаётся в любви своему родному городу. Наверное, ему и его окрестностям посвящено более половины текстов. Но любить — одно, а найти такой угол зрения, который показал бы самобытность и неповторимость Чебаркуля, — другое. Если придирчиво прочитать стихотворение «Чебаркульский вальс», то можно сделать вывод, что ничего особенного в обожаемом крае нет. Аромат яблонь, кусты сирени? Этого добра полно и в средней полосе России. Живописные озёра и выступы гор? Карелия. Нежный рассвет? Даже неудобно говорить, что это самый заштампованный штамп. И блики, и сны, и берёзы — всё это относится к любому пейзажу и человеку, но конкретно не относится ни к чему и ни к кому.

Хочется предложить Галине Козловой «растить» любой свой текст из детали. Например, «Чебаркульский вальс» мог обойтись описанием одной-единственной ветки сирени или даже отдельного лепестка с этой ветки. И если «рисунок» получился бы зримым, весомым, особенным, то тут же завладел бы сердцем читателя, заставив его бросить все свои дела и приехать в Чебаркуль наяву. Сила искусства именно в этом — в индивидуальном ракурсе, в эксклюзивном восприятии действительности и, конечно, в умении облечь неповторимые картины и чувства в неповторимые же слова.

А вот «Гимн Чебаркулю», хоть и написан теми же широкими мазками и общими красками, но его можно отнести к авторской удаче. Потому что гимн — особый текст, в котором пафос и оптимизм — главное. И всё же Галина Козлова предпочитает признаваться в любви родному краю с помощью негромкой и светлой лирики: *Рябиновый простор, рубиновые гроздья, / Как кружевной узор у моего подворья. / Красивы круглый год сады рябины красной. / Весной они цветут, и аромат прекрасный! // А летом кружева резных зелёных листьев. / Качаются едва оранжевые кисти. / Украсит осень лист и гроздья, как рубины, / И лётся птичий свист: «Прекрасней нет рябины!»*

Дивянин В. А. Надежда : стихотворения. — Челябинск, 2017. — 108 с.

В третью книгу Валерия Дивянина собраны стихи о любви, природе, а в целом — о различных оттенках человеческого существования. Сборник посвящён «дорогим и любимым

сестрёнкам». Эгих «сестрёнок» аж семь! Скорее всего, среди перечисленных женщин не только родственницы по крови, но и сёстры, наречённые так по каким-то другим признакам (по каким — неизвестно). Но сам факт «семейственности» вызывает улыбку ещё до того, как прочитаешь первый текст.

А заканчивается книга характеристикой, данной классиком современной литературы Николаем Годиной: «Валерий Дивянин — один из самых интересных лириков Южного Урала. Стихи его негромки и проникновенны. Точнее сказать, доверительны». Это предельно высокая, но заслуженная оценка.

Стихи Валерия Дивянина — это мудрые стихи. Мудрость в данном случае — не нагромождение формул о смыслах бытия, а простые слова, вдруг становящиеся откровением. В тексте «Не ссорьтесь, мои дорогие...» герой хочет, вероятно, примирить кого-то с кем-то, но почти бытовая зарисовка выходит на философские вершины: *И люди стареют от страха, / От ужаса перед людьми.* А стихотворение «Душа сказать о чём-то хочет...» погружает в столь знакомое каждому состояние невозможности «вербализации невербализуемого». Любой из нас иногда испытывает какое-то необъяснимое волнение от предвкушений, а порой — пустоту. Что же делать? Ничего: *И только ждёшь, пока не схлынет, / Пока само не отболит, / Пока, оставив вкус полыни, / Не примет снова прежний вид.* Стихотворение «Мой ответ» будто возвращает нас к заговорным основам речи: *Дымом яблонь коснётся из сада / Лишь любовь, лишь любовь, лишь любовь.* А вот начало стихотворения «Музыка»: *Я видел музыку под вечер, / Она была ещё жива. / Гася ромашковые свечи, / Звучала зеленью трава.* Эта зримость музыки, сама возможность преобразить в ноты ромашки и траву, пруд и раннюю звезду — чрезвычайно волнует. Есть в этом опыте что-то от поисков Велимира Хлебникова, который пытался перенести на бумагу голоса птиц, шум деревьев и другие звуки окружающего мира. А с современным поэтом Евгением Туренко стихи Валерия Дивянина роднит то, что в них не встретишь социальных мотивов, в бытовом смысле они беспредметны. То есть тексты населены кронами, ветрами, светом или тенью, но в них никогда не встретишь стул, повестку в суд или самовар.

Среди крепких, проникновенных, но всё же предсказуемых своими логикой и образным рядом произведений вдруг «прорастает» стихотворение «Потоп»: *На спице, на птице, на белой звезде / Скользнёт отражение платья. / Ребёнок спросонья агукнет: а где / Его чечевичные братья?* Что это: сон или перепев библейского сюжета? Почему платье отражается на спице и птице? Кто такие чечевичные братья («продал за чечевицу» — об этом ли речь)? Как получилось, что тени отделились от тел? Если вопросов больше, чем ответов, то почти всегда можно утверждать, что перед читателем открывается не только ни с чем не сравнимый мир авторской индивидуальности, но и настоящая творческая удача.

Процитированное стихотворение наполнено взаимоисключающими состояниями — тревогой и спокойствием, предчувствием и необратимостью, в нём как будто смешаны фанфары победы и флейта поражения. При этом доподлинно невозможно утверждать, что текст повествует о таком-то эпизоде или о таком-то состоянии души. Здесь много и состояний, и эпизодов, а читатель, вовлечённый в поток рифм, понимает, что прикоснулся к чему-то непреходящему. Такие стихи как бы показывают нам самим бессознательные глубины человека. Мы так и не открываем своих тайн, но на сердце всё же становится чуточку легче.

«Она вся в ожиданье» — стихотворение, посвящённое приходу весны. Возможно, автор написал его на заказ для какого-то торжества или городской газеты. Почему? Да потому что это редкий для книги «Надежда» пример, когда в полотно нет и намёка на оттенки чувств или детали пейзажа. Зато обезличенных формулировок — хоть отбавляй. Приход весны объявляется «щедрым даром» (неуместная патетика, какая-то радость напоказ), после чего «всё в мире светится, поёт». Что светится? Что поёт? Что понимается под словом «всё»? Весна в тексте щебечет птахой, зовёт в сады, грохочет громом, проливается дождём, хмурится, хохочет, веселится. Всё, наверное, так, но эти характеристики подойдут и какой-нибудь ведьме в обличии красавицы, и людской вражде, и много чему ещё. То есть речь о том, что поэту не хватило терпения (сила и мастерство у него в наличии) описать ту самую *единственную* весну теми самыми *единственными* словами.

И всё же этот текст — случайность. Настоящих, а не вымученных стихотворений в книге «Надежда» гораздо больше. *Тишь! Не кроны, а короны! / В березняке — январский век. / Чёрно-синие вороны / Замутили белый снег. / Память — жёстко до излома, / Позабытого давно, — / Вспыхнет, вскрикнет, стихнет, словно / Чёрно-белое кино. / Память — колокол и сполох, / Память — снег уснувших крон. / Если снег пойдёт на порох, / Тишине идти на гром. / Отряхнутся прахом кроны, / Если гром найдёт разбег. / Канут белые вороны / В чёрный выстреливший снег.*

В первую книгу чесменского литератора Олега Иванова вошли повесть и шестнадцать рассказов. Героями произведений стали мирные и военные, живые и погибшие люди, болеющие за свою малую родину и большую Отчизну.

Открывает сборник повесть «Тени прошлого». Главный герой Андрей Гурин — водитель. Он и его друг Алексей совершают дальнюю командировку на грузовых машинах автобазы № 2. В ткань этого рабочего путешествия искусно вплетены истории из сельской жизни дореволюционной России и эпизоды Великой Отечественной войны. Такое нелинейное построение повести — несомненная удача автора, свидетельствующая о его кругозоре. Водители, управляющие поместьями, священнослужители, разведчики, знахарки — вот далеко не полный перечень героев полотна, написанного Олегом Ивановым. Не всякий литератор возьмётся за подобный всеохватный труд.

Некоторые части повести композиционно сделаны так, что позавидуешь. Заботы водительской командировки перетекают в историю знахарки, которая спасла капитана НКВД, раненого бандой Филина. А уже внутри этой истории помещён большой рассказ об имени Млево с его героями. Но и в этот рассказ помещена ещё одна вставка — история отца Никодима, убившего двух сыновей помещика Воронцова за то, что они изнасиловали его мать. Получается эффект матрёшки, чьи части на редкость увлекательно читаются. Что и говорить — повесть «сшита» изобретательно и остроумно.

В то же время хочется заметить, что удалось не всё. В произведении слишком много героев — порой они мельшают и заслоняют друг друга. А что до их психологических характеристик, то автор предпочитает людей без полутонов: они либо безоговорочно положительные персонажи, либо отъявленные подлецы. Текст повести порой читается как телеграмма. Это сухие данные о действиях участников той или иной истории. А ещё автор не очень-то жалуется образные выражения. Во всём тексте мной найдены лишь три сравнения, хотя одно из них — пример писательского мастерства. Речь о том, как труженики рубили лес. Большая ель падала, а мужики, *словно муравьи, наваливались на дерево и разделявали его.*

Длинный рассказ «Честное имя» написан от лица командированного в Минск полковника Захара Смирновского, который в 1962 году ведёт розыск военных преступников. Кажется, это тот случай, когда сухие чёткие формулировки, присущие прозе Олега Иванова, оказались кстати. В то же время рассказ перегружен деталями рутинной работы по возвращению доброго имени пропавшему без вести военнослужащему. Как будто автор хочет поделиться с нами всеми своими знаниями в этой области.

От первого лица построен и рассказ «Костя-пастушок». В августе 1946 года бывший полковой разведчик Максим Спиридонов едет за пополнением для спецшколы. Главное в повествовании — тема участия подростков в партизанских отрядах и регулярных войсках. *Дети войны — они как те цветы, которые война жестоко топтала. И это не оправдаешь никакими словами,* заключает автор.

Вообще же удивляет тот факт, что Олег Иванов серьёзно осведомлён в военной области: в своих произведениях он часто говорит о подготовке операций, агентурных связях, спецвооружении и т. д. В то же время автору совершенно не интересна современность с её проблемами — его взгляд устремлён исключительно в прошлое.

Самый короткий и, может, самый пронзительный рассказ сборника называется «Дорога». Формальным героем повествования является полковник в отставке Курганов, приехавший навестить малую родину. Но настоящей героиней рассказа стала просёлочная дорога, как бы соединяющая живущих и ушедших в мир иной. Даже такой небольшой текст отсылает читателя к теме Великой Отечественной войны. Это можно назвать особенностью произведений Олега Иванова — всегда помнить о тех, кто подарил нам жизнь.

И в малой, и в средней формах прозы Олег Иванов остаётся верен себе: его не интересуют внутренний мир героев, оттенки характеров, пейзаж или изыски художественной речи. Стиль автора — разговорный язык, традиционно построенные короткие предложения, калейдоскоп событий и прямая речь. В каких-то случаях это срабатывает, в каких-то — нет. Но огромное уважение вызывает уже тот факт, что Олег Иванов, человек с очень богатой трудовой, «нелитературной» биографией, ни на день не оставляет свои занятия прозой.

Он посмотрел вдаль, в сторону речки, та бурлила своими водами. Вот так и жизнь бурлит, кидает из стороны в сторону, от берега к берегу, а потом теряет свои силы и утихает. И только тени прошлого не дают покоя, всё чаще берут за сердце, сжимают, спрашивают: «А правильно ли ты сделал или нет?»

Электронная версия альманаха размещена по адресам:
www.zenon74.ru/projects; www.mv74.ru

Графоман № 3(39)/2019

Литературный альманах

Редактор *Н. И. Година*

Корректор *Е. С. Меньшенина*

Верстка *В. Б. Феркель*

Подписано в печать 19.08.2019 г. Гарнитура «Constantia».

Бумага «Гознак». Печать офсетная.

Формат 70×100/16. Усл. печ. л. 11,70.

Заказ № 149.

Тираж 90 экз.

Цена договорная.

Отпечатано с готового оригинал-макета

в ООО «Фотохудожник»

454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 155/1.